

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 4(9) – 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

**Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»**

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 12.05.2025

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2024

**Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"**

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 12.05.2025

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The North-West Institute of Management of the RANEPa (Russia, Saint-Petersburg)*; **Arkhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Калинина Е. Ю.</i> «Черная легенда» как мифологический политический конструкт в контексте историко-правовой субъективности: на примере Испании.....	7
<i>Иванов Ю. А.</i> Источники права западнославянских и южнославянских народов в Средние века.....	19
<i>Борисов А. М.</i> Проблемы антропологического взгляда на мононорму и правогенез мусульманского права: дискуссия с Г. И. Муромцевым.....	31
<i>Писаревский Н. П.</i> Международное судоходство и морское право античной эпохи: аспекты истории.....	42

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Шелестов Д. С.</i> Конфликтогенность правовой нормы: общетеоретический и отраслевой аспекты.....	63
<i>Машинникова Н. О.</i> Уголовное судопроизводство как средство разрешения уголовно-правовых конфликтов.....	80
<i>Носырева А. Е.</i> Конфликт социальной идентичности людей с инвалидностью.....	88

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

<i>Скобелев В. П.</i> Проблемы развития исполнительного производства в части принятия судами мер по обеспечению исполнения исполнительного документа в Республике Беларусь.....	98
---	----

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Ларина Е. А.</i> Духовно-нравственные ценности как фактор укрепления территориальной целостности и единства России в современных условиях.....	107
<i>Зверев Д. Р.</i> Использование скриншота в качестве электронного доказательства в арбитражном судопроизводстве.....	114
<i>Жепак М. Г.</i> Эволюция правосознания в сфере государственных закупок: доктринальные основы, обыденные начала и вызовы цифровой трансформации.....	126

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Сиринько В. А., Лавренов Н. А., Землякова А. Д.</i> Обзор Четвертой ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: Правовые системы и системы права» (Воронежский государственный университет, 28 июня 2024 г.).....	141
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	167
-------------------------------------	-----

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Kalinina E. Yu.</i> The "black legend" as a mythological political construct in the context of historical and legal subjectivity: an example from Spain.....	7
<i>Ivanov Yu. A.</i> Sources of law of the West Slavic and South Slavic peoples in the Middle Ages	19
<i>Borisov A. M.</i> Problems of the anthropological view on the mononorm and legal genesis of Muslim law: discussion with G. I. Muromtsev	31
<i>Pisarevskiy N. P.</i> International shipping and maritime law of the ancient era: aspects of history.....	42

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Shelestov D. S.</i> The conflictogenicity of the legal norm: general theoretical and sectoral aspects	63
<i>Mashinnikova N. O.</i> Criminal proceedings as a means of resolving criminal legal conflicts.....	80
<i>Nosyreva A. E.</i> Social identity conflict of people with disabilities.....	88

FOREIGN EXPERIENCE

<i>Skobelev V. P.</i> Problems of development of enforcement proceedings in terms of adoption by courts of measures to ensure execution of the enforcement document in the Republic of Belarus	98
--	----

YOUNG SCIENTISTS' PAGE

<i>Larina E. A.</i> Spiritual and moral values as a factor in strengthening the territorial integrity and unity of Russia.....	107
<i>Zverev D. R.</i> Using a screenshot as electronic evidence in arbitration proceedings	114
<i>Zhepak M. G.</i> The evolution of legal awareness in public procurement: doctrinal foundations, everyday practices and the challenges of digital transformation	126

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Sirinko V. A., Lavryonov N. A., Zemlyakova A. D.</i> The review of the Fourth Annual International Scientific and Practical Conference "From Archaic to the 21 st Century: Legal Systems and the Systems of Law" (Voronezh State University, June 28, 2024).....	141
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	167
--------------------------------------	-----

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 342

«ЧЕРНАЯ ЛЕГЕНДА» КАК МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ ИСПАНИИ

Е. Ю. Калинина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Поступила в редакцию 1 декабря 2024 г.

Аннотация: «черная легенда» – это один из идентификационных мифов негативного характера, составляющих иррациональную сферу правосознания. В статье исследуется ее потенциал и механизмы изучения и трансформации в рамках социокультурного историко-правового дискурса. Феномен рассматривается на примере Испании, поскольку впервые он был описан в испанской литературе и долгое время считался локальным. Автор показывает его универсальное значение.

Ключевые слова: «черная легенда», политико-правовая мифология, идентичность, Испания, социальный конструкт, правосознание.

THE "BLACK LEGEND" AS A MYTHOLOGICAL POLITICAL CONSTRUCT IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND LEGAL SUBJECTIVITY: AN EXAMPLE FROM SPAIN

E. Yu. Kalinina

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

Abstract: the "black legend" is one of the negative identification myths that forms part of the irrational realm of legal consciousness. This article explores the potential and methods of studying and transforming this phenomenon within the context of socio-cultural, historical and legal discourse. The example of Spain is used to illustrate this phenomenon, as it was first documented in Spanish literature and for a long time was considered a local phenomenon. The author demonstrates the universal significance of this phenomenon.

Key words: "black legend", political and legal mythology, identity, Spain, social construct, legal consciousness.

© Калинина Е. Ю., 2024

В рамках современных перспективных подходов в историко-правовой науке, таких как культурно-антропологический, цивилизационный, выявляются возможности для изучения отдельных вопросов, которые ранее не находили разрешения и даже не вызывали особый интерес у исследователей. Одной из многочисленных отличительных черт этих вопросов является то, что они связаны с иррациональным пластом нашего сознания – ценностным, аффективным, смысловым.

Антропологический поворот, связанный во многом с «эрозией детерминизма»¹, поставил во главу угла человека, и не как наблюдателя, а как непосредственного участника исследовательского процесса. Традиционному позитивистскому подходу свойственна описательность, поскольку процесс становления и развития крупных социальных систем и социально-культурных правовых феноменов виделся линейным, поступательным и безальтернативным, полностью предсказуемым как в перспективе, так и в ретроспективе через отрицание случайности как самостоятельного феномена, универсальность историчности, интерпретацию бытия как постоянства для внешнего наблюдающего субъекта². «В классической гносеологии правовая действительность определяется объективной, противостоящей сознанию исследователя, что непременно предполагает существование единственно верной трактовки генезиса, устройства и функционирования правовой системы, поскольку элемент субъективности изначально исключен из объекта исследования»³. Учет субъекта в проведении исследования обнаружил его субъективность, которую всячески пытались отрицать или маскировать, однако в современной науке (не только гуманитарной и общественной, которая, имея в качестве основного объекта социальные конструкты – порождения человеческого разума, в своей основе субъективна, что не имеет никакого уничижительного оттенка, но даже естественной) она представляет собой необходимое условие. Дело в том, что не каждый объект раскроется любому исследователю. Находясь с ним в непрерывном диалоге, он диктует свои условия. Два разных исследователя, в свою очередь, будут обращаться к объекту с разных позиций с учетом опыта, контекста, интереса, даже аффективной составляющей. Но и субъективность не представляется абсолютной, как не абсолютна и объективность науки.

Допуская такую сторону истории государства и права, как ее субъективность (допустимую в рамках научной этики и профессионального на-

¹ Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2000. С. 7.

² См.: Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999. С. 195–196.

³ Михайлова В. Л. Гносеологические принципы осмысления сущности и содержания правосознания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-1. С. 395.

учного исследования), можно ставить вопросы о сущности и природе некоторых социально-культурных правовых феноменов-конструктов, например, об идентичности. Зарубежные ученые тоже признают, что в рамках классической научной парадигмы для ее изучения не хватало «концептуальных инструментов»⁴.

Для правовой науки идентичность не является концептом неясной природы, она имеет непосредственное отношение к формированию государственно-правовой системы, представляя собой концепт, скорее, иррациональный, но обладающий значительным институциональным потенциалом. Однако в значительной степени концепт идентичности лежит в сфере психической, определяя чувственные, аффективные, иррациональные, ценностные и смысловые отношения к явлениям и феноменам государственно-правовой системы, а также ее глубинную сущность. Ее рациональной стороной, которую вполне можно познавать в процессе классического исследования, можно считать социально-правовой процесс, осуществляемый уполномоченными государственными органами с целью определить и зафиксировать документально принадлежность лица к государству, что позволяет учитывать его в рамках правопорядка, наделяя правами и обязанностями. «Получается, что правосознание в конечном итоге связано с самоидентификацией личности»⁵, а следовательно, можно считать идентичность одной из важнейших составляющих правосознания, связывающих его темпоральные состояния (прошлое, настоящее и будущее), т.е. формируя единство субъекта.

В процессе формирования идентичности можно выделить несколько этапов. Первый связан с поиском границ себя, отделением от окружающего мира. Это ступень негативной идентификации. Негативной ее можно считать потому, что она происходит через установление несоответствия между «Я» и «Другие», а также потому, что нередко на этой стадии встреча с «Другим» формирует резко отрицательное отношение. Если идентификация проходит в рамках социальной группы, то становление сопричастности, лояльности, единства требует отличия в лучшую сторону от того, что происходит за пределами группы, иначе идентификация может не состояться. Происходит «оценочная поляризация со знаком “плюс”, относящимся к “Мы”, и знаком “минус”, относящимся к “Они”»⁶. Это типичная логика мифотворения, которая представляет собой основу любого социального нарратива: есть образ Героя и Антигероя, которые противостоят друг другу, и положительные свойства Героя

⁴ *Innerarity Grau D.* El Estado-Nación y la identidad plural // Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural. 2009. Págs. 1-8. P. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (дата обращения: 24.11.2024).

⁵ *Гаген С. Я.* Византийское правосознание IV–XV вв. : монография. М., 2012. С. 18.

⁶ *Агеев В. С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1.

напрямую зависят от степени «отрицательности» его антагониста. «Границы позволяют нам отделить хорошо определенный мир от наиболее вероятно интерпретируемого»⁷. Так лишь в процессе развития базисного социального мифа происходит позитивная идентификация, в которой определяются не только негативные стороны «Другого», но и ценностные характеристики «Я» и «Мы». Ритуалы, символы, мифы в праве и в репрезентации государственной власти появляются не просто так, это не проявление неразвитого сознания – они служат основой для воспроизведения мирового порядка, противодействия хаосу⁸.

В процессе идентификации могут случаться эксцессы. В частности, это негативная идентификация себя, воспринятая членами группы. Если она подкрепляется извне, то происходит странная, казалось бы, ситуация: члены социальной группы воспринимают себя как врагов самим себе, что в итоге неминуемо ведет не к «учету конструктивной критики», а к саморазрушению. Одним из феноменов, которые представляется необходимым изучать в этом контексте, является так называемая «черная легенда». Изучать ее с позиции классических методологических подходов представляется маловероятным. Ее форма представляет собой совокупность оценочных характеристик, настолько окрашенных эмоционально, что это способно оказать влияние на когнитивные процессы даже самого объективно настроенного исследователя, что заставляет его совершать ошибки. Именно это произошло с довольно значимыми учеными, которые либо конструировали заранее негативные модели социально-политических процессов в ряде стран, объектов «черного мифотворения», либо в процессе противостояния оценочным и необъективным тезисам сами становились на путь субъективности, пытались перебороть «черные легенды» «белыми» или «розовыми». Сам термин «черная легенда» появился в 1914 г. в сочинении Х. Худериаса⁹, который считается националистически настроенным деятелем¹⁰. В последние годы среди тех, кто вновь поднял вопрос о необъективном отношении к целым странам и народам, наиболее видное место занимает историк М. Э. Рока Бареа¹¹, которую также нередко относят к националистам.

⁷ Choza J. Identidad cultural e identidad humana // Berceo. 2007. № 153. P. 66.

⁸ См.: Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / под ред. Л. И. Акимовой, А. Г. Кифишина. М., 2000. С. 7.

⁹ См.: *Juderias y Loyot J.* La leyenda negra y la verdad histórica, contribución al estudio del concepto de España en Europa, de las causas de este concepto y de la tolerancia religiosa y política en los países civilizados. Madrid, 1914.

¹⁰ См.: *Kagan R. L.* ¿Por qué la Leyenda Negra? ¿Por qué ahora? // Cuadernos de Historia Moderna. 2018. № 43(1). P. 279–283.

¹¹ См.: *Roca Barea M. E.* Imperiofobia y leyenda negra: Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español. Madrid, 2016.

Эти и другие авторы ставят вопрос о том, почему за пределами Испании возникает ее негативный образ, транслируемый в том числе в научной литературе. Но еще более значимой проблемой можно считать то, что испанские общественные деятели и исследователи, философы и литераторы выходят за пределы нормальной допустимой критики и создают образ государственно-правовой системы Испании как болезненной фрустрированной сущности¹², в противовес «нормальным» европейцам. А. Кастро писал, что основные европейские народы строили свою жизнь на основе верования в то, что их история «нормальная» и прогрессивная; прошлое было прочным фундаментом настоящего и рассматривалось как подготовка к богатому и культурному будущему, что совершенно не похоже на испанскую историю¹³. Что же было первичным: критика Испании извне, со стороны быстро развивающихся европейских соперников, или изнутри? Сказать сложно, но однозначно, что «Черная легенда» стала одной из движущих сил негативной идентификации. «Глубинная специфичность “черной легенды” коренится не только в том, что воздействие Испании вовне было интенсивным и она подверглась непомерным атакам со стороны других государств, но прежде всего в том, что этот образ самой себя настолько повлиял на Испанию, как ни один другой образ, созданный извне, не повлиял на какой-либо народ»¹⁴. «Черная легенда» – это комплексное образование, включающее политико-правовые модели, ставшие основой образа Испании во всех странах мира и в самой Испании. Этот социокультурный политико-правовой феномен потому важно изучать и сегодня, что он представляет собой актуальный инструмент воздействия на правосознание, позволяющий оказывать влияние на формирование внутренней и внешней политики. Это не ушедший в историю «устаревший концепт»¹⁵, и задача современных исследователей изучить механизмы его генезиса, эволюции и влияния. Частично исследования о «черной легенде» проявляют себя как ответ на проекты исторической и демократической памяти, но в последнее время их присутствие в социально-политическом дискурсе характеризуется значительным политическим потенциалом¹⁶.

Один из первых элементов «черной легенды» – это образ отдельных правителей, которые объявляются чрезмерно жестокими деспотами, «не-

¹² См.: *Mariás J.* Understanding Spain. University of Michigan Press, 1990.

¹³ См.: *Castro A.* España en su historia. Cristianos moros y judíos. Buenos Aires, 1948. P. 17.

¹⁴ *Iglesias C.* España desde fuera // España. Reflexiones sobre el ser de España. Madrid, 1998. P. 383.

¹⁵ *Kamen H.* Encuentros digitales // El Mundo. 21 de agosto de 2001. URL: <http://www.elmundo.es/encuentros/invitados/2001/08/189/> (дата обращения: 23.11.2024).

¹⁶ См.: *Straehle E.* La Leyenda Negra y los abusos de la memoria. Reflexiones sobre el nacionalismo historiográfico actual en España // Con-Ciencia Social (segunda época). 2024. № 7. P. 13–32.

бывальными» в мировой истории. При этом практически бесполезно доказывать с фактами на руках, что такое явление не уникально, и в других государствах при схожих обстоятельствах возникали подобные ситуации. Сравнительный метод как наиболее адекватный нередко оказывается бессильным, а оппоненты прибегают к аргументу о «несравнимости» двух феноменов. Если в коллективном сознании сформировался мифологический образ, то он обладает всеми характеристиками «абсолютного зла». Для Испании это образы Педро Жестокого¹⁷ (сформированный в рамках французской пропаганды в связи с антииспанской политикой и поддержкой его основного политического соперника, ставшего в результате противостояния и гражданской войны начальником новой династии Трастамара) и Филиппа II¹⁸ (Нидерланды, Франция – с теми же целями). Еще одним, прибавившимся в последнее время, стал образ диктатора Ф. Франко. Второй элемент – это колониальная политика Испании. Третий – инквизиция, которая так обычно и представляется: «испанская инквизиция», несмотря на то, что практически все ставшие стереотипными утверждения по этому поводу в корне не верны. Четвертый – варварство испанцев, по сравнению с другими европейскими народами.

Позволим себе остановиться на последнем пункте, поскольку его происхождение представляется любопытным и достаточно красноречивым в рамках нашей модели «черной легенды» как политико-правового концепта. Стоит сразу же отметить, что Испания – это периферия европейского политико-правового пространства (или цивилизации). Периферия характеризуется своим пограничным положением, в рамках которого происходит ослабление стереотипных концептов, составляющих культурное цивилизационное ядро. Еще одним любопытным признаком периферии (фронтира) можно считать возможность проникновения элементов другой цивилизации и выстраивание несистематизированных, но постоянных межцивилизационных отношений. Испания стала пограничной зоной между европейской (христианской) и мусульманской цивилизациями, которые находились в конфронтационных взаимоотношениях. Интересен переход в оценках со стороны европейцев от физического образа испанца, имеющего еврейские и арабские черты (невы-

¹⁷ См., например: *Álvarez Rubio M. del R.* De héroes y mitos de la historia de España: Pedro el Cruel en la literatura francesa (siglos XVII–XIX) // *La cultura del otro: español en Francia, francés en España.* Sevilla, 2006. P. 108–117.

¹⁸ См., например: *Manzano Baena L.* La imagen de la Monarquía Hispana en la propaganda europea (s. XVI–XVII) // *Espacio, tiempo y forma. Serie IV, Historia moderna.* 2001. № 14; *Калинина Е. Ю.* Создание негативного мифологического образа Филиппа II Испанского как средство формирования политического и правового сознания в Новое время // *Общество и право.* 2015. № 2(52).

сокий рост, черные волосы, черная борода, смуглая кожа), к моральному облику: «еретики, раскольники, смесь иудеев и марранов»¹⁹.

Если мы углубимся в предшествующие эпохи, когда Испания еще была завоевана арабами, то увидим, как процветали науки и искусства в многокультурном Аль-Андалусе на основе взаимодействия христианской, мусульманской и иудейской культур. Среди ученых выделялись географы, которым было весьма интересно узнать и описать другие народы. Конечно, центром их личной вселенной оставался Аль-Андалус как наиболее цивилизованное пространство. Другие народы однозначно воспринимались не только как враждебные, но и как стоящие на более низкой ступени развития. Впрочем, франки вызывали уважение своей храбростью. Это был достойный соперник и враг, хотя и варвар. Но типичный представитель северного варвара, «в котором сочетаются извращение разума в безрассудной воинственности, ниспровержение надлежащего порядка гендерных отношений и нарушение требований утонченного общества»²⁰ – это народ Галисии, северо-западной области Испании. Галисийцы издревле славятся тем, что ни один народ не смог их завоевать в процессе набегов на Испанию. Реконкиста (отвоевание у арабов) тоже шла с севера полуострова. Главной проблемой галисийцев, по обоснованному мнению арабов, естественно, была их неистребимая ненависть к завоевателям и нежелание идти на компромиссы с врагом. В этом плане они значительно отличались от франков и лангобардов Италии, с которыми мусульмане также сражались. «В средневековой андалузской культуре и литературе именно галисийцы олицетворяли страх, граничащий с паранойей по отношению к Другим»²¹. При этом те описания европейцев как варваров, которые выстраивались в арабском дискурсе, основывались и на более ранних античных образцах. Это позволяет нам говорить о том, что отношение к «Другому» как к врагу (реальному или потенциальному) было и остается в целом характерным явлением, не зависящим от цивилизационных различий, и основывается оно в значительной степени на мифологии. В современной Европе Испания по-прежнему остается «назначенным» варваром, вопреки иллюзии «возвращения в европейскую семью» после падения диктатуры и установления демократического режима. Несмотря на благонамеренные призывы прекратить кампании дезинформации, очевидно, что мы сталкиваемся с проблемой, далекой от научных исследований и образовательной деятельности и гораздо более близкой к сфере популяризации отдельно взятой концепции, даже если в ее основу заложены настолько верные идеи.

¹⁹ Noya J. La imagen de España en el exterior. Estado de la cuestión. Madrid, 2002. P. 49.

²⁰ Hermes N. F. The european other in medieval arabic literature and culture. New York, 2012.

²¹ Ibid.

«Черная легенда» – это не уникальный испанский феномен, вопреки тому, что пытаются показать националистически настроенные авторы, дискредитируя этот концепт как универсальный исследовательский проект. Она представляет собой неотъемлемый элемент испанской идентичности, но не испанской истории как таковой. Иначе это означало бы виктимизацию самой Испании как государства, а быть испанцем «означало бы неизбежно сосуществовать с несправедливым и неслучайным отсутствием признания со стороны испанофобов, не являющихся испанцами»²². Помимо этого необходимо исключить влияние на понимание этого концепта исторических популистов с обеих сторон: как тех, кто склонен видеть историю Испании исключительно как «неудачу», формируя тем самым основы «черной легенды», так и тех, кто пытается бороться с «черной легендой» самым простым (но не верным) способом, переворачивая негативные постулаты, выискивая светлые стороны в «темных пятнах» истории. В результате самой значительной методологической проблемой изучения «черной легенды» является очищение ее от презентизма (вместо того, чтобы в очередной раз писать о составляющих эту мифологию легендах, ученым следовало бы обратиться к изучению собственно исторического прошлого²³, и это автоматически лишило бы «магической силы» как «черные», так и «белые» и «розовые» нарративы).

Трудно оценить, насколько верным стало решение испанского правительства превратить дискурс о «черной легенде» в политический. Например, в 2018 г. на волне широких общественных дискуссий, вызванных исследованием М. Э. Рока Бареа и выступлениями политических лидеров, был создан Фонд латиноамериканской цивилизации, который ставил одной из целей опровергнуть «черную легенду», которая исказила реальность истории, и вернуть испанцам и латиноамериканцам правду об их исторической идентичности с целью сохранения исторической памяти и сплочения Испании и латиноамериканского сообщества²⁴. Вслед за этой, кажется, частной инициативой последовала реорганизация государственных структур Испании, целью которых является принятие мер по улучшению внешнего имиджа страны²⁵. Далее последовала инициатива, поддержанная Евросоюзом, по написанию единого учебника по истории Испании²⁶.

Представляется, что для того, чтобы «нормализовать» «черную легенду», необходимо обратить внимание на механизм мифотворения, на то, как и для чего в правосознание закладывается негативная идентифика-

²² *Straehle E.* Op. cit.

²³ *Straehle E.* El resurgir actual de la Leyenda Negra: entre la historia, la memoria y la política // *Pasajes: revista de pensamiento contemporáneo.* 2020. № 60.

²⁴ *Calderón Argelich A.* De qué hablamos cuando hablamos de Leyenda Negra // *Pasados y presente: estudios para el profesor Ricardo García Cárcel.* Madrid, 2020.

²⁵ См.: *Ibid.*

²⁶ См.: *Ibid.*

ция. При этом важно отвлечься от эмоционального восприятия этого феномена. Подобное восприятие лишней раз демонстрирует историческую субъективность даже историков-профессионалов в виде зависимости от культурного контекста, в котором они находятся²⁷. По-видимому, изучением «черной легенды» следовало бы заняться объективно настроенным зарубежным авторам, не заинтересованным в результатах исследования. Если мы примем, что «черная легенда» не связана непосредственно с Испанией, а выходит за рамки историко-правового контекста, то она может быть изучена как универсальный метафеномен, не зависящий от эпохи и географического пространства, а также религии, культуры, который, к сожалению, не исчезнет. Таким образом, борьба с «черной легендой» не имеет смысла. Ее нужно не уничтожать, но исследовать и трансформировать, воспринимая как неизбежную часть социокультурного историко-правового дискурса.

Библиографический список

- Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов / В. С. Агеев // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 95–101.
- Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации / В. В. Василькова. – СПб. : Лань, 1999. – 480 с.
- Гаген С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. : монография / С. Я. Гаген. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 304 с.
- Жертвоприношение: ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / под ред. Л. И. Акимовой, А. Г. Кифишина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 536 с.
- Калинина Е. Ю. Создание негативного мифологического образа Филиппа II Испанского как средство формирования политического и правового сознания в Новое время / Е. Ю. Калинина // Общество и право. – 2015. – № 2(52). – С. 24–29.
- Михайлова В. Л. Гносеологические принципы осмысления сущности и содержания правосознания / В. Л. Михайлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12-1. – С. 394–404.
- Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
- Álvarez Rubio M. del R. De héroes y mitos de la historia de España: Pedro el Cruel en la literatura francesa (siglos XVII–XIX) / M. del R. Álvarez Rubio // La cultura del otro: español en Francia, francés en España / coord. por Manuel Bruña Cuevas y otros. – Sevilla : Universidad de Sevilla, 2006. – Pp. 108–117.
- Calderón Argelich A. De qué hablamos cuando hablamos de Leyenda Negra / A. Calderón Argelich // Pasados y presente: estudios para el profesor Ricardo García

²⁷ См.: Sánchez León P. Pensar históricamente la(s) leyenda(s) negra(s): de los relatos críticos del pasado a la retórica ideológica en el presente // Nuestra Historia: revista de Historia de la FIM. 2023. № 15.

Cárcel / coord. por Rosa María Alabrús Iglesias, José Luis Betrán Moya, Javier Burgos Rincón, Bernat Hernández, Doris Moreno, Manuel Peña Díaz. – 2020. – Págs. 35–44.

Castro A. España en su historia. Cristianos moros y judíos / A. Castro. – Buenos Aires : Editorial Losada, S.A., 1948. – 740 p.

Choza J. Identidad cultural e identidad humana / J. Choza // Berceo. – 2007. – No. 153. – Pp. 65–79

Hermes N. F. The european other in medieval arabic literature and culture / N. F. Hermes. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – 250 p.

Iglesias C. España desde fuera / C. Iglesias // España. Reflexiones sobre el ser de España. – Madrid : Real Academia de la Historia, 1998. – 588 p.

Innerarity Grau D. El Estado-Nación y la identidad plural / D. Innerarity Grau // Diálogos sobre el Estado-Nación y la identidad plural. – 2009. – Págs. 1–8. – P. 2. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (дата обращения: 24.11.2024).

Juderias y Loyot J. La leyenda negra y la verdad histórica, contribución al estudio del concepto de España en Europa, de las causas de este concepto y de la tolerancia religiosa y política en los países civilizados / J. Juderías y Loyot. – Madrid : Rev. De Arch., Bibl. y Museos, 1914. – 246 p.

Kagan R. L. ¿Por qué la Leyenda Negra? ¿Por qué ahora? / R. L. Kagan // Cuadernos de Historia Moderna. – 2018. – No. 43(1). – Pp. 279–283.

Kamen H. Encuentros digitales / H. Kamen // El Mundo. – Es 21 de agosto de 2001. – URL: <http://www.elmundo.es/encuentros/invitados/2001/08/189/> (дата обращения: 23.11.2024).

Manzano Baena L. La imagen de la Monarquía Hispana en la propaganda europea (s. XVI–XVII) / L. Manzano Baena // Espacio, tiempo y forma. Serie IV, Historia moderna. – 2001. – No. 14. – Pp. 197–244.

Marías J. Understanding Spain / J. Marias. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1990. – 464 p.

Noya J. La imagen de España en el exterior. Estado de la cuestión / J. Noya. – Madrid : Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos, 2002. – 302 p.

Roca Barea M. E. Imperiofobia y leyenda negra: Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español / M. E. Roca Barea. – Madrid : Siruela, 2016. – 536 p.

Sánchez León P. Pensar históricamente la(s) leyenda(s) negra(s): de los relatos críticos del pasado a la retórica ideológica en el presente / P. Sánchez León // Nuestra Historia: revista de Historia de la FIM. – 2023. – No. 15.

Straehle E. La Leyenda Negra y los abusos de la memoria. Reflexiones sobre el nacionalismo historiográfico actual en España / E. Straehle // Con-Ciencia Social (segunda época). – 2024. – No. 7. – Pp. 13–32.

Straehle E. El resurgir actual de la Leyenda Negra: entre la historia, la memoria y la política / E. El. Straehle // Pasajes: revista de pensamiento contemporáneo. – 2020. – No. 60. – Pp. 43–66.

References

Ageyev V. S. Psychological study of social stereotypes / V. S. Ageyev // Questions of psychology. – 1986. – No. 1. – P. 95–101.

Álvarez Rubio M. del R. On heroes and myths of the history of Spain: Pedro the Cruel in French literature (17th–19th centuries) / M. del R. Álvarez Rubio // The culture of the other: Spanish in France, French in Spain / coord. by Manuel Bruña Cuevas and others. – Seville : University of Seville, 2006. – Pp. 108–117. [In Esp.]

Calderón Argelich A. What we talk about when we talk about the Black Legend / A. Calderón Argelich // Past and present: studies for professor Ricardo García Cárcel / coord. by Rosa María Alabrús Iglesias, José Luis Betrán Moya, Javier Burgos Rincón, Bernat Hernández, Doris Moreno, Manuel Peña Díaz. – 2020. – Pp. 35–44. [In Esp.]

Castro A. Spain in its history. Christians, Moors and Jews / A. Castro. – Buenos Aires : Editorial Losada, S.A., 1948. – 740 p. [In Esp.]

Choza J. Cultural identity and human identity / J. Choza // Berceo. – 2007. – No. 153. – P. 65–79. [In Esp.]

Gagen S. Ya. Byzantine legal consciousness of the 4th–15th centuries : monograph / S. Ya. Gagen. – Moscow : Yurlitinform, 2012. – 304 p.

Hermes N. F. The european other in medieval arabic literature and culture / N. F. Hermes. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – 250 p. [In Esp.]

Iglesias C. Spain from outside / C. Iglesias // Spain. Reflections on the being of Spain. – Madrid : Royal Academy of History, 1998. – 588 p. [In Esp.]

Innerarity Grau D. The nation-state and plural identity / D. Innerarity Grau // Dialogues on the nation-state and plural identity. – 2009. – Pp. 1–8. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=5746491> (date of access: 24.11.2024). [In Esp.]

Juderias y Loyot J. The Black Legend and Historical Truth, a contribution to the study of the concept of Spain in Europe, the causes of this concept and religious and political tolerance in civilized countries / J. Juderias y Loyot. – Madrid : Rev. De Arch., Bibl. and Museums, 1914. – 246 p. [In Esp.]

Kagan R. L. Why the Black Legend? Why now? / R. L. Kagan // Cuadernos de Historia Moderna. – 2018. – No. 43(1). – Pp. 279–283. [In Esp.]

Kalinina E. Yu. Creation of a negative mythological image of Philip II of Spain as a means of forming political and legal consciousness in the New Age / E. Yu. Kalinina // Society and Law. – 2015. – No. 2(52). – Pp. 24–29.

Kamen H. Digital meetings / H. Kamen // El Mundo. – 2001. – August 21. – URL: <http://www.elmundo.es/encuentros/invitados/2001/08/189/> (date of access: 23.11.2024). [In Esp.]

Manzano Baena L. The image of the Spanish Monarchy in European propaganda (16th–17th centuries) / L. Manzano Baena // Space, time and form. Series IV, Modern History. – 2001. – No. 14. – Pp. 197–244. [In Esp.]

Mariás J. Understanding Spain / J. Mariás. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1990. – 464 p. [In Esp.]

Mikhailova V. L. Gnoseological principles of understanding the essence and content of legal consciousness / V. L. Mikhailova // Actual problems of humanitarian and natural sciences. – 2013. – No. 12-1. – P. 394–404.

Noya J. The image of Spain abroad. State of the art / J. Noya. – Madrid : Real Instituto Elcano de Estudios Internacionales y Estratégicos, 2002. – 302 p. [In Esp.]

Prigogine I. The end of certainty. Time, chaos and new laws of nature / I. Prigogine. – Izhevsk : Research Center "Regular and Chaotic Dynamics", 2000. – 208 p.

Roca Barea M. E. Imperiophobia and black legend: Rome, Russia, the United States and the Spanish Empire / M. E. Roca Barea. – Madrid : Siruela, 2016. – 536 p. [In Esp.]

Sacrifice: ritual in culture and art from antiquity to the present day / ed. L. I. Akimova, A. G. Kifishin. – Moscow : Languages of Russian culture, 2000. – 536 p.

Sánchez León P. Thinking historically about the black legend(s): from critical accounts of the past to ideological rhetoric in the present / P. Sánchez León // *Nuestra Historia: FIM History journal*. – 2023. – No. 15. [In Esp.]

Straehle E. The Black Legend and the abuses of memory. Reflections on current historiographical nationalism in Spain / E. Straehle // *Con-Ciencia Social* (second period). – 2024. – No. 7. – Pp. 13–32. [In Esp.]

Straehle E. The current resurgence of the Black Legend: between history, memory and politics / E. El. Straehle // *Pasajes: journal of contemporary thought*. – 2020. – No. 60. – Pp. 43–66. [In Esp.]

Vasilkova V. V. Order and chaos in the development of social systems: synergetics and the theory of social self-organization / V. V. Vasilkova. – St. Petersburg : Lan, 1999. – 480 p.

Для цитирования:

Калинина Е. Ю. «Черная легенда» как мифологический политический конструкт в контексте историко-правовой субъективности: на примере Испании // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2024. № 4(9). С. 7–18.

Recommended citation:

Kalinina E. Yu. The "black legend" as a mythological political construct in the context of historical and legal subjectivity: an example from Spain // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2024. No. 4(9). Pp. 7–18.

Сведения об авторе

Калинина Елена Юрьевна – профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент

E-mail: bellaflor@mail.ru

Information about author

Kalinina Elena Yurievna – Professor of the Department of Theory of Law and Civic-Legal Education, Faculty of Law, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Doctor of Law, Associate Professor

E-mail: bellaflor@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ПРАВА ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ю. А. Иванов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассмотрены особенности формирования источников права западных и южных славян (Чехия, Моравия, Польша, Болгария, Сербия) в период Средневековья.

Ключевые слова: Богемия, Чехия, Моравия, Польша, Болгария, Сербия, славяне, Средневековье, источники права, обычай, закон, статут, декрет, уложение.

SOURCES OF LAW OF THE WEST SLAVIC AND SOUTH SLAVIC PEOPLES IN THE MIDDLE AGES

Yu. A. Ivanov

Voronezh State University

Abstract: the article examines the features of the formation of sources of law of the Western and Southern Slavs (Bohemia, Czech, Moravia, Poland, Bulgaria, Serbia) during the Middle Ages.

Key words: Bohemia, Czech, Moravia, Poland, Bulgaria, Serbia, Slavs, Middle Ages, sources of law, custom, law, statute, decree, code.

У западных и южных славян вплоть до периода Высокого Средневековья – XII–XIII вв. – государственность сохраняла вид варварского королевства или раннефеодальной монархии. Слабой была и степень феодализации общественного уклада, исключая те народы, которые были под влиянием или властью более мощных политических образований – Священной Римской империи или Византийской империи.

Феодальная самостоятельная государственность в истории западных и южных славян была самой продолжительной. Однако уже в период развитого феодализма и в начале Нового времени славянские территории были включены в состав мощных государственных образований – Османскую, Российскую, Австро-Венгерскую империи. Раннефеодальные славянские государства, пережив период феодальной раздробленности, не получили, за исключением поляков, опыта сословно-представительной монархии в рамках собственных государств, а период абсолютизма

для всех зарубежных славян прошел под знаком господства иноязычного и инородного элемента.

Эти обстоятельства имели решающее значение в процессе формирования права славянских народов. Большое влияние на феодальное право оказали развитые правовые системы, возникшие в государствах имперского характера. Для южных славян это византийское и исламское право, для западных славян – немецкое право. Нередко право славянских государств представляло историческую переработку или прямое заимствование институтов права и даже целых правовых кодексов. Тем не менее право имперских народов было адаптировано к местным общественным славянским особенностям и поэтому приобрело во многом уникальные черты. Собственные правовые памятники у западных и южных славян появились относительно поздно, с XIII в. Это происходило под более значительным, чем на западе Европы, влиянием королевского законодательства, нередко и ограничивалось им.

Древнейшим источником права южных славян являлся обычай, который трансформировался по мере освоения ими новых территорий на Балканском полуострове и ассимиляции местного населения. На обычное южнославянское право, несомненно, оказали влияние правовые обычаи соседних или пришлых народов – авар, болгар.

Самый древний памятник права, появившийся в начале IX в., – так называемые «Законы Крума», приписываемые болгарскому хану. «Законы Крума» являются единственным источником права истории Болгарии языческого периода¹.

После принятия южнославянскими народами христианства на их территории получили хождение византийские юридические сборники. Одним из первых таких памятников, заимствованных Болгарией, была «Эклога» («Избранные законы»), в которую входили законы, принятые в Византии в 726 г. по приказу императора Льва III и его сына Константина. Первоначально «Эклога» была известна только в греческом оригинале, а после создания славянской письменности переведена на славянские языки.

Вместе с «Эклогой» в Болгарии был воспринят и другой памятник византийского права – так называемый «Земледельческий закон»² – сборник уголовно-правовых постановлений, предназначенных главным образом для защиты частной земельной собственности. «Земледельческий закон» был издан, вероятно, во время правления императоров-иконоборцев во второй половине VIII в.

¹ Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран: средневековые государства и право южных и западных славян. Воронеж, 2020. С. 55–56.

² См.: Византийский Земледельческий закон // Хрестоматия по истории государства и права: история государства и права зарубежных стран. Т. 1, Древний Восток. Античный мир. Средние века // сост. Ю. А. Иванов, А. В. Кирнос, В. А. Колесников, В. Н. Чернышев. Воронеж, 1999. С. 179–186.

Еще один источник византийского права, заимствованный болгарами, – «Номоканон» – содержит нормы светского и церковного права. Переведенный на славянский язык Мефодием под названием «Кормчая книга», «Номоканон» стал действующим законом болгар и сербов на протяжении всего периода Средневековья.

В IX в. на основе славянского обычного права, «Эклоги», при использовании статей «Номоканона», а также епитимий (распоряжений о церковных наказаниях) был составлен первый болгарский памятник права – «Закон судный людем». До нашего времени «Закон судный людем» сохранился в двух редакциях: краткой, включающей 32 статьи, и подробной, состоящей из 77 статей³. Большая часть норм, содержащихся в «Законе...», регламентирует наказания за уголовные преступления (половые и имущественные преступления, приверженность языческой вере) и порядок дачи свидетельских показаний на суде.

Распространение византийского господства на славянские территории дало новый стимул для утверждения в XI–XII вв. норм византийского права в Болгарии и Сербии.

Памятником права, который действовал на сербских и болгарских землях на протяжении всего периода феодализма, была «Синтагма» Матфея Властаря⁴, составленная в 1335 г. в Византии и вскоре переведенная на сербский язык. «Синтагма» представляла собой сборник церковного (канонического) права, в который были включены также нормы гражданского и уголовного права. Весь законодательный материал, включенный в «Синтагму», был разделен на 303 главы, которые группировались в 24 раздела («состава»), согласно буквам греческого алфавита. В 1349 г. на феодальном соборе в Скопле был принят правовой сборник, вошедший в историю под названием Законника Стефана Душана⁵ (сербский король). Законник включал в себя нормы гражданского, брачно-семейного и, особенно, уголовного (треть всех статей) права.

Помимо указанных правовых документов, весьма важным и бесспорным источником болгарского и сербского феодального права были также царские грамоты – документы, изданные царской канцелярией. По своей «форме и содержанию они делились на несколько видов: простагма, орисмос (простой приказ), сигилий (письмо) и хрисовул (торжественное послание)»⁶. По способу составления и изложения, по своей терминологии

³ См.: Закон судный людем // Хрестоматия по истории государства и права... С. 445–448.

⁴ Иванов Ю. А. Указ. соч. С. 57.

⁵ См.: Законник Стефана Душана (1349–1354 гг.) // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садилов. М., 1994. С. 146–153.

⁶ См.: Жалованная грамота болгарских царей // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 686–692.

гии грамоты болгарских и сербских царей XIII–XIV вв. сходны с византийскими и несли на себе следы их влияния.

Средневековое польское право формировалось, подобно другим феодальным юридическим системам, на основе норм обычного права. Основными правовыми источниками его в XIII–XIV вв. являлись «Польская правда», Вислицкий и Петрковский статуты, а также Полный свод статутів Казимира III.

Книга обычного польского права, «Польская правда»⁷, представляет собой первый письменный судебник. Она также имеет название «Эльблонгская книга» – по месту нахождения рукописи в XIX в. в библиотеке г. Эльблонга. Книга содержит запись польского права XIII в. на старонемецком языке. Вероятно, она служила практическим пособием немецким судьям на захваченных крестоносцами славянских территориях для разбирательства дел между представителями местного населения. В рифмованном предисловии «Польской правды» автор подчеркивает ее происхождение: «Его (народа) мудрецы с давних пор обдумали для него право, которым он управлялся. Этот народ называется поляками, а его право я вам здесь представляю»⁸.

Начиная с XIV в. основными источниками польского права становятся статуты и привилегии, издаваемые королем с одобрения магнатов и шляхты. В 1347 г. на съезде малопольской феодальной знати был принят Вислицкий, или Малопольский статут. Он состоял из 59 артикулов. В том же году для Великой Польши был принят Петрковский статут, который состоял из 34 артикулов. Между ними имелось серьезное различие. В то время как «Вислицкий статут не только принял совокупность польских правовых обычаев, но и содержал также много новых норм, Петрковский статут ограничился лишь изложением уже существовавших правил. Это давало возможность польскому историку права Р. Губе считать первый – документом, имеющим общегосударственный характер, а второй – расценивать как узкоместный законник»⁹.

В дальнейшем Вислицкий и Петрковский статуты были объединены в один общий судебник, получивший название «Полного свода статутів Казимира III» (XIV в.)¹⁰, причем первый вошел в него практически полностью, а второй – частично. Впоследствии законодательство Казимира III

⁷ См.: Польская правда // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 737–747.

⁸ Польская правда // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М., 1994. С. 737.

⁹ Бардах Ю. Б., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М., 1990. С. 35.

¹⁰ См.: Серегин А. В. Источники и формы древнеславянского права // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 2(46). С. 29–30.

подверглось существенной переработке. Так, в частности, Вартский статут XV в. подверг судебник настоящей ревизии.

Наряду с указанными правовыми памятниками в период развитого средневековья на территории Польши действовали различные королевские законы, общие и частные привилегии, законодательство сеймиков, а с образованием вального сейма – его собственные акты.

Как большинство средневековых юридических систем, польское право отличалось партикулярностью. В различных частях Польши действовали свои правовые сборники, соответствовавшие местным обычаям. Так, например, в Мазовии имел юридическую силу Мазовецкий статут, в русских землях – Русская Правда, Саксонское и Магдебургское право регулировало отношения не только среди немецкого, но и польского населения – преимущественно в городах¹¹. Подобно землям Чешской короны, в Польше также выделялось земское право, в основном славянского происхождения, и городское право, основанное на немецкой юридической доктрине. Помимо всего прочего с принятием христианства на польской территории распространилось римско-католическое каноническое право, сфера действия которого очень быстро переросла регулирование вопросов веры, положения духовного сословия и включила в себя нормы общегосударственного брачно-семейного и процессуального права.

Судебная практика в качестве источника польского права проявлялась в том, что решения высших королевских судов и местных съездов феодалов создавали обязательный судебный прецедент для решения аналогичных дел. Эта тенденция впоследствии усилилась, и уже с XIV в. появляются специальные сборники судебных решений, которым была придана обязательная сила при рассмотрении соответствующих уголовных и гражданских дел.

Вместе с тем, несмотря на расширение нормотворческой практики по мере укрепления и развития польского феодального государства, обычай сохранял свои позиции на протяжении всего периода развитого средневековья, о чем свидетельствовало, например, предписание королевской власти 1493 г. всем судебным инстанциям учитывать при уголовном и гражданском разбирательстве древние обычаи польской земли.

Наиболее древним письменным законодательным памятником Чехии, о котором сохранились достоверные сведения, являются так называемые «Декреты князя Бржетислава», оглашенные им в г. Гнезно в 1039 г. Они были направлены главным образом против языческих обрядов. В качестве источника права продолжал долгое время господствовать в чешских землях обычай. Славянское обычное право в значительной степени обо-

¹¹ См.: Свод законов земли Ленчинской, статуты о насилии и «Статьи Магдебургского права Бартоломея Гроицкого» // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 766–776.

гатилось новыми чертами в результате взаимодействия с правовой культурой немецких колонистов. С развитием феодального государства типичной формой права становятся привилегии.

К концу XII в. относятся латинские тексты «Статута Конрада»¹², изданного от имени князя Конрада Оттона. Статут представляет собой «собрание приказов и запретов, предназначенных для целей реформирования и исправления государственного аппарата и особенно судопроизводства»¹³.

Особенностью европейских средневековых правовых систем являлось отсутствие последовательно унифицированного в рамках всего общества права. Так, в Чехии наряду с доминировавшим правом высших слоев населения – земским правом – существовали и «специальные правовые комплексы: городское право, сельское право, каноническое (церковное) право, ленное право, горное право, право виноделов»¹⁴. Это вполне соответствовало корпоративному устройству средневекового европейского общества. Поскольку «феодалы играли доминирующую роль в политической сфере общественной жизни, то земское право, формировавшееся в основном на съездах и судебных собраниях шляхты», вполне можно рассматривать условно «общечешским»¹⁵.

В XIV в. земская и специальные системы права в чешских, моравских и силезских землях начинают приобретать письменную форму. Одновременно предпринимались первые попытки кодифицировать право в пределах всего государства.

Но наибольшее развитие частные кодификации получили в чешском королевстве, долгое время не имевшем официально принятого единого нормативно-правового акта, регулирующего важнейшие общественные отношения в стране. Упорядочение «правовых норм происходило в рамках деятельности отдельных знатоков права, результатом чего явились частные записи действовавших юридических установлений с практическими целями»¹⁶.

Одной из первых подобных частных записей стала так называемая Рожмберска (Розембергская) книга¹⁷, датированная еще XIII в. Она была написана на чешском языке и в своих 240 статьях содержала в основном нормы процессуального права. В ней имеются статьи о коморниках, вызове в суд, оправдании перед судом (ст. I–III, VII), далее следуют разделы о выполнении обязательств, о залогах (XIV, XIX) и т.д. В конце XIV в.

¹² См.: Статуты Конрада Оттона // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 831–835.

¹³ Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 105.

¹⁴ Там же. С. 107.

¹⁵ Иванов Ю. А. Указ. соч. С. 75.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ См.: Рожмберская книга // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 837–844.

появился частный «Свод земского права», состоявший из 93 статей и охватывавший вопросы процесса, уголовного и гражданского права. Еще одной частной практической кодификацией стало сочинение пана Андрея из Дубы «Изложение чешского земского права»¹⁸ (1400 г.). Основным источником этого собрания была судебная практика в Верховном земском суде и нормы обычного права. «Изложение чешского земского права» дает четкое представление о судеустройстве и судопроизводстве (ст. 10–13, 15, 43, 58, 63–68, 74–76, 78–80).

XV–XVI вв. стали, по мнению чешских ученых, периодом расцвета правовой культуры. Решения «сеймов, шляхетских судов, земских судов заносились в “земские доски”, которые стали источником новой кодификационной работы и практической юриспруденции»¹⁹. На стыке XV и XVI столетий появился, по утверждению академика В. Ванечека, самый «значительный памятник юридической культуры Чехословакии “Девять книг о правах земли чешской” (конец XV в.), созданный профессором, деканом факультета *atrium liberalium* знаменитого Карлова университета в Праге Викторинном Корнелом из Вшеграда»²⁰. В этом сочинении на чешском языке описывались основные институты процессуального права Чехии.

В конце XV в. началась работа над официальным сводом права, в организации которой большую роль сыграл королевский прокуратор Рендл из Оушавы. Результатом стала подготовка, одобрение чешским сеймом и издание во время правления короля Владислава «Земского уложения королевства Чешского», содержавшего нормы гражданского, процессуального, уголовного и государственного права. В течение всего XVI в. этот документ подвергался исправлениям и дополнениям различными правовыми актами (например, Святовацлавским договором между шляхтой и мещанством 1517 г., трактатом Якуба Меньшика из Менштейна 1600 г. и т.д.).

Частная обработка земского права в Моравии была предпринята в конце XV в. моравским гетманом чехом по происхождению паном Цицбором Товачовским из Цимбурка, написавшим сочинение, известное под названием «Книга Товачовска». Официальная моравская кодификация была осуществлена в первой половине XVI в. в результате создания «Земского уложения маркграфства Моравского», принявшего завершённую форму лишь в 1604 г.

В Силезии и Лужицах право испытывало самое сильное влияние немецких традиций. Здесь пользовались «немецкими юридическими книгами, особенно «Саксонским зеркалом» (XIII в.), одной из местных об-

¹⁸ См.: Изложение чешского земского права пана Андрея из Дубы // Хрестоматия по истории государства и права: история государства и права зарубежных стран. С. 462–470.

¹⁹ Иванов Ю. А. Указ. соч. С. 74.

²⁰ Серегин А. В. Указ. соч. С. 31–32.

работок которого стала «Юридическая книга Згоржелецка». В то же время на официальную «кодификацию здесь достаточно сильное влияние оказало “Чешское уложение”»²¹. В 1563 г. в Оломоуце на чешском языке было издано «Опольско-ратиборжское земское уложение, которое с поправками действовало вплоть до XVIII в.; а в 1573 г. – Тешинское земское уложение. В Нижней Силезии уже в XIV в. появилось немецкое Силезское земское право»²².

Общеюридические тенденции кодификации права коснулись опосредованно и словацких земель. Во второй половине XV в. произошло несколько попыток объединения в единое целое нескольких королевских декретов, вследствие чего появились так называемые «вечные декреты» – «вьетши» (например, шестой декрет короля Матяя от 1486 г., содержащий 78 статей). В начале XVI в. после неоднократных постановлений венгерского сейма о едином своде законов дипломированный юрист Штефан из Вербечи подготовил труд, получивший название «Трипартитум» (состоял из трех частей), приобретший после опубликования в 1516 г. в Вене авторитет закона и оказавший большое влияние на развитие права в Венгрии и Словакии вплоть до конца XIX в. Тем не менее, несмотря на главенство венгерских письменных правовых источников, в Словакии с начала XIII в. отдельных административных районах (комитатах) появились на основе местных обычаев и постановлений местных собраний так называемые комитатные статуты (например, турчанский, нитранский, братиславский, липтовский и т.д.), которые в принципиальных чертах не противоречили общим законам страны.

Важнейшей составной частью правовой культуры в чешских, моравских и словацких землях было городское право, которое долгое время не было единым, так как каждый город имел свое собственное право. При этом на северочешские, североморавские, силезские и лужицкие города значительное влияние оказывало нижненемецкое (саксонское) городское право, а центральночешские, южночешские и южноморавские города подвергались влиянию верхненемецкого (швабского) городского права. В качестве источников городского права выступали «привилегии, предоставленные горожанам паном города; постановления городского совета; решения городских судов, ставшие основой судебной практики – юдикатуры. В XIV в. появилась первая частная юридическая книга городского права – «Книга писаря Яна»²³.

²¹ Vanecek V. Dejiny prava v Ceskoslovensku. Praha, 1961. P. 21.

²² Ibid. P. 22.

²³ См.: Иванов Ю. А. Гражданское право и процесс средневековой Чехии // Юридические записки. Вып. 11, Гражданское право и гражданский процесс: от истории к современности. Воронеж, 2000. С. 186.

В XIV–XV вв. городское право чешского государства нивелировалось за счет объединения близких городских правовых систем и признания за судами отдельных городов высшего авторитета. Так, например, в Чехии для городов, усвоивших саксонское право, высшим правом обладал Литомержице, в Моравии – Оломоуц, для других городов Чехии таким правовым авторитетом обладало пражское Старо место, а для городов Моравии – Брно. Помимо этого, чешские, моравские и словацкие города признавали в качестве самого высокого авторитета, самой последней инстанции «материнские» правовые комплексы – право и суды Магдебурга (для северной группы городов) и Нюрнберга (южная группа городов).

В XV–XVI вв. в Праге и Брно шел процесс формирования самостоятельного чешского городского права. Кодификационная работа в этом направлении была успешно завершена Павлом Кршестяном из Колдина, в результате чего в 1579 г. его труд под названием «Права городские Королевства Чешского» был издан и в течение примерно полувека получил признание по всей стране. В XVII в. на его основе были объединены все своды законов по чешскому городскому праву²⁴.

Сходные процессы протекали и в Словакии, где в XV в. наметилась тенденция к унификации локального городского права. Так, например, для группы западнословацких городов главным правовым авторитетом обладала Трнава. Кроме того, в Венгрии действовал общий апелляционный суд.

С XIII в. важное значение приобретает горное право Чехии. Именно с этого времени центры средневековых разработок получили городскую организацию и поэтому горное право представляет собой в определенном смысле разновидность городского права. Первые письменно зафиксированные нормы горного права содержатся в древних привилегиях, данных городам рудокопов их господами.

В конце XIII в. начался расцвет нового королевского центра добычи руды – Кутной Горы, для которого король Вацлав II принял решение о создании особого свода законов. Составителем этого кодекса в 1300–1305 гг. стал итальянский юрист Гоззиус из Орвиеты. Первым городом, который приступил к практическому руководству нормами «Вацлавов свода» стала Йиглава, которая во время правления Карла IV стала высшим судом горного права для Чехии и Моравии. Только в послегуситский период ее заменила в этой роли Кутна Гора, поэтому чешское горное право часто называют кутногорско-йиглавским. Написанный первоначально на латыни «Вацлавов свод» вскоре был переведен на чешский и немецкий языки и стал одним из самых популярных кодексов для Центральной Европы.

В первой половине XVI в. с возникновением новых центров добычи руды (например, Рудогорж) чешское горное право получило дальней-

²⁴ См.: Ванечек В. Указ. соч. С. 97.

шее развитие за счет привнесения в него немецкого элемента. В 1548 г. король издал для города Яхимова юридические предписания, ставшие основой нового яхимовского права. Впрочем, наряду с ним продолжало действовать кутногорско-йиглавское право, которое подверглось в начале XVII в. некоторой модификации. Для словацких городов рудокопов только в конце XVI в. при короле Максимилиане был создан единый свод норм горного права.

Для развития церковного права на землях чешской короны большую роль сыграло довольно широкое получение в XIII–XIV вв. римско-католическими церковными учреждениями на территории Чехии, Моравии и Силезии иммунитета. Церковное право традиционно формировалось как каноническое право с местными дополнениями и исключениями, которые брали свое начало в привилегиях, правотворческой деятельности местных церковных органов, результатами которой становились так называемые провинциальные статуты (например, Пражские 1349 г.). Гуситское движение принципиально изменило ситуацию в церковном праве. Вплоть до установления довольно жесткого контроля со стороны центральной власти Габсбургов в Чехии существовала относительно большая свобода вероисповедания. С установлением абсолютной монархии и активизацией поддержки Габсбургами католической церкви главные не-католические христианские конфессии заключили несколько договоров, которые позволили противостоять жесткому нормативному регламентированию каноническим правом.

Своеобразие источников права западнославянских и восточнославянских народов было обусловлено влиянием на его формирование византийского, мусульманского, немецкого и канонического права, а также более развитых правовых систем имперских государств.

Библиографический список

Бардах Ю. Б. История государства и права Польши / Ю. Б. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак. – М. : Юридическая литература, 1990. – 559 с.

Ванечек В. История государства и права Чехословакии / В. Ванечек. – М. : Юридическая литература, 1981. – 587 с.

Иванов Ю. А. Гражданское право и процесс средневековой Чехии / Ю. А. Иванов // Юридические записки. Вып. 11, Гражданское право и гражданский процесс: от истории к современности. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2000. – С. 185–196.

Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран: средневековые государства и право южных и западных славян / Ю. А. Иванов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 204 с.

Иванов Ю. А. Суд и судопроизводство западных славян в Средние века / Ю. А. Иванов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2016. – № 2. – С. 271–277.

Куцина С. М. Польская правда – важнейший памятник феодального права Польши / С. М. Куцина // Ученые записки ВЮЗИ. – 1970. – Вып. 20, ч. 3. – С. 175–304.

Ливанцев К. Е. История государства и права феодальной Польши XIII–XIV вв. / К. Е. Ливанцев. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1958. – 160 с.

Папакин М. Г. Судебник Казимира Ягеллончика 1468 г. / М. Г. Папакин // История государства и права. – 2013. – № 13. – С. 58–61.

Серегин А. В. Источники и формы древнеславянского права / А. В. Серегин // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12, № 2(46). – С. 24–35.

Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. акад. В. М. Корецкого. – М. : Госюриздат, 1961. – 965 с.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / сост. В. Н. Садилов ; под ред. З. М. Черниловского. – М. : Гардарика, 1998. – 412.

Хрестоматия по истории государства и права: история государства и права зарубежных стран. Т. 1, Древний Восток. Античный мир. Средние века // сост. Ю. А. Иванов, А. В. Кирос, В. А. Колесников, В. Н. Чернышев. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1999. – 560 с.

Цапов Я. Н. Рецепция сборников византийского права в средневековых Балканских государствах / Я. Н. Цапов // Византийский временник. – 1976. – Вып. 37. – С. 123–129.

Vanecek V. Dejiny prava v Ceskoslovensku / V. Vanecek. – Praha : Ashes, 1961. – 384 s.

References

Bardakh Yu. B. History of state and law in Poland / Yu. B. Bardakh, B. Lesnodorskiy, M. Pietrczak. – Moscow : Legal literature, 1990. – 559 p.

Ivanov Yu. A. Civil law and process of the medieval Czech Republic / Yu. A. Ivanov // Legal notes. Vol. 11, Civil law and civil procedure: from history to modern times. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2000. – Pp. 185–196.

Ivanov Yu. A. Court and legal proceedings of the Western Slavs in the Middle Ages / Yu. A. Ivanov // Judicial power and criminal process. – 2016. – No. 2. – Pp. 271–277.

Ivanov Yu. A. History of the state and the law of foreign countries: medieval states and the law of the southern and western Slavs / Yu. A. Ivanov. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2020. – 204 p.

Kutsina S. M. Polish truth is the most important monument of feudal law in Poland / S. M. Kutsina // Scientific notes of VYUZI. – 1970. – Issue 20, part 3. – Pp. 175–304.

Livantsev K. E. History of state and law of feudal Poland in the XIII–XIV centuries / K. E. Livantsev. – Leningrad : Leningrad University Publishing House, 1958. – 160 p.

Papakin M. G. Code of Law of Casimir Jagiellonczyk 1468 / M. G. Papakin // History of State and Law. – 2013. – No. 13. – Pp. 58–61.

Reader on monuments of the feudal state and law of European countries / ed. acad. V. M. Koretsky. – Moscow : Gosyurizdat, 1961. – 965 p.

Reader on the general history of state and law / comp. V. N. Sadikov ; ed. by Z. M. Chernilovsky. – Moscow : Gardarika, 1998. – 412 p.

Reader on the history of state and law : history of state and law of foreign countries. T. 1, Ancient East. Ancient world. Middle Ages // comp. Yu. A. Ivanov, A. V. Kirnos,

V. A. Kolesnikov, V. N. Chernyshev. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 1999. – 560 p.

Seregin A. V. Sources and forms of ancient Slavic law / A. V. Seregin // Science. Society. State. – 2024. – Т. 12, No. 2(46). – Pp. 24–35.

Tsapov Ya. N. Reception of collections of Byzantine law in the medieval Balkan states / Ya. N. Tsapov // Byzantine temporary book. – 1976. – Issue 37. – Pp. 123–129.

Vaneczek V. Dezhiny rights in Ceskoslovensk / V. Vaneczek. – Prague : Ashes, 1961. – 384 p. [In Czech]

Vanecsek V. History of state and law of Czechoslovakia / V. Vanecsek. – Moscow : Legal literature, 1981. – 587 p.

Для цитирования:

Иванов Ю. А. Источники права западнославянских и южнославянских народов в Средние века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 19–30.

Recommended citation:

Ivanov Yu. A. Sources of law of the West Slavic and South Slavic peoples in the Middle Ages // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 19–30.

Сведения об авторе

Иванов Юрий Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: ivanov@law.vsu.ru

Information about author

Ivanov Yuri Aleksandrovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: ivanov@law.vsu.ru

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА МОНОНОРМУ И ПРАВОГЕНЕЗ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА: ДИСКУССИЯ С Г. И. МУРОМЦЕВЫМ

А. М. Борисов

Курское региональное отделение ООО «Ассоциация историков права»

Поступила в редакцию 27 ноября 2024 г.

Аннотация: актуальность темы и раскрывающих ее тезисов обусловлена разнообразием представленных в юридической науке взглядов на решение вопроса о происхождении государства и права. Публикация Г. И. Муромцева «Мусульманское право в контексте правогенеза» представляет одну из позиций. В данной статье использованы методы конкретно-исторического, логико-правового и системно-структурного анализа, обобщения и синтеза. Выводы состоят в том, что автор усматривает в работе Г. И. Муромцева наличие признаков фактологической непроработанности материала о зарождении и эволюции мусульманской государственности и права. В этом исследовании, выстроенном на основе концепции глобального эволюционизма (всемирной эволюции), обнаруживается противоречие. Оно состоит в коллизии методологического подхода, который исходно предполагает объяснение связи между миром материальным и миром социальным без апелляции к сверхъестественным силам, и доказываемой в анализируемой статье гипотезы о «несотворимости» и сакральности монономы. В конечном итоге, признание диалектического характера эволюции изучаемой социальной материи не соотносится с известными фактами и факторами ее развития.

Ключевые слова: антропологический подход, закономерность, история права, монономия, мусульманское право, обычная норма, правогенез, теория государства и права.

PROBLEMS OF THE ANTHROPOLOGICAL VIEW ON THE MONONORM AND LEGAL GENESIS OF MUSLIM LAW: DISCUSSION WITH G. I. MUROMTSEV

A. M. Borisov

Kursk regional branch of the Association of Legal Historians LLC

Abstract: the relevance of the topic and the theses that reveal it is due to the diversity of views presented in legal science on the solution of the question of the origin of the state and law. The publication by G. I. Muromtsev "Muslim

Law in the Context of Legal Genesis” represents one of the positions. In the article the methods of specific historical, logical-legal and system-structural analysis, generalization and synthesis are used. The conclusions are that the author sees in this work the presence of signs of factual underdevelopment of the material on the origin and evolution of Muslim statehood and law. A contradiction is also discovered in the study, built on the basis of the concept of global evolutionism (world evolution). It consists in the collision of the methodological approach, which initially assumes an explanation of the connection between the material world and the social world without appealing to supernatural forces, and the hypothesis of the “non-creation” and sacredness of the mononorm, proved in the analyzed article. Ultimately, the recognition of the dialectical nature of the evolution of the social matter under study does not correspond with the known facts and factors of its development.

Key words: anthropological approach, regularity, history of law, mononorm, Muslim law, customary norm, legal genesis, theory of state and law.

В статье «Мусульманское право в контексте правогенеза» Г. И. Муромцев определил две цели: выявить причины, по которым общетеоретическая концепция правогенеза, по его мнению, пробуксовывает (уточним: не дает ответы) в отношении развития мусульманского права, и наметить методологию для решения этой проблемы.

Аннотируя свою статью, автор обозначил методологический подход, отвечающий концепции всемирной эволюции¹, согласно которой следует исходить из того, что социальным факторам возникновения права предшествуют природные факторы, вследствие чего можно говорить «о возникновении права одновременно с человеческим обществом»² и о том, что «закономерности развития поведения и механизмы его реализации формируются уже на природной стадии всемирной эволюции»³.

Какие проблемы обозначены Г. И. Муромцевым?

Нестыковка общетеоретической модели правогенеза с ее исламской интерпретацией, несовершенство методологии этой модели, необходимость поиска новых подходов, а также утверждение мнения о том, что структура мусульманского права системно отражает процесс его становления.

Автор утверждает, что догматизм подхода к проблеме происхождения права сформировался в советское время на основе положений известной работы Ф. Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства». Не приводя цитат из этого труда, он уточняет, что проблема правогенеза в этом труде рассматривалась не предметно, а

¹ Понимание этой, подчеркнем, научной теории раскрывается, например, в коллективном труде ученых МГУ им. М. В. Ломоносова. См.: *Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А.* Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы. М., 2012.

² *Муромцев Г. И.* Мусульманское право в контексте правогенеза // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2021. № 1. С. 80.

³ Там же.

«попутно», и называет его устаревшим. «Попутность» состоит в следующем: Ф. Энгельс объяснял, что государство и право возникли, как пишет автор, «вне религиозной формы вследствие общественного разделения труда, разложения родового строя и раскола общества на антагонистические классы»⁴, а «возникновение права предполагает санкционирование государством части старых обычаев либо создание им новых норм в интересах правящего класса»⁵.

Автор делает два вывода. Первый из них заключается в том, что излагаемый в теории государства и права советского периода, да и современного тоже, вывод о возникновении права по тем же причинам, по которым возникло государство, «причинил немалый вред развитию теоретико-правовой науки, поскольку подменял вопрос о закономерностях становления права как юридического феномена вопросом о причинах его становления»⁶, и в результате «правогенез лишился собственного предмета исследования, превращаясь в аспект проблемы происхождения государства»⁷. Второй вывод состоит в том, что в условиях тоталитарного советского режима существенно сужались методологические возможности исследования правогенеза.

Итак, подвергается сомнению догма об одновременном возникновении государства и права в силу одних и тех же причин.

Сделаем ряд отступлений. Во-первых, в своей статье Г. И. Муромцев апеллирует к работам русского физиолога И. М. Сеченова, английского натуралиста и биолога Ч. Дарвина, советского психолога и философа С. Л. Рубинштейна, а также современного ученого-правоведа И. Л. Честнова, и это отдельный, не менее интересный для целей дискуссии аспект, открывающий возможность продолжения научного спора по данной теме. Во-вторых, используя термин «право», да и иные современные термины применительно к описанию регулятивных механизмов первобытного общества, люди которого изначально основывались в своем поведении на обычных рефлексах и лишь позднее⁸, с развитием мышления и речи, языковой лексики – на определенных обычаях, а еще через, вероятно тоже, тысячелетия – на праве, если говорить о правовых памятниках Древнего мира, автор отходит от методологического научного принципа, обязывающего соотносить терминологический инструментарий с достоверно известными фактами и исторической реальностью. Однако он строит свою теорию на под-

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Автор, ссылаясь на следующую работу Б. С. Шалютина, признает, что движение от природного состояния человека к социальному состоянию заняло миллионы лет. См.: Шалютин Б. С. К вопросу о происхождении права // Вестник КГУ. 2009. № 2.

мене одних понятий другими, удобными для его теоретической модели правогенеза, в данном случае мусульманского права.

В чем же состоит методология Г. И. Муромцева?

Исходя из концепции всемирной эволюции (а автор уточняет, что это понятие отсутствует в теоретико-правовой литературе, но используется в философии и психологии), Г. И. Муромцев видит необходимость «исследовать социальные процессы и явления с позиций не только гуманитарных, но и естественных наук», когда природа и общество рассматриваются «в качестве стадий единого процесса всемирной эволюции», и с этих позиций «правогенез зарождается на до- либо предсоциальной стадии этой эволюции, как элемент (аспект) процесса антропо- и социогенеза, а право возникает уже ко времени возникновения человеческого общества»⁹.

Здесь же уточняется, что последняя мысль о возникновении права с возникновением человеческого общества уже высказывалась в юридической литературе, в частности, И. Л. Честновым. Физиологический аспект возникновения права (по И. М. Сеченову) автор видит в актах сознательной и бессознательной жизни, которые по способу происхождения, в сущности своей являются рефлексами. Эволюционно-биологические истоки – в теории Ч. Дарвина, психологические – в учении С. Л. Рубинштейна.

Поясним, что речь идет об актах и типах поведения, которые формировались в результате систематического взаимодействия индивида с социальной средой.

На определенном этапе эволюции человека частью его мира стали божества и духи, а потом «образ мира» и «нормы поведения, включая ранние формы права, воспринимались в таких обществах сквозь призму религии»¹⁰. Правила поведения в первобытном обществе были слитными, и в науке они определяются как мононорма, соединяющая в себе нравственные, религиозные регуляции и регуляции, относящиеся к области права¹¹.

Подметив отсутствие терминологического единства в обозначении первобытных поведенческих норм, поскольку используются термины «право», «обычное право», «мораль», «норма», и акцентируя внимание на первых двух, Г. И. Муромцев пишет, что если есть «безгосударственный механизм» обеспечения обязательности этих первобытных норм, то под начальными формами права в условиях бесписьменной культуры следует понимать слитный с сознанием и поведением индивидов порядок отношений, обеспечивающий выживание или самовывживание человека в природе.

Однако здесь же автор уточняет, что имеются в виду начальные формы права, и эти формы не выделялись из слитной структуры мононор-

⁹ Муромцев Г. И. Указ. соч. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же.

мы. Позднее право стало выделяться в структуре мононорм-обычаев, но они «по-прежнему называются обычаями», а понятия «право» и «обычное право» привнесены в эту эпоху будущими исследователями»¹².

Однако некоторые пояснения строятся на применении к отношениям в догосударственную эпоху варварского общества современных терминов – институт брака, развод, наследование, собственность, возмещение вреда¹³. Потому, как мы полагаем, к таким исследователям по итогам анализа данной статьи следует отнести и Г. И. Муромцева.

Нельзя не согласиться с утверждением о том, что право есть продукт человеческого разума¹⁴, но автор находит, что в условиях устного характера мононормы ее отличала такая существенная особенность, как «ее несотворимость». Объяснение таково: люди не могли объяснить происхождения мононормы, в их представлении она возникла «сама собой», что придавало ей сакральную природу. Автор, противореча собственному утверждению, не связывает здесь появление первобытных регуляций с человеческим разумом, с разумной деятельностью человека, с осмыслением человеком возникающих реалий, с сознанием человека. Называются также такие сущностные характеристики мононормы, как беспробельность (норма слитна с реальным поведением, охватывающим все доступное), неизменность (основана на инстинктах, а они постоянны), охват мира природы, мира сверхъестественного и мира социального. В силу этих свойств мононорма не нуждалась в аппарате принуждения и отражала переход от природной стадии всемирной эволюции к социальной¹⁵.

Относительно аппарата принуждения заметим, что в первобытном обществе существовала иерархия управленческих, если можно так сказать, или властных отношений (например, главы родов, вожди, хранители традиций в духовной сфере отношений, которые, несомненно, обеспечивали своей волей, опирающейся на всеобщее подчинение, выполнение сформировавшихся в роду или племени обычаев), а потому с еще большей вероятностью можно говорить о безусловном наличии механизмов принудительного воздействия. Они имели в основе волю лица, пользующегося определенной властью и способного объединить для той или иной формы насилия подчиняющуюся ему часть микросоциума.

Переходя к религиозной тематике, отметим следующее: неоспоримо мнение о том, что «становление в обществе Западной Аравии религии ислама, а также права и государства, шло, по сути, в рамках единого процесса»¹⁶, но в некоторых тезисах о том, что «фикх, как и шариат, также

¹² См.: Там же. С. 91.

¹³ См.: Там же. С. 90–91.

¹⁴ См.: Там же. С. 90.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ Там же. С. 84.

возникает и функционирует помимо государства»¹⁷ и «процесс становления мусульманского права явно опережал становление государства»¹⁸, мы видим если не противоречие, то одну из основных выдвигаемых гипотез, которую пытается доказывать автор.

Одно из утверждений состоит в следующем: мусульманское право имеет дуалистическую природу (его основу составляют такие социальные регуляторы, как религия и право, и с этим утверждением мы не будем спорить) и возникает и функционирует помимо государства (это оспоримый тезис).

Другая гипотеза (вероятная) заключается в том, что шариат, составляющий неизменную часть ислама, возникает независимо от воли людей. Прочитируем Г. И. Муромцева: «При сравнении шариата с мононормой между ними обнаруживается большое сходство. Так, и шариат, и мононорма возникают независимо от воли людей»¹⁹. Аналогично построен другой тезис: «Шариат выступает как система норм, которые, имея божественное происхождение, одновременно охраняются государством»²⁰.

Автор не уточняет, к сожалению, что это догмат мусульманского права. Очевидно, что, несмотря на оговорку о неспособности людей в начальный социальный период объяснить происхождение обычаев (мононорм), вышеприведенный тезис явно содержит утверждение о сверхъестественном происхождении мононорм и шариата.

Приведенные нами положения позволяют обнаружить еще одно противоречие с авторской методологической установкой о неприемлемости умозаключений, которые основаны на религии «по мировоззренческим соображениям»²¹.

Приведем еще одно авторское утверждение: сохранение основ ислама (Коран и Сунна) неизменными с помощью фикха (рукотворные нормы, исламская юриспруденция, отождествляемая с мусульманским правом) обеспечивалось с помощью религиозно-правовых школ и без участия государства²².

Обратимся к историческим фактам, изложенным в научных работах, энциклопедиях и публикациях научно-светского и религиозно-исламского содержания.

Во-первых, с 610 г. пророк Мухаммед проповедует новую религию, названную им исламом (в упрощенном представлении и без учета различных вариантов включает Коран и Сунну как божественное учение, переданное пророку Мухаммеду от Аллаха ангелом Джibriлем, которое

¹⁷ Муромцев Г. И. Указ. соч. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 95.

¹⁹ Там же. С. 93.

²⁰ Там же. С. 97.

²¹ Там же. С. 84.

²² См.: Там же. С. 95.

содержит предписания об образе жизни исповедующих ислам людей, охватываемые понятием шариат, а на основе совокупности этих норм формируется фикх как нормативно-правовая часть шариата).

Однако на тот период это была не религия, а совокупность личных и, вероятно, групповых воззрений, которые отвечали интересам людей и воспринималась племенами и общинами, с помощью которых вооруженным способом в 622 г. был захвачен город Медина. Лидером общины города, в котором большинство населения составляли евреи, а затем арабы, стал пророк Мухаммед. Но это был период распада древних арабских государств Набатеи, Химьяра, Сабы, Пальмиры и царств Лахмидов, Гассанидов и Киндитов (особо подчеркнем – государств, имеющих свои законы). Через 8 лет, в 630 г. арабы во главе с пророком Мухаммедом завоевали город Мекку, который также сохранял общинный образ жизни населения до образования в 632 г. Праведного халифата (Халифат Рашидун). Этот город и стал столицей теократического государства, в котором исполнение светских и духовных функций возлагалось на один властный центр.

Можно, объясняя данный ход событий в рамках антропологического подхода, и дальше развивать мысль о том, что: вождизм и шаманизм (публичные, управленческие и религиозного характера практики различных, в данном случае мы говорим об исторических практиках, способов организации жизни людей и утверждения культов, которые всегда и везде несли в себе элементы контроля) являли собой определенные формы власти и, одновременно, формы отношений власти-подчинения, а также всегда и везде осуществлялись людьми, проявляющими те или иные лидерские качества; вождизм предшествовал шаманизму, и в обществах они становились двумя «ветвями власти»; со временем они составили «сплав», давший двуединый способ управления обществами, использованный некоторыми народами, в том числе при образовании первого исламского государства. Причем, если в христианстве сопряжение светской и конфессиональной организации носило конфликтный характер в силу наличия двух центров власти, то в трактовке ислама власть сосредотачивалась в одном центре управления социумами.

Во-вторых, все религиозные школы были образованы после 632 г. или после образования первого исламского государства. Автор неоднократно ссылается на работы Л. Р. Сюкияйнена, но именно на его исследованиях авторы коллективной монографии «Правогенез» под ред. Р. А. Ромашова заключают, что только с VIII в. (700–800 гг.) признается ведущая роль правоведов в развитии системы предписаний мусульманского права²³, а основные школы мусульманского права постепенно складываются с се-

²³ См.: Правогенез: традиция, воля, закон : коллективная монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2021. С. 328.

редины VIII в.²⁴, т.е. более чем через столетие после создания первой исламской государственности.

В этой же монографии ясно указано, что роль государства была весьма значимой на начальных этапах становления мусульманского права (полагаем, что и соответствующих правовых школ), и только в дальнейшем она носила опосредованный характер²⁵, что со всей очевидностью не согласуется с утверждением Г. И. Муромцева о неучастии государства в сохранении основ ислама.

Изложим некоторые теоретические постулаты, важные для последующих выводов:

– закономерность представлена в различных трактовках: 1) наблюдаемое явление, понимаемое как относительно устойчивая и регулярная взаимосвязь явлений и объектов реальности, проявляющаяся в процессах их изменения и развития; 2) обусловленность объективными законами; 3) существование и развитие соответственно законам; 4) наблюдаемая зависимость между событиями или явлениями;

– есть закономерности жесткой детерминации, есть закономерности статистические;

– одно из определений понятия «причина» – явление, обстоятельство, непосредственно порождающее, обуславливающее другое явление.

Таким образом, подведем итоги.

1. Несомненно логическая связь между понятиями «закономерность» и «причина», и автором приведена по Ф. Энгельсу «цепочка» социальных явлений: общественное разделение труда, разложение родового строя и раскол общества на антагонистические классы, которые «венчают» еще два явления – образование государства и права. Эту «цепочку» и в первых названных элементах, и в соединении этой триады с последними двумя социальными феноменами характеризует не строгая хронологическая последовательность, а тесное переплетение взаимосвязей и взаимообусловленностей. К этим причинам-закономерностям неизбежно добавляются в самых различных сочетаниях иные факторы: развитие коммуникативных форм общения, возникновение и распространение в обществах идей о справедливом жизнеустройстве, закрепление или утрата обычаев, изменения в системе власти, социальные конфликты и войны с их завоеваниями и поражениями (неоспоримо, что на землях арабских государств начало VII в. характеризовалось ведением локальных войн). Поэтому утверждение о подмене марксистами и советскими разработчиками теории государства и права вопроса о закономерностях становления права как юридического феномена вопросом о причинах его становления представляется, по меньшей мере, необоснованным.

²⁴ См.: Правогенез: традиция, воля, закон. С. 329.

²⁵ См.: Там же. С. 330.

Выделяют базовые и надстроечные элементы общества, и Ф. Энгельс определял именно базовые, тогда как государство и право относятся к надстроечным элементам, т.е. они производны от первых, и нельзя не видеть в этом определенных закономерностей.

2. Автор упоминает о первичном влиянии на ислам и мусульманское право разнотипных и плохо совместимых культур²⁶, как мы понимаем, распавшихся в рассматриваемый период государств и царств Аравии, создавших условия для столь конфликтной, если не назвать ее революционной, ситуации в Западной Аравии. Этот вопрос требует уточнения относительно восприятия норм законов этих государств при создании коранических и суннитических норм, а также фикха. Учитывая же многовековое влияние на ислам и мусульманское право обычаев, верований и правовых установлений Персии, Византии и Рима, упоминаемых автором, можно не только предположить, но и утверждать, что эти религиозные и правовые институты сами по себе обусловлены, кроме материальных условий жизни, бытующими в жизни упоминаемых народов обычаями, иными религиями (например, христианской) и правовым наследием иных, в том числе исчезнувших по тем или иным причинам, государственных институтов. Выражаясь математическим языком, мы находим в исламе кубическую функцию или производность – обычаи, нормы павших государственных институтов и верования.

3. Отмечая хронологическую непривязанность выбранных для анализа институтов к срокам их возникновения, можно признать формирование мусульманского права из обычаев арабских общин и племен. Но пока они оставались общинами и племенами вне единой государственности, допустимо вести речь лишь об обычаях или о правилах общин, которые позднее назывались законами (применение к ним термина «закон») и формировались с учетом цивилизационного влияния соседних государств.

У любых народов существующие внутриобщинные регуляции с укрупнением социумов и созданием ими тех или иных государственных институтов оформлялись в законы и образовывали право. Это и произошло на Аравийском полуострове: объединение общин и племен, воспринявших призывы и идеи нового лидера о должном устройстве жизни, их согласие на силовое изменение порядков и властвование над ними этого лидера, согласие на новые условия жизни под властью победителя и на основе изначальных (первично проповедуемых) регуляций ислама как идейной основы объединения с образованием теократического мусульманского государства (Праведный халифат), а затем постепенное формирование и письменное оформление на основе правил объединившихся общин и

²⁶ См.: Муромцев Г. И. Указ. соч. С. 95.

племен самого фикха, постоянно дополняющегося, и, естественно, мусульманского права.

Идеи не в одночасье становятся общепризнанными, даже если они несут те или иные влекущие людей верования (религии), не говоря уже о праве, требующем соответствующего оформления.

Гипотеза догосударственного возникновения мусульманского права представляется неподтвержденной фактологически. Конечно, структура мусульманского права системно отражает процесс его становления: религиозные нормы, регулирующие поведение человека, аналогичные суннитские нормы религиозно-правового регулятивного характера, нормы фикха, дополняемые правовыми нормами мусульманских государств. Эта схема последовательно отражает эволюцию синтеза мусульманского права из религиозных предписаний, общинных и племенных обычаев, а также воспринятых во второй половине первого тысячелетия арабскими общинами законов соседних государств и своих утраченных государственностей.

По нашему мнению, теоретики права, с позиций позитивистского подхода, должны строго придерживаться определенных терминологических правил при осмыслении исторических периодов: к догосударственным периодам жизни людей применимы термины «обычай», «обычное правило», «обычная норма», «правила общежития»; право как институт, имманентный государственной форме общежития, допускает применение терминов «правовой обычай» как обычай, санкционированный в законе государственной властью, и «обычное право» как совокупность правовых обычаев.

4. Говоря о целях, поставленных Г. И. Муромцевым, заметим, что тезис о «пробуксовке» общетеоретической концепции правогенеза ошибочен, а новая методология, не основанная на исторических фактах, не позволила автору решить поставленные им проблемы. Право не возникает одновременно с человеческим обществом как совокупностью животных, наделенных разумом, поскольку социально важные проявления разума институционального порядка (а к ним относится и право) являются делом многих тысячелетий.

Согласимся с тезисом о том что закономерности развития поведения и механизмы его реализации формируются уже на природной стадии всемирной эволюции. Но эти закономерности и механизмы до социальной стадии развития человека связаны в большей степени с его позитивным и негативным в антропологическом измерении опытом первобытной жизни, порождающим с помощью разума человека из животных рефлексов табуированные формы отношений, обычаи и традиции как определенные правила. Также они связаны с внешними условиями, особенностями групповой жизни и индивидуальными коммуникативными, интеллектуальными, физическими и психическими способностями людей.

Библиографический список

Ильин И. В. Глобальный эволюционизм : идеи, проблемы, гипотезы / И. В. Ильин, А. Д. Урсул, Т. А. Урсул. – М. : Издательство Московского университета, 2012. – 616 с.

Муромцев Г. И. Мусульманское право в контексте правогенеза / Г. И. Муромцев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 80–106.

Правогенез: традиция, воля, закон : коллективная монография / под ред. Р. А. Ромашова. – СПб. : Алетейя, 2021. – 480 с.

Шалютин Б. С. К вопросу о происхождении права / Б. С. Шалютин // Вестник КГУ. – 2009. – № 2. – С. 147–155.

Энгельс Ф. О происхождении семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. – М. : Политическая литература, 1976. – 240 с.

References

Engels F. On the Origin of the Family, Private Property and the State. In Connection with the Research of Lewis G. Morgan / F. Engels. – Moscow : Political Literature, 1976. – 240 p.

Ilyin I. V. Global evolutionism: ideas, problems, hypotheses / I. V. Ilyin, A. D. Ursul, T. A. Ursul. – Moscow : Moscow University Publishing House, 2012. – 616 p.

Legal genesis: tradition, will, law : collective monograph / ed. by R. A. Romashov. – St. Petersburg : Aleteya, 2021. – 480 p.

Muromtsev G. I. Muslim law in the context of legal genesis / G. I. Muromtsev // Law Journal of the Higher School of Economics. – 2021. – No. 1. – Pp. 80–106.

Shalyutin B. S. On the issue of the origin of law / B. S. Shalyutin // Bulletin of KSU. – 2009. – No. 2. – Pp. 147–155.

Для цитирования:

Борисов А. М. Проблемы антропологического взгляда на мононорму и правогенез мусульманского права: дискуссия с Г. И. Муромцевым // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4 (9). С. 31–41.

Recommended citation:

Borisov A. M. Problems of the anthropological view on the mononorm and legal genesis of Muslim law: discussion with G. I. Muromtsev // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 31–41.

Сведения об авторе

Борисов Андрей Маркович – председатель Курского регионального отделения ООО «Ассоциация историков права», кандидат исторических наук, доцент
E-mail: andrei_borisov@mail.ru

Information about author

Borisov Andrey Markovich – Chairman of the KRO LLC "Association of Legal Historians", Candidate of Historical Sciences, Associated Professor
E-mail: andrei_borisov@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ СУДОХОДСТВО И МОРСКОЕ ПРАВО АНТИЧНОЙ ЭПОХИ: АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2024 г.

Аннотация: международное судоходство и морское право античной эпохи – одна из малоизученных проблем истории античного судоходства и мореплавания. Рассмотренные нами факты не только позволяют выявить аспекты, имеющие отношение к организации, регулированию и обеспечению безопасности торгового и военного мореплавания, но и свидетельствуют о рождении в античных государствах потребности в правовом регулировании занятий, связанных с морским делом, что отобразило актуальность законодательного упорядочивания этих видов деятельности и складывание в общественном сознании идеи подчинения международного и внутреннего судоходства общим законам. Об этом свидетельствует выработка соответствующих правовых норм, а также процедур и институтов по их соблюдению, зафиксированных в специальном правовом документе III в. до н.э. (Родосский морской закон). К сожалению, в исторических условиях эпохи такая идея отображала лишь господствующую тенденцию, которая довольно часто не соблюдалась на практике.

Ключевые слова: античность, морское дело, судоходство, мореплавание, корабль, морское судно, морское право, Родосский морской закон, пиратство.

INTERNATIONAL SHIPPING AND MARITIME LAW OF THE ANCIENT ERA: ASPECTS OF HISTORY

N. P. Pisarevskiy

Voronezh State University

Abstract: international shipping and maritime law of the ancient era is one of the little-studied problems of the history of ancient shipping and navigation. The facts, considered by us allow us to identify not only aspects, related to the organization, regulation and security of commercial and military

navigation, but they also testify to the birth in ancient states of the need for legal regulation of the field of activities related to maritime affairs. It displayed both the relevance of the ordering. related activities in accordance with the legislation, so is the formation in the public consciousness of the idea of subordination of international and inland navigation to general laws. This is evidenced by the development of appropriate legal norms, procedures and institutions for their observance, recorded in a special legal document of the III century BC (Rhodes Maritime Law). Unfortunately, in the historical conditions of the epoch, such an idea reflected only the prevailing trend, which was quite often not observed in practice.

Key words: antiquity, maritime art, shipping, navigation, ship, sea vessel, maritime law, Rhodian maritime law, piracy.

Сила и слабость, само существование античного полиса были обусловлены характером его взаимоотношений с морем¹. Эта очевидная, нашедшая отражение в трудах Фукидида и Аристотеля (Thuc., I, 5-14; Arist., Pol., VI, 8, 20) истина, к сожалению, не находит сколько-нибудь подробного и удовлетворительного освещения в источниках. Информация по вопросам организации, управления и правового регулирования в области судостроения, судоходства, торгового и военного мореплавания в них оставляет желать много лучшего².

Впрочем, удивительная скудность, фрагментарность, эпизодичность и скупость их информации не являются случайными: повседневность таких видов деятельности обусловила невнимание к ним современников Перикла или Августа. Причина заключалась в самом, основанном на дуализме античной формы собственности, обществе, примечательной особенностью которого выступали дуализм государственной и частной собственности, ограниченность территории, ресурсов и численности гомогенного свободного гражданского населения, существовавшего за счет эксплуатации труда рабов-иноплеменников. Физический труд презирался. Война, пиратство и торговля – три вида одной сущности, по Р. Киплингу, составляли норму и идеал жизни и представлений населения античного полиса, особенно на ранних этапах его истории.

Примечательной особенностью античного мировоззрения выступали не экономика, не хозяйственная деятельность и повседневные реалии жизни (для населения античных государств они носили обыденный характер), а 10 высших ценностей: справедливость, совесть, честь, искусство (деятельность), энергия, невозмутимость, соразмерность (со-

¹ См.: Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. С. 9.

² О характеристике источников по эпохе эллинизма см.: Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического времени. М., 1969. С. 188–191.

измеримость), пропорция, ритм и гармония. По этой причине к тяжелому физическому труду, технике, как и к разработке и соблюдению законов, относились без особого интереса, считая недостойными внимания. Ориентация на устное слово, на традицию отцов затмевала любые, продиктованные временем, инновации в области материального, художественного и духовного производства, а также законотворчества. Законы принимались, правовые нормы отображали экономику, политику и социальные отношения, но рассматривались населением в качестве чего-то само собой разумеющегося.

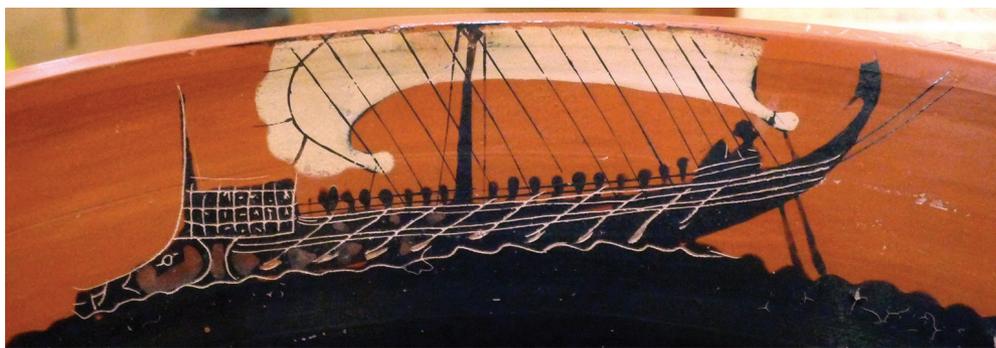

Рис. 1. Античный корабль на маршруте

Международное судоходство и морское право, морские власти и сообщества античных государств Средиземноморья (составной частью которых были и полисы Причерноморья) в указанном отношении не являлись исключением. Понятен тот интерес, который наука проявляет к изучению этого одного из важнейших по причине преимущественно морского типа античной цивилизации аспектов истории. К сожалению, несмотря на то, что морская торговля, судоходство и торговое мореплавание, наряду с ремеслом и торговлей, составляли основу экономики и являлись сферой повседневных занятий $\frac{3}{4}$ населения, они не нашли сколько-нибудь целостного отображения в сохранившихся источниках. Свидетельства античной традиции носят эпизодический характер, данные эпиграфики, полевой и подводной археологии фрагментарны, а совокупность сохранившейся информации представляет собой нуждающуюся в систематизации «амальгаму» фактов³.

Однако ситуация не выглядит безнадежной. До нашего времени сохранился уникальный правовой источник – Дигесты Юстиниана (529–

³ Правила, использовавшиеся при погрузке морских судов в античную эпоху, не сохранились. Единственный источник, в котором имеются данные о водоизмещении и грузоподъемности морских судов эллинистическо-римского времени, это труд Герона Александрийского (Her. Mech., Stereometrica, I, 53; II, 50–52).

534 гг.). Представляя собой систематизированный сборник отрывков из трудов римских юристов, составивших основу свода римского гражданского права *Corpus iuris civilis*, он сохранил свидетельства о правовых нормах, юридических ситуациях с указаниями на практику их правового регулирования в эллинистическо-римский период⁴. Особенно важно присутствие в них данных, извлеченных из Родосского морского права III в. до н.э., что позволяет с привлечением информации аттических ораторов IV в. до н.э. распространить исследовательское поле и поиск и на классический период истории Древней Греции. А это, в свою очередь, позволяет на основе широких аналогий составить представление как об отдельных аспектах истории и правового регулирования морского судоходства, так и о деятельности морских властей и профессиональных лиц, занятых в этой сфере деятельности⁵.

Поэтому с самого начала необходимо сделать несколько общих, вводящих в суть дела, замечаний.

1. Морское дело, судостроение, судоходство, мореплавание как понятия – это системы-комплексы разнопорядковых, разноуровневых и разноаспектных, взаимосвязанных между собой отношений, связывающих производство, производительный труд, его интеллектуальные и опредмеченные результаты с решением задач по освоению морских пространств.

⁴ Текст рукописи Родосского морского закона состоит из трех частей, или, скорее, из пролога и двух частей, объединенных общим названием фрагментов, относящихся к морским делам, которые обычно называют «Морским законом родосцев». Само название не претендует на аутентичность. Первая из этих двух частей носит название «Регламент морского флота и его объекты». Она включает 19 различных правил. Вторая из этих двух частей называется «Главы о морском праве родосцев». За ней следует перечень из 51 статьи, регулирующий различные ситуации в связи с рисками на море. Современные представления уточнили соотношение этого источника с Морским правом Родоса III в. до н.э. Новые его фрагменты показывают, что большинство из сохранившихся 70 положений римскими юристами по каким-то причинам не было востребовано. См.: *Aubert J.-Jak. Dealing with the Abyss: the Nature and Purpose of the Rhodian Sea-Law on Jettison (Lex Rhodia De Iactu, D 14.2) and the Making of Justinian's Digest // Beyond Dogmatics Law and Society in the Roman World. Edinburg, 2007. P. 162; Wiewiorowski J. Universality of the Rhodian maritime law // Gdańskie Studia Prawnicze. 2019. Pp. 217–219.*

⁵ В пользу универсальности морских законов Родоса свидетельствуют объекты и предметы их внимания, а также связанная с ними тематика (доходы экипажа; права и обязанности пассажиров на корабле; правила оценки стоимости судов; морские займы; вопросы безопасности и охраны судоходства; гарантии собственности судовладельца и торговца; ответственность судовладельцев, торговцев, капитанов кораблей и экипажей в процессе плавания; ответственность за перегрузку со стороны торговцев; запрет перевозки грузов на отслуживших свой срок морских судах; условия найма и договоров о найме морского судна; ответственность за столкновение морских судов на маршрутах плаваний; обстоятельства гибели корабля и их учет; правила перевозки зерна и провианта с использованием специальной тары и др.). См.: *The Rhodian Sea-Law / edited from manuscripts by M. A. Walter Ashburner. Oxford, 1909.*

2. Почему море на первом месте? Потому, что оно играло важную роль, выступало историческим условием формирования и развития античной цивилизации вообще.

3. Море было средством добычи биоресурсов, средством производства, транспортным пространством и акваторией разнотипных этнокультурных и международных связей.

4. Корабль и море выступали одним из самых малозатратных и относительно безопасных средств перемещения пассажиров, товаров и грузов из одного пункта в другой, вне зависимости от расстояния между ними и способа доставки (прямого или каботажного).

При этом необходимо уточнить ряд важнейших понятий.

1. Морское дело античности, античное судоходство и мореплавание – это основанная на античной форме собственности, определяемая уровнем развития производительных сил и производственных отношений, отображающая различие видов трудовой деятельности человека и общества система разнообразных связей в социально-экономическом, политическом и правовом развитии этого исторического типа общества, включая его идеологию и культуру.

2. Морское право – иерархия систематизированных правовых норм, регулирующих как разнотипные отношения в торговом и военном судоходстве и мореплавании, так и в связи с ними (инфраструктура флота, морского порта и др.).

3. Морское правовое пространство – море, корабли, люди в контексте истории отношений между ними.

Но самое важное заключается в том, что экономическую основу античного общества составляла античная форма собственности. Она определяла его экономическую, социальную, политическую организацию, правовое пространство, идеологию и культуру. Ее сущность заключалась в дуализме государственной (общественной) и частной форм собственности на орудия труда и средства производства. Морской флот, античное судоходство и мореплавание, морское право античного общества отображали эту особенность.

Прежде всего необходимо обратить внимание на информацию об античных гаванях и портах, которая отложилась в показаниях эпиграфических источников из Афин, Коринфа, Родоса, Истрии, Ольвии и Пантикапея. Их проксенические декреты содержат ключевую фразу о входе и выходе корабля в гавань и из гавани, а следовательно, косвенно указывают на существование правил регулирования судоходства на внешнем и внутреннем рейдах античных гаваней и на наличие соответствующих властей, которые занимались упорядочиванием судоходства.

В последнем случае особенно информативными являются упоминания должностей эллименов и эпимелетов, присутствующие в отдельных

надписях античных городов Боспора. Эта информация с привлечением данных об их функциях в Афинах и Родосе позволяет составить представление как о нормах и порядке пребывания корабля в портах этих полисов, так и о должностных обязанностях вышеупомянутых гражданских служащих по надзору за соблюдением общеэллинических (международных) норм и правил входа и выхода кораблей в гавань и из гавани.

Из этих надписей следует, что возможность проникновения чужеземного корабля в порт того или иного полиса была обусловлена тремя обстоятельствами: назначением порта (торговый или военный), типом морского судна, статусом представляемого им полиса (для боевых кораблей) или владельца (для купеческих и грузовых судов). Во всяком случае, проксенические декреты свидетельствуют об освобождении последних от уплаты пошлин за возможность прохода их судов во внутреннюю акваторию порта, не распространяя данную привилегию на право их стоянки либо у стенки причала, либо на якоре во внутренней акватории. Понятно, что все остальные судовладельцы и капитаны обязаны были вносить соответствующую плату за право пользования преимуществами обустроенной инфраструктуры порта. Насколько можно судить на основании сообщения Поллукса, размеры этой платы составляли не больше двух процентов от стоимости корабля и груза (Pollux, VIII, 132). В добавление к этому, данные Исократы, Эсхина и Демосфена, а также афинские надписи IV в. до н.э. указывают, что выполнением такой задачи и занимались названные выше специальные портовые служащие (эллимены и эпимелеты), следившие за соблюдением порядка в гавани, а также взимавшие портовые сборы с владельцев и капитанов кораблей за вход и выход, за право стоянки, постановки под погрузку и разгрузку, пользования причалами и портовыми сооружениями, наконец, за ремонт и использование рабочей силы полиса-гостеприимца⁶.

Еще более информативна в интересующем нас отношении надпись второй половины III в. до н.э. из Фасоса, содержащая непосредственные перечисления всех аспектов, которые были связаны как с «поведением» кораблей в порту, так и с деятельностью портовых властей (IG, XII, Suppl. № 348, Lin. 1–7). Особую важность представляют ее данные, согласно которым имелся запрет на вход в акваторию разделенной на две части (horoí) гавани кораблей, тоннаж и грузоподъемность которых превышала установленные властями порта лимиты. Судя по терминологии в их обозначении (myriagogoí, сокращенно ΜΗ), складывается впечатление, что речь идет о судах, грузоподъемность которых составляла 6000–7000 медимнов (140–210 т), о чем говорят и соответствующие указания

⁶ См.: Gilbert J., Dittenberger B. *Elimenoi* // PWRE. Bd. 4. Suppl. Coll. 696; Bd. 10. Coll. 2437; Waser A. *Epimeleia* // PWRE. Bd. 11. Coll. 171; Carrara A. *Tax and trade in Ancient Greece. About the ellimenion and the harbor duties* // REA. 2014. T. 116, No. 2. P. 442.

в тексте (hekza- и heptahilion). В надписи прямо указывается о возможностях порта Фасоса для приема морских судов, тоннаж которых не превышал 2000–3000 медимнов (или от 52 до 80 т). Наконец, в ней содержались правила, регламентирующие сам порядок и очередность буксировки морских судов. В первую очередь на стоянку к причалу доставлялись суда грузоподъемностью 3000 талантов (80 т), во вторую – 5000 (130 т) и в третью, как следует думать, самые крупные из них по тоннажу (210 т).

Рис. 2. Торговое судно, сопровождаемое военным кораблем при выходе из порта

Другая надпись из Фасоса, датируемая 288–281 гг. до н.э., напротив, содержит свидетельство о том, что эллимены дали разрешение на швартовку крупных судов, при этом приказали все мелкие вытащить на берег. На причину такого решения указывает дата принятого ими решения – 288 г. до н.э., когда, с одной стороны, обострились отношения Птолемеевского Египта и Афин, искавших союзников на Боспоре, как свидетельствует их декрет в честь Спартока и Перисада, а с другой – царил разгул пиратства и участвовавшие нападения морских разбойников на Самофракию, в противодействие чему хорошо защищенный, по свидетельству Полибия, порт Фасоса представлял надежное убежище для направлявшихся в эту часть Эгейского моря торговых судов⁷.

⁷ Сюда можно добавить и существовавшие договоры о запрете захождения кораблей в территориальные воды и разграничение зон ответственности между государствами на море. Ярким показателем являются упоминаемые Полибием договоры Рима с Карфагеном между 509/8–279 гг. до н.э. (Polyb., III, 22; 26; Liv., VII, 11, 2–11).

Интерес представляет и перечисление должностных обязанностей и функций эллименов:

1) запрещали вытаскивание торговых судов водоизмещением свыше 70–80 т на берег;

2) строго следили, чтобы не совершалась буксировка малотоннажных судов на внутренний рейд и тем самым препятствовали загромождению внутренней акватории порта, освобождая ее для больших судов; с той же целью они же устанавливали порядок расстановки кораблей у причалов и на внутреннем рейде⁸.

Приведенные данные подтверждаются декретом II в. н.э. из Эфеса, изданным по распоряжению римского наместника провинции Азия⁹. Он содержал требования к навклерам (т.е. судовладельцам и капитанам) соблюдения правил швартовки к стенкам причалов, а портовым чиновникам предписывал *осуществлять бдительный контроль за буксировкой крупных и маневрированием малых судов с целью предупреждения ошибочных действий экипажей для предотвращения аварийности, повреждения или полного разрушения портовых сооружений*¹⁰. В частности, грузовым судам, перевозившим мрамор, предписывалось не перегружать пристань, а перевозчикам строевого леса при разгрузке, во избежание засорения судоходных каналов порта отходами и опилками, запрещалась распиловка бревен прямо на рейде. При этом из текста следует, что управление портом носило жесткий административный характер: эллимены и эпимелеты подчинялись «начальнику» порта, тот – наместнику, последний осуществлял контроль над их деятельностью и соблюдением пра-

⁸ Свидетельства такого порядка исчерпывающе представлены в эпитафических источниках. Применение первого способа зафиксировано афинской надписью 430 г. до н.э. (IG, 13, № 153), в которой содержится строго регламентированный перечень выполнения операций по подъему и спуску корабля первым способом (т.е. с помощью мускульной силы человека). Что касается второго (с использованием механизмов), то следует отметить его сравнительно позднее (в эллинистический период) появление, что не замедлило сказаться на появлении соответствующей информации в произведениях античных авторов (Athen., V, 207b; Plut., Marc., XIV, 8; App., Gyb., 96; Horac., Odes., 1, 4, 2; Vitruv., De arch., X, 12).

⁹ См.: Die Inschriften von Ephesos. Athens, 1979. Bd. I. No. 23.

¹⁰ См.: Blackman D. Some problems of ship operation in harbour // Tropis III. 3-rd Intern. Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceeding / ed. by H. Tzalas. Athens, 1995. P. 75. Исследованиями А. Бойса доказано существование особых портовых денежных систем (империалов), предназначавшихся для нужд развития морских портов по всему побережью восточной половины империи во II в. н.э. См.: Boyce A. A. The Harbour of Pompeiopolis: a study on Roman Imperial ports and dated coins // AJA. 1958. Vol. 62. Наличие различного типа портовых властей и служб (экономических, технических, фискальных, военных) как обязательных в инфраструктуре морских портов, приносивших к тому же весьма существенные доходы городским властям и государству в целом, отмечает Г. В. Хаустон. См.: Ports in Perspective: Some Comparative Materials on Roman Merchant Ships and Ports // AJA. 1988. Vol. 92. P. 563.

вил безопасности судоходства на вверенной ему территории по приказу императора¹¹.

Анализ ситуаций, в которых упоминаются указанные лица, дает возможность предположить существование узкой специализации и «разделения труда» между ними. В частности, среди упоминаний об эпимелетах и эллименах можно встретить и уполномоченных, и начальников, и надсмотрщиков, и надзирателей, и сборщиков портовых пошлин. Но среди всех них особо выделялись *ellimenikos nautikos*, которые заботились о морских судах, подготавливаемых к выполнению рейса. Среди них особо тщательной проверке подвергались оснащение корабля, крепость корпуса и рея, соблюдение с учетом водоизмещения корабля и экономических интересов полиса последовательности загрузки и самой номенклатуры товаров; осуществлялся контроль за наличием кожаных покрытий для защиты легкопортящихся товаров, запасных деталей судового такелаж, запасных якорей и канатов из конопли, надежностью рулевых весел, водонепроницаемости бортовой обшивки, наконец, для больших многотоннажных кораблей – контроль за присутствием на борту спасательных лодок (RSL, XIV, 14)¹². Кроме того, из сообщений источников следует, что также оценивалась надежность корабля с точки зрения его возраста, в связи с чем имел место запрет погрузки тяжеловесных товаров на «ветхие корабли» (RSL, XIV, 14). Это указывает на обеспечение портовыми службами требований, предъявлявшихся к безопасности торговых судов.

Античный порт, если рассматривать его с функциональной точки зрения, представлял собой либо узкоспециальное сооружение (военное или торговое), либо, как свидетельствуют многочисленные данные, пространство его акватории подразделялось на отдельные части (хоры)¹³: торговую, предназначенную для государственных или частновладельческих купеческих судов (грузовых и пассажироперевозчиков), и военную для базирования линейных боевых кораблей военно-морского флота в летний и зимний периоды. За организацией управления верфями, доками, арсеналами, безопасностью прибрежной акватории и соблюдением правил международного военного мореплавания следили соответствующие

¹¹ См.: *Георга-Копулос А. А.* Правовое регулирование судоходства в государствах средиземноморья в античный период (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 15; *Fernando J. V.* La regulación jurídica del transporte marítimo en la Roma Antigua // *Opinión Jurídica: Publicación de la Facultad de Derecho de la Universidad de Medellín.* 2014. Vol. 13, No. 26.

¹² О том же самом сообщает уже упоминаемый выше декрет из Фасоса. В частности, в нем речь идет об эксплуатации в практике морских перевозок эллинистической эпохи транспортных кораблей в 4, 6 и даже 7 тысяч медимнов (IG, XII, Suppl. № 348).

¹³ Термину *horos* удивляться не следует: Эллада и ее население были прежде всего земледельческой цивилизацией, что и нашло отражение в морской лексике.

специализированные службы, представленные в источниках коллегиями стратегов¹⁴.

Наличие соответствующих организационных и управленческих структур в Ольвии засвидетельствовано надписью-граффито на стенке остродонной амфоры III в. до н.э., обнаруженной при раскопках агоры в 1963 г.¹⁵

Представление относительно компетенции указанных служб можно составить на основании результатов осмысления раскопок портов Саламина, Карфагена и Родоса, свидетельств аттических надписей V–IV вв. до н.э., а также реминисценций, сохранившихся в произведениях Цицерона и в Дигестах, правовое регулирование морского судоходства в которых основано на так называемом «Морском законе Родоса»¹⁶.

Особый интерес в наших источниках вызывает информация о концентрации преимущественного внимания портовых властей на вопросах подъема и хранения боевых кораблей военно-морского флота (триер, тетрер, пентер). Это указывает на отраженность в них общей для античности практики, связанной с выполнением работ по строительству, ремонту, постановке кораблей в сухие доки на зимний период, заготовке отдельных элементов судовой оснастки, такелажа, парусного и гребного движителей и т.п.

Анализ информации аттических надписей показывает, что практика использования мускульной силы экипажей как при вытаскивании корабля на сушу, так и при постановке его корпуса в сухой док, засвидетельствованная еще в поэмах Гомера, к 430 г. до н.э. не ушла в безвозвратное прошлое. Во всяком случае, в практике функционирования инфраструктур военного порта афинского полиса. Именно в датируемой этим временем надписи (IG, 13, № 153) присутствуют данные, проливающие свет

¹⁴ См.: *Blackman D. Ancient Harbours in the Mediterranean // Intern. Journ. Of naut. Archaeology and underwater exploration. 1982. Vol. 2, No. 3.*

¹⁵ *Ibid.* P. 189.

¹⁶ Его основным принципом была восходящая к традициям эпохи классики справедливость – главная этическая норма убеждений, отложившихся в общественном сознании. Этот принцип распространялся и на соблюдение норм свободы морского судоходства. Свобода мореплавания соблюдалась, но соблюдалась с позиции силы. В основе лежало морское господство (талассократия), которое на разных этапах, как засвидетельствовал Диодор Сицилийский, принадлежало разным государствам (Diod. Fr., 11 Bertu). Геродот и Плутарх характеризуют свободу мореплавания в эпоху классики (480–323 гг. до н.э.) одинаково. Геродот говорит о прохождении кораблей в Понт в ходе строительства Ксерксом понтонного моста через Боспор Фракийский: «В Абидосе царь увидел, как проходили через Геллеспонт корабли с грузом зерна из Понта на Эгину и в Пелопоннес» (Hdt., VII, 36). Плутарх отметил то же самое в связи с экспедицией Перикла в Понт Эвксинский в 438/7 г. до н.э. Он прямо указывает: «Прибыв в Понт с большой эскадрой, блестяще снаряженной, он сделал для эллинских городов все, что им было нужно, и отнесся к ним дружелюбно; а окрестным варварским народам, их царям и князьям он показал великую мощь, неустрашимость, смелость афинян, которые плывут куда хотят и все море держат в своей власти» (Plut., Per., 20).

на регламентацию подъема и спуска боевых кораблей на воду. Из них следует, что в перемещении триеры из моря в специальные места хранения (*holkoí*) принимают участие 40 человек, тогда как для ее спуска на воду достаточно было только 20, т.е. наполовину меньше. Сообщается и о строгом контроле морских стратегов за результатами выполнения «бригадой» в количестве 50 человек работы по конопачению швов между досками обшивки корабля, смолению и покраске корпуса одной триеры.

Другие афинские надписи сообщают о контроле таких лиц над «сухими площадками, примыкающими к верфи», расположенной, как следует из текста, к западу от основного порта (IG, 112, № 1053, Lin. 43)¹⁷, о руководстве деятельностью сообществ наупегов, «присутственное» место которых находилось прямо на территории афинской судовой верфи (IG, 112, № 1611, Lin. 130–133). В распоряжении последних были специальные, окружавшие со всех сторон строившийся в сухом доке корабль, самых различных размеров площадки. Археологически установлено, что, например, в Фуриях каждая из них имела ширину 6,2 м и периметр 12,4 м; в Аполлонии Иллирийской – 18 × 4 × 2,4 м (т.е. по параметрам и пропорциям можно судить, что площадки были предназначены для строительства вспомогательных судов военного флота)¹⁸.

В компетенции коллегий стратегов, насколько можно судить по упоминаниям отдельных положений морского закона родосцев в произведениях античных авторов, находился контроль за подачей сигналов с кораблей, совершающих проход и маневры в акватории военного порта. Им вменялась в обязанность подача сигналов с использованием факелов или голосом (RSL, XIV, 37). Не менее строгому надзору подвергались и морские суда, стоявшие на внутреннем рейде торговых гаваней. Сразу же после свертывания парусов их экипажи были обязаны разжечь на топе мачты сигнальные огни (RSL, XIV, 36).

По всей видимости, в задачу властей военного порта полиса входило предупреждение опасности пиратских набегов и принятие мер по недопущению внезапного появления «иностранный» боевого корабля в акватории торгового порта. Такая правовая норма засвидетельствована Цицероном. «Закон родосцев, – указывает он, – гласит, что обнаруженный в порту корабль, снабженный тараном, подлежит конфискации с обращением в доход государства (*Lex apud Rhodes est, ut, si qua rostrata in portu navis deprehensa sit, publicetur*) (Cic., *De invent.*, II, 32, 98)¹⁹. Что касается

¹⁷ См.: *Blackman D. Triremes and shipsheds // Tropis II. 2-nd International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceedings / ed by H. Tzalas. Athens, 1989. P. 45.*

¹⁸ См.: *Morrison J. S., Coates J. F. Athenian Tririmes. Athens, 1998. P. 126.*

¹⁹ Чтобы избежать такой меры, военные корабли (как торговые суда, обеспеченные наемной военной охраной) при входе на внутренний рейд должны были выставлять экипажи с копьями и щитами на корме кораблей (Plut., *Nic.*, XXI, 3). Данная особенность морского права эпохи эллинизма соблюдалась и в портах античных городов Северного

первого аспекта, то он прямым образом засвидетельствован для Боспорского царства Страбоном: правители данного государства на Понте, в предотвращение набегов пиратских шаяк морских разбойников ахеев, зигов и гениохов на античные города и хору Боспора Киммерийского, прибегали к практике предоставления последним безопасных торжищ, очевидно, для сбыта награбленного ими имущества (Strabo, XI, 2, 12).

Рис. 3. Фреска с боевым кораблем (октэрой) «Изида» из храма Афродиты в Нимфее

Среди других аспектов темы интерес представляют вопросы:

1) о правовом регулировании пиратства, когда соответствующие договоры заключали между собой как отдельные полисы, так и частные лица. В качестве примера можно привести договор между локридскими городами Эантием и Халеем (450 г. до н.э.), в котором регламентировались узаконенные правила поведения на море. Он уравнивал в том числе и возможности граждан двух полисов относительно грабежа на море. Исключение было сделано относительно чужеземцев, с имуществом которых разрешалось поступать безнаказанно. Запрет распространялся только на пиратские рейды в гавани полиса, и за его нарушение назначался мизерный штраф в 4 драхмы (Tod., I, 2, № 34);

2) о распространенности такой практики, о чем свидетельствует существование в Афинах времени Солона (594 г. до н.э.) специализированного объединения лиц, занимавшихся морским разбоем (*pirateria*)²⁰;

Причерноморья. Исключительно важной в указанном отношении, возможно, является, датируемая 288/7 г. до н.э. фреска из храма Афродиты Навархиды (покровительницы моряков) в боспорском городе Нимфее с изображением октэры «Изиды». См.: Писаревский Н. П. Октэра «Изида» полихромной фрески III в. до н.э. из храма Афродиты в боспорском городе Нимфее (очерки исторической интерпретации). Воронеж, 2023. С. 78.

²⁰ См.: Rhodes P. J. The Reforms and Laws of Solon: an Optimistic View // Solon of Athens. New Historical and Philological Approaches / ed. by J. Block & A. Lardinois. Leiden, 2006; Duplouy A. The So-Called Solonian Property Classes Citizenship in Archaic Athens // Annales. Histoire, Sciences sociales / ed. A. Colin. 2014. Vol. 69, Iss. 3.

3) относительно причин пиратства. Об этом высказался еще Аристотель в своих рассуждениях о собственности и искусстве наживать состояние (ktesis hrematitike) (Arist., Pol., I, 3, 1, 1256a). Для непосредственного получения пропитания из окружающей человека природы, не пользуясь средствами обмена и торговли (I, 3, 5, 1256a), он, наряду с кочевничеством (как сухопутным, так и морским), профессиональным рыболовством и земледелием, называл морской разбой (lestrikos), который считал противоположным искусству наживать состояние.

Рис. 4. Дионис, превративший пиратов в дельфинов, и сцена нападения пиратов на вазах чернофигурного стиля (VI в. до н.э.)

Непосредственно данной деятельности касались и нормы Родосского морского права, которые широко применялись в районе Средиземного моря, ибо принципы этого права признавались и греками, и римлянами²¹. Как уже отмечалось, оно носило универсальный характер, затрагивая все сколько-нибудь важные аспекты отношений в связи с морским делом, судоходством, тоговым мореплаванием и их правовым регулированием²².

Впоследствии отдельные нормы Родосского закона, переработанные римскими юристами, вошли в состав Дигест Юстиниана (II, 14)²³. В параграфе 3 данного нормативного правового акта допускаются случаи сотрудничества с пиратами, что проявляется в возможности выкупа корабля.

²¹ См.: Gofas D. C. The Lex Rhodia de Iactu // Entry into force of the law of the Sea Convention / ed. by M. H. Nordquist and J. N. Moore. Aarhus, 1995. P. 30; Gabrielsen V. Economic activity, maritime trade and piracy in the Hellenistic Aegean // Revue des Études Anciennes. 2001. Vol. 103. № 1-2.

²² См.: Cavallcanti F. E. The law of the Sea in history: a study departing from the maritime spaces // Perth International Law Journal. 2020. Vol. 5. P. 44.

²³ См.: Перетерский И. Н., Скрипичев Е. А. Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 456; Биряева А. В., Лаврушкина А. А. Историко-правовой анализ норм о пиратстве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10(71). С. 28–29.

Немаловажным нормативным актом был закон 67 г. до н.э. «О преследовании пиратов» (*Lex Gabinia / lex de piratis persequendis*), который предоставил Гнею Помпею карт бланш на борьбу с пиратами и включал также альтернативные нормы оценки и наказания лиц, занимавшихся морским пиратством (*Cic., De Imp., 27–49*)²⁴. За доказанную к нему причастность закон требовал отсечения головы. В других случаях, особенно в Римской империи эпохи расцвета (II в.) пиратов обращали в морских гладиаторов. За укрывательство пиратов предусматривался штраф в размере 200 тыс. сестерций (п. 10 Закона), а на защиту их жертв назначалась денежная компенсация (п. 2). Одновременно законодательство допускало использование пиратов в качестве наемников (*Lex Gab., 3–4*).

Особенности организации процессов по морским торговым делам содержат данные из афинской судебной практики IV в. до н.э. (*δίκαι εμπορικαί*).

Их смыслом, содержанием и отличительной особенностью было участие в судебных процессах лиц, связанных как с судовладением, торговым мореплаванием и морской торговлей, так и со ссудами денег трапезитами морским торговцам – эмпорам и навклерам-судовладельцам. Привлекает внимание равенство участников судебных разбирательств: граждан, метеков и иностранцев, которые располагали правом и реальной возможностью оспаривать итоги разнотипных сделок, включая сюда и результаты судебных решений с помощью подачи протеста²⁵. Другим положительным обстоятельством выступало проведение судебных дел в течение периода навигации²⁶.

Наконец, все дела рассматривались на основании письменного договора, который (и это следует отметить) имел преимущество над всеми остальными законами. Наличие такой практики обеспечивало привлекательность Афин как торгового партнера, которая, сочетаясь с талассократией полиса (а впоследствии и морской империи-архэ), обеспечивала самые благоприятные и безопасные условия для торгового судоходства и мореплавания²⁷.

²⁴ См.: *Gofas D. C. The Lex Rhodia de Iactu. P. 30; Gabrielsen V. Economic activity, maritime trade and piracy in the Hellenistic Aegean // Revue des Études Anciennes. 2001. Vol. 103, No. 1-2; Tröster M. Roman Hegemony and Non-State Violence: a Fresh Look at Pompey's Campaign against the Pirates // Greece & Rome Second Series. 2009. Vol. 56, No. 1.*

²⁵ Интересы иностранных торговцев в Афинах в этот период каким-то образом отстаивала коллегия навтодиков (*Lys., XVII, 5*). См.: *Маринович Л. П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») // Проблемы истории, филологии и культуры. 1998. Вып. VI. С. 4–30; Maffi A. Riflessioni su dikai emporikai e prestito marittimo // Symposium-2015. 2016.*

²⁶ Дела должны были разбираться в течение месяца (*Dem. Contr. Arist., 23*). См.: *Reed C. M. Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambridge University Press, 2009. P. 90.*

²⁷ См.: *Александрова О. И. Особенности организации процессов по морским торговым делам (δίκαι εμπορικαί) в IV в. до н.э. // Genesis. Исторические исследования. 2021. № 12. С. 304.*

Связанные с такого рода сделками отношения развивались в три этапа: заключение письменного соглашения, в котором прописывались конкретные условия между кредитором и заемщиком, само морское путешествие, торговые операции в его ходе и, наконец, завершение сделки с эмпором (Dem., Contr. Andr., 5; Contr. Arist., 12; Contr. Tym., 6, 32, 33, 35; Contr. Aristogit., 10–13, 37–38, 50; Contr. Dion., 1, 15–16, 26–27, 38, 40, 45).

На этапе непосредственно торгового плавания недобросовестные торговцы нередко прибегали к хитростям с целью увеличить свою прибыль.

Самый распространенный способ, засвидетельствованный в речах аттических ораторов, был связан с попытками получения эмпорами вторичной денежной ссуды под гарантию уже заложенного другому трапезиту товара (Contr. Tym., 6–7; Contr. Arist., 22). Довольно прибыльным с точки зрения обогащения способом было и заявление эмпора о крушении зафрахтованного судна вместе с перевозимым грузом. В этом случае все долговые обязательства торговца, взявшего у трапезита денежную ссуду под залог судна и груза, ликвидировались (Contr. Andr., 2; Contr. Tym., 10; Contr. Aristog., 31). Вот почему случаи, когда торговцы шли на такое преступление преднамеренно, были нередкими (Contr. Andr., 5–9)²⁸. Это приводило к конфликтам и многократным, «многосерийным», по выражению одной из исследовательниц, судебным разбирательствам²⁹.

Примером может служить процесс 347/6 г. до н.э. Суть дела состояла в следующем. Владелец меняльной конторы, трапезит Хрисипп ссудил эмпору (морскому торговцу) Формиону двадцать мин на плавание до Боспора и обратно с условием, что тот загрузит на корабль товара на сумму, вдвое превышающую сумму займа. Соглашение было зафиксировано документально и отдано на хранение Китту, другому трапезиту. Одновременно Формион под залог все того же корабля и под предлогом совершения рейса на Боспор взял ссуду еще у двух заимодавцев: 45 мин у Теодора и 10 у судовладельца (навклера) Лампида (Dem. Contr. Phorm., 6–8). Собранная Формионом сумма должна была быть использована на закупку товара, но эмпор «сэкономил» (из 75 мин он истратил только 55).

По прибытии в Боспорское царство Формион столкнулся с неблагоприятными условиями. Местный царь Перисад вел войну со скифами. Она помешала эмпору продать доставленный морем товар, по льготным

²⁸ См.: Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи : в 3-х т. 1994. Т. 2; Cohen E. E. Ancient Athenian Maritime Courts. Princeton, 2015 (1st ed. 1973).

²⁹ См.: Александрова О. И. К вопросу о морской торговле в Афинах в IV в. до н.э. (по материалам речей Демосфена). URL: https://yandex.ru/search/?text=40&search_source=dzen_desktop_safe&lr=193 (дата обращения: 21.03.2024); Reed C. M. Op. cit. P. 35–36; Lanni Ad. Social Norms in the Courts of Ancient Athens // Journal of Legal Analysis. 2009. Vol. 1, No. 2. Pp. 702–703 et al.

ценам закупить местную продукцию на боспорских городских рынках и у администрации боспорского царя, чтобы по возвращении в Афины извлечь ожидаемую прибыль (Contr. Phorm., 8–9).

Более того, он не смог (или не захотел) передать рекомендательные письма своего заимодавца к его торговому агенту на Боспоре, который должен был контролировать деятельность Формиона. В результате ему удалось отклонить предложение Лампида о погрузке на свой корабль товара, закупленного на деньги Хрисиппа. Вместо этого Формион остался на Боспоре, не возражая против отплытия арендованного им корабля во главе с Лампидом в Афины. Недалеко от Пирея это судно потерпело кораблекрушение, а навклер с экипажем спасся, благополучно добравшись до берега на лодке (Contr. Phorm., 10).

В конце концов, Формион после длительного отсутствия вернулся на родину. Его кредитор Хрисипп, естественно, потребовал у него возвращения займа (Contr. Phorm., 12).

С этого момента и начинается судебная тяжба Хрисиппа с Формионом. Должник никаких денег кредитору возвращать не собирался. И тогда Хрисипп в присутствии Лампида и на основании свидетельства последнего о ложности информации Хрисиппа о закупке и погрузке им товаров на Боспоре, вызвал торговца в суд (Contr. Phorm., 13–16).

Реакция должника не заставила себя ждать. Формион вступил в сговор с Лампидом. Под предлогом ложности обвинений Хрисиппа по отношению к должнику они в свою очередь подали в суд совместную жалобу на незаконное возбуждение дела (Contr. Phorm., 17). Они утверждали, что деньги пропали вместе с затонувшим кораблем (Лампид-навклер стал клятвенно заверять в получении денег от Формиона для Хрисиппа).

Сложилась патовая ситуация, и дело решено было передать в третейский суд. Этому воспротивился друг Формиона, метек-исотел Феодот, который, не решаясь отклонить иск, предложил сторонам продолжить разбирательство дела в Афинском суде (Contr. Phorm., 18–21), что и было сделано.

Рассмотренные нами факты позволяют выявить ведущие тенденции правовых отношений в области античного судоходства и мореплавания. Стремление упорядочить отношения в законодательном порядке, идея подчинения международного и внутреннего судоходства общим законам, выработка соответствующих правовых норм, процедур и институтов по их систематизации и регулированию, их соблюдение и неукоснительное выполнение, тонкость и вариативность морских законов – все это, вместе взятое, характеризует морское право античной эпохи. Оно способствовало утверждению в общественном сознании населения античных государств представления о фундаментальности правовых норм вообще, об организации и обеспечении судоходства, мореплавания и морского

дела, в частности. К этому следует добавить и специфическое отображение в нормах морского права личностного начала на всех его уровнях. Этот фактор выступал закономерным следствием исторических условий сосуществования государственного и частного мореплавания.

Библиографический список

Александрова О. И. Особенности организации процессов по морским торговым делам (*δίκαι εμπορικάι*) в IV в. до н.э. / О. И. Александрова // *Genesis. Исторические исследования.* – 2021. – № 12. – С. 302–309.

Александрова О. И. К вопросу о морской торговле в Афинах в IV в. до н.э. (по материалам речей Демосфена) / О. И. Александрова. – URL: https://yandex.ru/search/?text=40&search_source=dzen_desktop_safe&lr=193 (дата обращения: 21.03.2024).

Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии / А. К. Бергер. – М. : Наука, 1966. – 360 с.

Биряева А. В. Историко-правовой анализ норм о пиратстве / А. В. Биряева, А. А. Лаврушкина // *Актуальные проблемы Российского права.* – 2016. – № 10(71). – С. 27–33.

Георга-Копулос А. А. Правовое регулирование судоходства в государствах средиземноморья в античный период (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Георга-Копулос. – СПб., 2005. – 19 с.

Глускина Л. М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса / Л. М. Глускина // *Демосфен. Речи* : в 3-х т. – 1994. – Т. 2. – С. 405–467.

Джунусова Д. Н. Морское право : учеб. пособие / Д. Н. Джунусова. – Астрахань : Астраханский университет, 2015. – 327 с.

Зельин К. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического времени / К. К. Зельин, М. К. Трофимова. – М. : Наука, 1969. – 244 с.

Кудрявцева Т. В. Чрезвычайные полномочия Помпея по борьбе с пиратами: старая дискуссия и новая актуальность / Т. В. Кудрявцева // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира.* – 2016. – Вып. 16, № 2.

Ланцева В. Ю. Понятие морской торговли в Российской империи / В. Ю. Ланцева // *Известия Сочинского государственного университета.* – 2014. – № 2(30). – С. 174–175.

Маринович Л. П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса речей Демосфена») / Л. П. Маринович // *Проблемы истории, филологии и культуры.* – 1998. – Вып. VI. – С. 4–30.

Перетерский И. Н. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика / И. Н. Перетерский, Е. А. Скрипилев. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956.

Писаревский Н. П. Октэра «Изида» полихромной фрески III в. до н.э. из храма Афродиты в боспорском городе Нимфее (очерки исторической интерпретации) / Н. П. Писаревский. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023.

Ростовцев М. И. Международные отношения и международное право в древнем мире / М. И. Ростовцев // *Современные записки.* – 1921. – Кн. IV. – С. 128–159.

Aubert J.-J. Dealing with the Abyss: the Nature and Purpose of the Rhodian Sea-Law on Jettison *Lex Rhodia De Iactu*, D 14.2) and the Making of Justinian's Digest / J.-J. Aubert // *Beyond Dogmatics Law and Society in the Roman World*. – Edinburg, 2007.

Blackman D. Ancient Harbours in the Mediterranean / D. Blackman // *Intern. Journ. Of naut. Archaeology and underwater exploration*. – 1982. – Vol. 2, No. 3. – Pp. 185–221.

Blackman D. Triremes and shipsheds / D. Blackman // *Tropis II. 2-nd International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceedings* / ed. by H. Tzalas. – Athens, 1989. – 620 p.

Blackman D. Some problems of ship operation in harbour / D. Blackman // *Tropis III. 3-rd Intern. Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceeding* / ed. by H. Tzalas. – Athens, 1995.

Boyce A. A. The Harbour of Pompeiopolis: a study on Roman Imperial ports and dated coins / A. A. Boyce // *AJA*. – 1958. – Vol. 62. – Pp. 67–78.

Carrara A. Tax and trade in Ancient Greece. About the ellimenion and the harbor duties / A. Carrara // *REA*. 2014. – T. 116, No. 2. – Pp. 442–445.

Cavallcanti E. The law of the Sea in history: a study departing from the maritime spaces / E. Cavallcanti // *Perth International Law Journal*. – 2020. – Vol. 5.

Cohen E. E. Ancient Athenian Maritime Courts / E. E. Cohen. – Princeton : Princeton University Press, 2015. – 233 p.

Duplouy A. The So-Called Solonian Property Classes Citizenship in Archaic Athens / A. Duplouy // *Annales. Histoire, Sciences sociales* / ed. A. Colin. – 2014. – Vol. 69, Iss. 3. – Pp. 411–439.

Fernando J. V. La regulación jurídica del transporte marítimo en la Roma Antigua / J. V. Fernando // *Opinión Jurídica: Publicación de la Facultad de Derecho de la Universidad de Medellín*. – 2014. – Vol. 13, No. 26. – Pp. 173–178.

Gabrielsen V. Economic activity, maritime trade and piracy in the Hellenistic Aegean / V. Gabrielsen // *Revue des Études Anciennes*. – 2001. – Vol. 103, No. 1-2. – Pp. 219–240.

Gofas D. C. The *Lex Rhodia de Iactu* / D. C. Gofas // *Entry into force of the law of the Sea Convention* / ed. by M. H. Nordquist and J. N. Moore. – Aarhus, 1995.

Hauston D. W. Ports in Perspective: Some Comparative Materials on Roman Merchant Ships and Ports / D. W. Hauston // *AJA*. – 1988. – Vol. 92. – Pp. 563.

Lanni Ad. Social Norms in the Courts of Ancient Athens / Ad. Lanni // *Journal of Legal Analysis*. – 2009. – Vol. 1. – No. 2.

Law of the Sea. A Policy Primer / ed. by John Burgess, Lucia Foulkes, Philip Jones, Matt Merighi, Stephen Murray, Jack Whitacre. – Leiden ; New York, 2017. – 87 p.

Lewis D. M. Attic Deme Harbours, the Rural Economy, and State Oversight of Maritime Trade: the Incident at Φωρῶν Λιμῆν ([Dem.] 35.28-29) / D. M. Lewis // *PNYX. Journal of Classical studies*. – 2022. – Vol. 1, Iss. 2. – Pp. 81–101.

Maffi A. Riflessioni su dikai emporikai e prestito marittimo / A. Maffi // *Symposium-2015*. – 2016. – Pp. 199–208.

Reed C. M. Maritime Traders in the Ancient Greek World / C. M. Reed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.

The Rhodian Sea-Law / ed. by M. A. Walter Ashburner. – Oxford : The Clarendon Press, 1909. – 132 p.

Tröster M. Roman Hegemony and Non-State Violence : a Fresh Look at Pompey's Campaign against the Pirates / M. Tröster // Greece & Rome Second Series. – 2009. – Vol. 56. – No. 1. – Pp. 14–33.

Wiewiorowski J. Universality of the Rhodian maritime law / J. Wiewiorowski // Gdańskie Studia Prawnicze. – 2019. – No. 3. – Pp. 217–230.

References

Aleksandrova O. I. Features of the organization of processes in maritime trade affairs (δίκαὶ ἐμπορικαί) in the 4th century BC / O. I. Aleksandrova // Genesis. Historical research. – 2021. – No. 12. – Pp. 302–309.

Aleksandrova O. I. On the issue of maritime trade in Athens in the 4th century BC (based on the speeches of Demosthenes) / O. I. Aleksandrova. – URL: https://yandex.ru/search/?text=40&search_source=dzen_desktop_safe&lr=193 (date of access: 21.03.2024).

Berger A. K. Political thought of ancient Greek democracy / A. K. Berger. – Moscow : Nauka, 1966. – 360 p.

Biryayeva A. V. Historical and legal analysis of the norms on piracy / A. V. Biryayeva, A. A. Lavrushkina // Actual problems of Russian law. – 2016. – No. 10(71). – Pp. 27–33.

Georga-Kopoulos A. A. Legal regulation of shipping in the Mediterranean states in the ancient period (historical and legal aspect) : abstract of Cand. Sci. (Law) / A. A. Georga-Kopoulos. – St. Petersburg, 2005. – 19 p.

Gluskina L. M. Social institutions, economic relations and legal practice in Athens in the 4th century BC from the judicial speeches of the Demosthenic corps / L. M. Gluskina // Demosthenes. Speeches : in 3 vol. – 1994. – Vol. 2. – Pp. 405–467.

Dzhunusova D. N. Maritime law. Textbook / D. N. Dzhunusova. – Astrakhan : Astrakhan University, 2015. – 327 p.

Kudryavtseva T. V. Pompey's extraordinary powers to combat pirates: an old debate and new relevance / T. V. Kudryavtseva // Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world. – 2016. – Iss. 16. – No. 2.

Lantseva V. Yu. The concept of maritime trade in the Russian Empire / V. Yu. Lantseva // Bulletin of Sochi State University. – 2014. – No. 2(30). – Pp. 174–175.

Marinovich L. P. Maritime trade of Athens (according to the "Corpus of Demosthenes' speeches") / L. P. Marinovich // Problems of history, philology and culture. – 1998. – Iss. VI. – Pp. 4–30.

Peretersky I. N. Digests of Justinian. Essays on the history of compilation and general characteristics / I. N. Peretersky, E. A. Skripilev. – Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1956.

Pisarevsky N. P. Oktera "Isis" polychrome fresco of the 3rd century BC. from the Temple of Aphrodite in the Bosporan City of Nymphaeum (Essays on Historical Interpretation) / N. P. Pisarevsky. – Voronezh : Publishing House of VSU, 2023.

Rostovtsev M. I. International Relations and International Law in the Ancient World / M. I. Rostovtsev // Modern Notes. – 1921. – Book IV. – Pp. 128–159.

Aubert J.-J. Dealing with the Abyss: the Nature and Purpose of the Rhodian Sea-Law on Jettison *Lex Rhodia De Iactu*, D 14.2) and the Making of Justinian's Digest / J.-J. Aubert // Beyond Dogmatics Law and Society in the Roman World. – Edinburgh, 2007. [In Engl.]

Blackman D. Ancient Harbours in the Mediterranean / D. Blackman // Intern. Journ. Of naut. Archaeology and underwater exploration. – 1982. – Vol. 2, No. 3. – Pp. 185–221. [In Engl.]

Blackman D. Triremes and shipsheds / D. Blackman // Tropis II. 2nd International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceedings / ed. by H. Tzalas. – Athens, 1989. – 620 p. [In Engl.]

Blackman D. Some problems of ship operation in harbor // Tropis III. 3rd Intern. Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceeding / ed. By H. Tzalas. – Athens, 1995. [In Engl.]

Boyce A. A. The Harbor of Pompeiopolis: a study on Roman Imperial ports and dated coins / A. A. Boyce // AJA. – 1958. – Vol. 62. – Pp. 67–78. [In Engl.]

Cavallcanti E. The law of the Sea in history: a study departing from the maritime spaces / E. Cavallcanti // Perth International Law Journal. – 2020. – Vol. 5. [In Engl.]

Carrara A. Tax and trade in Ancient Greece. About the ellimenion and the harbor duties / A. Carrara // REA. – 2014. – T. 116, No. 2. – Pp. 442–445. [In Engl.]

Cohen E. E. Ancient Athenian Maritime Courts / E. E. Cohen. – Princeton : Princeton University Press, 2015. – 233 p. [In Engl.]

Duploux A. The So-Called Solonian Property Classes Citizenship in Archaic Athens / A. Duploux // Annales. Histoire, Sciences sociales / ed. A. Colin. – 2014. – Vol. 69, Iss. 3. – Pp. 411–439. [In Engl.]

Fernando J. V. The legal regulation of maritime transport in Ancient Rome / J. V. Fernando // Juridical Opinion: Publication of the Faculty of Law of the University of Medellín. – 2014. – Vol. 13, No. 26. – Pp. 173–178. [In Esp.]

Gabrielsen V. Economic activity, maritime trade and piracy in the Hellenistic Aegean / V. Gabrielsen // Revue des Études Anciennes. – 2001. – Vol. 103. – No. 1-2. – Pp. 219–240. [In Engl.]

Gofas D. C. The Lex Rhodia de Iactu // Entry into force of the law of the Sea Convention / D. C. Gofas / ed. by M. H. Nordquist and J. N. Moore. – Aarhus, 1995. [In Engl.]

Hauston D. W. Ports in Perspective: Some Comparative Materials on Roman Merchant Ships and Ports / D. W. Hauston // AJA. – 1988. – Vol. 92. – 563 p. [In Engl.]

Lanni Ad. Social Norms in the Courts of Ancient Athens / Ad. Lanni // Journal of Legal Analysis. – 2009. – Vol. 1, No. 2. [In Engl.]

Law of the Sea. A Policy Primer / ed. by John Burgess, Lucia Foulkes, Philip Jones, Matt Merighi, Stephen Murray, Jack Whitacre. – Leiden ; New York, 2017. – 87 p. [In Engl.]

Lewis D. M. Attic Deme Harbours, the Rural Economy, and State Oversight of Maritime Trade: the Incident at Φωρῶν Λιμὴν ([Dem.] 35.28-29) / D. M. Lewis // PNYX. Journal of Classical studies. – 2022. – Vol. 1, Iss. 2. – Pp. 81–101. [In Engl.]

Maffi A. Reflections on dikai emporikai and maritime lending / A. Maffi // Symposion-2015. – 2016. – Pp. 199–208. [In It.]

Reed C. M. Maritime Traders in the Ancient Greek World / C. M. Reed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. [In Engl.]

The Rhodian Sea-Law / ed. by M. A. Walter Ashburner. – Oxford : The Clarendon Press, 1909. – 132 p. [In Engl.]

Tröster M. Roman Hegemony and Non-State Violence : a Fresh Look at Pompey's Campaign against the Pirates / M. Tröster // Greece & Rome Second Series. – 2009. – Vol. 56. – No. 1. – Pp. 14–33. [In Engl.]

Wiewiorowski J. Universality of the Rhodian maritime law / J. Wiewiorowski // *Gdańskie Studia Prawnicze*. – 2019. – No. 3. – Pp. 217–230. [In Engl.]

Zelyin K. K. Forms of dependence in the Eastern Mediterranean of the Hellenistic period / K. K. Zelyin, M. K. Trofimova. – Moscow : Nauka, 1969. – 244 p.

Для цитирования:

Писаревский Н. П. Международное судоходство и морское право античной эпохи: аспекты истории // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 42–62.

Recommended citation:

Pisarevskiy N. P. International shipping and maritime law of the ancient era: aspects of history // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2024. No. 4(9). Pp. 42–62.

Сведения об авторе

Писаревский Николай Петрович – профессор кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета, доктор исторических наук, доцент

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Information about author

Pisarevskiy Nikolay Petrovich – Professor of the Department of Archaeology and History of the Ancient World, Faculty of History, Voronezh State University, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

УДК 340.1

КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ НОРМЫ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ОТРАСЛЕВОЙ АСПЕКТЫ

Д. С. Шелестов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2024 г.

Аннотация: предлагается исследование отдельных аспектов категориального аппарата юридической конфликтологии. Автор обращается к причинам возникновения правовых норм и их обусловленности конфликтологическим аспектом. На примерах отдельных положений нормативных правовых актов рассматривается конфликтогенность правовых норм. Предлагаются авторские классификации юридических конфликтов и правовых норм.

Ключевые слова: конфликтогенность, юридическая терминология, антиконфликтная функция права, правовой конфликт, противоправный конфликт, неправовой конфликт, конфликтогенные факторы.

THE CONFLICTOGENICITY OF THE LEGAL NORM: GENERAL THEORETICAL AND SECTORAL ASPECTS

D. S. Shelestov

Voronezh State University

Abstract: the study of certain aspects of the categorical apparatus of legal conflictology is propose. The author addresses the causes of the emergence of legal norms and their determinacy by the conflictological aspect. The conflictogenicity of legal norms is examined using examples of individual provisions of regulatory legal acts. The author's classifications of legal conflicts and legal norms are proposed.

Key words: conflictogenicity, legal terminology, anti-conflict function of law, legal conflict, illegal conflict, non-legal conflict, conflictogenic factors.

Как известно, первыми регуляторами общественных отношений являлись обычаи, как естественно формировавшиеся в результате неоднократного повторения общепризнанные в конкретном племени (сооб-

© Шелестов Д. С., 2024

ществе) правила поведения, устно передававшиеся от поколения к поколению¹. Вероятно, обычай как правило поведения мог основываться на религиозных представлениях об окружающей действительности и светско-бытовом опыте.

Возникновение и развитие государственности, создание письменности формирует правила, получившие название «писанные правила поведения», «правовые нормы». В результате устные обычаи трансформируются в форму письменных документов. Условно все письменные источники можно разделить на канонические (религиозные) и светские. Дошедшие до наших дней памятники светского и канонического права позволяют утверждать, что они действовали в системе, были взаимосвязанными. Писаное право постепенно вытесняет обычай. В настоящее время роль обычая в системе регуляторов общественных отношений (социальных норм) сведена к минимуму.

Считается, что конфликт между патрициями и плебеями по поводу толкования и применения обычаев стал одной из причин письменной фиксации сформировавшихся в устной форме правил поведения. В результате в Древнем Риме были созданы Законы XII таблиц. Таким образом, Законы XII таблиц, с одной стороны, урегулировали возникший конфликт, а с другой, – имели цель не допустить новые конфронтации в обществе.

Остается загадкой, почему первый общегосударственный памятник права Древнерусского государства появляется лишь в 1016 г., тогда как славянская письменность сформировалась к 863 г., первые договоры Олега с Византией датируются 911 г. Возможно, потому, что конфликтность славянских племен не носила ярко выраженного характера, а авторитет хранителей обычаев был непререкаем.

В настоящее время, по-прежнему, обычай, религиозные и корпоративные нормы, нормы этикета и другие социальные нормы сохраняют свою регулятивную функцию. В то же время бесспорным является приоритет и особое значение правовых норм как наиболее универсальных регуляторов общественных отношений.

Наука правоведения еще не смогла разгадать диалектику ни юридического конфликта в целом, ни нормативного правового конфликта в частности.

Среди основных функций правовых норм принято выделять регулятивную, охранительную, воспитательную, превентивную и др.².

¹ См.: Рулан Н. Юридическая антропология : учебник / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1999.

² См.: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 143–145; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2000. С. 311–319.

Выполняя регулятивную функцию, правовая норма должна обеспечивать стабильность и предсказуемость общественных отношений, создавать основу правопорядка, способствовать недопущению конфликта, а в случае его возникновения – обеспечивать своевременное и эффективное его разрешение, урегулирование, устранение.

Однако в процессе реализации правовые нормы могут оказывать на общественные отношения обратное воздействие, дестабилизировать их, вносить неопределенность и противоречивость, выступать причиной конфликта.

Приведем пример. Тринадцатилетний подросток желает купить в магазине парфюмерный набор стоимостью 10 000 руб. в качестве подарка понравившейся девушке. Однако продавец отказывает ему в заключении сделки. Возникает конфликт. Согласно правовой норме, закрепленной в абз. 1 ч. 2 ст. 28 Гражданского кодекса РФ, малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки. Обращение любого из участников описанного отношения к указанной норме не позволит урегулировать конфликт, что называется, «на месте», так как возникнет множество вопросов, таких как: какова сумма мелкой бытовой сделки? Является ли эта сумма мелкой бытовой сделкой для продавца или покупателя? И многие другие вопросы.

Таким образом, основополагающая цель правовой нормы – недопущение конфликта – не достигнута. Похожих ситуаций в действующих нормативных правовых актах России и зарубежных стран огромное множество.

В том числе с целью решения данной диалектической проблемы регулятивного воздействия правовой нормы активно развивается направление юридической конфликтологии. В конце 90-х гг. XX в. юристы стали осваивать конфликтологию, в результате термин «конфликт» вошел в юридическую лексику. В настоящее время юридическая конфликтология находится на стадии формирования необходимого теоретического обоснования³ и исследования опыта практической реализации сформу-

³ См.: *Малько А. В.* Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 1(2). С. 125–137; *Третьяк И. А.* Конституционно-правовой конфликт как вид юридического конфликта // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 3–7; *Бекиров Л. А.* Юридический конфликт и способы его разрешения // Проблемы науки. 2019. С. 2; *Василенок В. Е.* Предупреждение и разрешение юридических конфликтов: институциональный и нормативно-правовой аспекты // Юрист-правовед. 2006. С. 30; *Заточная А. Д.* Консенсус как мыслеобразующий механизм для разрешения юридического конфликта // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. С. 162; *Конькова А. А.* Механизм разрешения юридических конфликтов // Интеграция наук. 2018. С. 1.

лированных подходов⁴. Обратимся к теории и практике терминологического обеспечения юридической конфликтологии.

Проблема создания (разработки) правовой терминологии, научная обоснованность и практическая целесообразность внедрения новых терминов, последующее использование данных терминов в юридической научной литературе, в нормативно-правовых актах, в актах правоприменения весьма актуальна для юриспруденции⁵.

Термин является важнейшим элементом, атомом вербальности. В свою очередь, вербальность, в контексте лингвистики и лексикологии, обеспечивает правильную коммуникацию участников правоотношений, участников судебного процесса, обеспечивает реализацию принципа сочетания устности и письменности судебного разбирательства, достижения объективной истины по делу.

Таким образом, обоснованность и уместность применения того или иного термина имеет фундаментальное значение для коммуникации, а в контексте юридической науки – для обеспечения стабильности правопорядка и обеспечения законности.

Большая советская энциклопедия (издание 1973 г.) содержала следующее определение: «Конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений; серьезное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе». Заметим, что в данном источнике отсутствует термин «конфликтология»⁶.

Согласно энциклопедии 2011 г.⁷, «конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – спор, столкновение двух человек или групп за обладание одним и тем же социальным благом, которое имеет одинаково высокую ценность для обеих сторон; одно из основных понятий социологии...». В данный источник включен термин «конфликтология» и дано следующее его определение: «комплексная научная дисциплина, изучающая природу, сущность, причины

⁴ Отдельные аспекты указанных проблем были затронуты в рамках Третьей международной научно-практической конференции «Юридические конфликты современного мира – 2024», прошедшей в Воронежском государственном университете 15 марта 2024 г., в частности, в докладах: д-ра юрид. наук, проф. Ю. Н. Старилова на тему «Конфликтогенность публичного администрирования: теоретические основы и практические аспекты»; в докладе д-ра юрид. наук, проф. С. Н. Махиной на тему «Антропологическое измерение цивилизационных конфликтов: юридический аспект»; в докладе д-ра юрид. наук, проф. А. В. Малько на тему «Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов».

⁵ См.: Шелестов Д. С. Терминологическая основа юридической ответственности за нарушение земельного законодательства: вопросы теории и практики // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 1(2).

⁶ Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М., 1973. Т. 13. С. 238.

⁷ Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян [и др.]. М., 2011. Т. 8(2), Когезия – Костариканцы. С. 304.

возникновения конфликтов, закономерности их функционирования и развития, пути преодоления. К. интегрирует знания философии, истории, социологии, правоведения, политологии, психологии, этнологии, этнографии, биологии, географии, экономики и других дисциплин, изучающих различные аспекты человеческой деятельности. Конфликтологические исследования опираются также на математическое моделирование и совр. средства обработки информации...»⁸.

Как можно заметить, термин «конфликт» определяется с использованием таких слов, как спор, столкновение, разногласие, борьба и др.

В основе любой терминологии лежит общелексический смысл слова. Обратившись к словарям, находим еще ряд синонимов слова «конфликт»: *конфронтация, раздор, несогласие, противоречивость, дисгармония, антагонизм, напряженность, противостояние.*

Итак, слово «конфликт» в общелексическом значении не является уникальным и может заменяться другими, схожими по смыслу, словами. Однако в контексте формирования специального научного термина делаются попытки придать данному слову особое индивидуальное содержание.

В дореволюционной юридической литературе и нормативных правовых актах использовались различные термины, суть которых сводилась к обозначению ситуации противостояния, спора, конфликта, например: «распри», «коллизии», «конфронтация», «соперничество», «конкуренция», «разногласия», но чаще всего – «споры»⁹.

В теории отечественного правоведения термины «конфликт», «юридический конфликт» более часто стали употребляться лишь в конце XX в.¹⁰ Данный тезис подтверждается итогами мониторинга юридических словарей. В словарях, датированных 1980-ми гг., термины «конфликт», «юридический конфликт» не встречаются¹¹, однако подробно определяются термины «коллизионная норма», «коллизионное право», «коллизия законов»¹². В начале 1990-х гг. складывается неоднозначная ситуация, в отдельных словарях данные термины не используют¹³, в то же время позднее начинает встречаться определение термина «юридическая конфликтология»¹⁴.

⁸ Там же. С. 306.

⁹ См.: *Поротикова О. А.* Конфликт и спор: взгляд юриста на их сущность, соотношение и способы разрешения // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2020. № 4.

¹⁰ В начале XX в. в юридической литературе данный термин иногда встречается, например: *Брун М. И.* Очерки истории конфликтного права. М., 1915.

¹¹ См.: *Юридический энциклопедический словарь* / гл. ред. А. Я. Сухарев ; ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козырь, Г. М. Миньковский [и др.]. М., 1984.

¹² См.: Там же. С. 140.

¹³ См.: *Тихомиров М. Ю.* Юридическая энциклопедия. Издание третье, дополненное и переработанное. М., 1995.

¹⁴ *Большой юридический словарь* / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. VI. С. 781; *Барихин А. Б.* Большая юридическая энциклопедия. М., 2010. С. 955. (Серия: «Профессиональные справочники и энциклопедии»).

Перейдем от теории к практике и обратимся к текстам нормативных правовых актов. В них более распространено использование термина «спор» как универсальной категории, обозначающей противостояние сторон. Например, «налоговый спор»¹⁵, «спор о порядке налогообложения»¹⁶, «споры о разделе общего имущества супругов»¹⁷. В Гражданском кодексе РФ¹⁸ термин «спор» встречается во многих статьях. Например, согласно абз. 2 ч. 3 ст. 47 ГК РФ, «при наличии **спора** между заинтересованными лицами либо отказе органов, осуществляющих государственную регистрацию актов гражданского состояния, в исправлении или изменении записи **спор** разрешается судом».

Согласно ст. 1 Трудового кодекса РФ, основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, в том числе по **разрешению трудовых споров**.

Термин «спор» встречается и в названии нормативных правовых актов, например, в Федеральном законе № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования **споров** с участием посредника (медиации)».

В процессуальных нормах ситуация похожая. Согласно ст. 2 ГПК РФ, «гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному **урегулированию споров**».

Задачами судопроизводства в арбитражных судах являются, в том числе, содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному **урегулированию споров**» (ст. 2 АПК РФ).

Процессуальные нормы используют термин «конфликт» лишь в контексте приостановления производства по делу, например в связи с **вооруженным конфликтом**» (ст. 215, 216 ГПК РФ, ст. 143, 144 АПК РФ).

Термин «конфликт» в материальных нормах права также встречается крайне редко. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 153.2 СК РФ, «приемные родители вправе отказаться от исполнения договора о приемной семье при наличии уважительных причин (болезнь, изменение семейного или

¹⁵ Пп. 6 ч. 1 ст. 139.3 Налогового кодекса РФ (Налоговый кодекс РФ (Часть первая)) : федер. закон РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 23.11.2024 г. № 393-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2024. № 48. Ст. 7200.

¹⁶ Ст. 142.7 Налогового кодекса РФ.

¹⁷ Ст. 20 Семейного кодекса РФ.

¹⁸ Гражданский кодекс РФ (часть первая) : федер. закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 г. № 237-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4933.

имущественного положения, отсутствие взаимопонимания с ребенком или детьми, наличие **конфликтных отношений** между детьми и другими»). Согласно ст. 349.1 ТК РФ, «для целей настоящего Кодекса используется понятие «конфликт интересов», установленное законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции».

Также редко встречается термин «разногласие». Например, в соответствии с абз. 2 ч. 5 ст. 429 ГК РФ, в случае «возникновения **разногласий сторон** относительно условий основного договора такие условия определяются в соответствии с решением суда».

В качестве примера по использованию термина «конфронтация» можно привести ст. 14 Декларации СНД РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»¹⁹, в соответствии с которой «РСФСР заявляет о своей приверженности общепризнанным принципам международного права и готовности жить со всеми странами и народами в мире и согласии, принимать все меры к недопущению **конфронтации** в международных, межреспубликанских и межнациональных отношениях, отстаивая при этом интересы народов России».

Итак, термины «конфликт», «юридический конфликт», «юридическая конфликтология», «конфронтация» в юридических словарях встречаются крайне редко. Чаще данные термины определяются в монографических исследованиях. Еще реже они используются в текстах нормативно-правовых актов. Это, по нашему мнению, подтверждает точку зрения об отсутствии единого определения и понимания данных категорий.

В то же время термин «спор» и «коллизия» являются наиболее часто встречающимися в юридических словарях.

Использование термина «конфликт» в действующем законодательстве еще менее устойчиво. В нормативных правовых актах материального и процессуального права основным термином, обозначающим противоречие, столкновение, конфронтацию, является «спор».

Таким образом, по нашему мнению, термин «конфликт» можно рассматривать как **универсальную комплексную** теоретическо-практическую категорию, включающую в себя, обобщающую все многообразие возникающих в сфере общественных отношений противоречий.

По нашему мнению, в основе теоретической концепции юридической конфликтологии необходимо выделять три группы (разновидности) конфликтов: правовые конфликты, противоправные конфликты, неправовые конфликты.

Правовые конфликты – разновидность юридического конфликта, основой и первопричиной которого является внутреннее противоречие правовой нормы и (или) правовых норм, порождающее возникновение

¹⁹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

спора между субъектами правоотношений в сферах общественной жизни, формально урегулированных нормами права и имеющих регламентированные правом (материальным и процессуальным) процедуры и правила устранения возникших противоречий, тем не менее, порождающие конфликты.

Противоправные конфликты – противоречия, возникающие между субъектами отношений в сферах общественной жизни, урегулированных нормами права. Участники противоправного конфликта игнорируют правила (предписания) о способах и средствах разрешения спора. Отношения между субъектами выходят за рамки дозволенного правовой нормой поведения. Например, коллектор распространяет листки о наличии задолженности в подъезде должника, звонит должнику с угрозами, тем самым нарушая нормы Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”».

Неправовые конфликты – противоречия, возникающие между субъектами отношений в сферах общественной жизни, не урегулированных нормами права. Неправовые конфликты возникают в общественных отношениях, основанных на обычаях, традициях, религиозных или корпоративных нормах, правилах этикета и других социальных нормах. Участники неправового конфликта не нарушают предписаний правовых норм. Примером неправового конфликта является наложение различного рода епитимий в сферах религиозных отношений.

Основываясь на предложенной классификации, можно предложить и разновидности, наборы средств (технологий) урегулирования конфликта: правовые, противоправные и неправовые средства (технологии) урегулирования конфликта.

Считаем, что эмоционально-психологические переживания физических лиц и представителей юридических лиц, участвующих в конфликте, одинаковы, независимо от группы (разновидности) конфликтов: правовые конфликты, противоправные конфликты, неправовые конфликты. Это важно, так как **идеальным итогом** разрешения конфликта является согласие участников конфликта с результатом (справедливостью) его урегулирования.

Рассматривая указанные категории сквозь призму юридического конфликта, можно сделать вывод, что противоправный конфликт может трансформироваться в правовой и, напротив, правовой конфликт может уйти в противоправную сферу. Судьба неправовых конфликтов также неоднозначна. Действия (бездействия) участников неправового конфликта могут перевести конфликт в правовую или противоправную сферу. Так,

М. Ш. Гунибский обращает внимание на то, что «любой конфликт может стать правовым, поскольку существует возможность с помощью юридических норм и институтов вмешаться в развитие тех или иных событий, в результате чего каждый конфликт завершается той или иной юридической процедурой»²⁰.

Так как в основе правоотношения лежит правовая норма, следовательно, правовой конфликт напрямую связан с качеством правовой нормы.

В связи с этим необходимо выявить основную характеристику правовой нормы, обуславливающую возможность возникновения правового спора, конфронтации, конфликта.

По нашему мнению, данную характеристику правовой нормы возможно обозначить термином «**конфликтогенность**». **Конфликтогенность правовой нормы** – это потенциальная возможность правовой нормы породить спор о ее действительном правовом смысле, до начала или в процессе ее реализации субъектами правоотношений.

Также считаем необходимым сформулировать понятие «**конфликтогенные факторы**», под которыми предлагаем понимать положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для субъектов правоотношений необоснованно широкие пределы усмотрения, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные, а также противоречивые требования к физическим и юридическим лицам и тем самым создающие условия для возникновения конфликта²¹.

В Определении Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 215-О²² разъяснено, что из принципов правового государства, равенства и справедливости (ст. 1, 18 и 19 Конституции РФ) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования. Противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод. В связи с этим практическое значение будет иметь и формулировка категории «сте-

²⁰ Гунибский М. Ш. Юридическая конфликтология : учеб. пособие. М., 2023.

²¹ В данном случае за основу определения взято понятие из ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

²² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Суромкиной Зои Александровны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетней дочери частью 8 статьи 5 и частями 1 и 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 215-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71520532/>

пень (или уровень) конфликтогенности правовой нормы». Данная категория определяет потенциальную вероятность спора о действительном правовом смысле нормы.

Приведем примеры правовых норм с потенциально высокой степенью (уровнем) конфликтогенности. Согласно ст. 63 Трудового кодекса РФ, с письменного согласия одного из родителей (попечителя) трудовой договор может быть заключен с лицом, получившим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, либо с лицом, получающим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет, для выполнения в свободное от получения образования время легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью, и без ущерба для освоения образовательной программы.

Что делать, если мама, по просьбе своей 14-летней дочери, дала согласие на заключение трудового договора с модельным агентством, а папа категорически против?

Другой пример. Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 479-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» введен подпункт 19.1 ч. 3 ст. 28, согласно которому к компетенции образовательной организации в установленной сфере деятельности относятся «содействие добровольческой (волонтерской) деятельности обучающихся, их участию в **общественно полезном труде**».

При этом определение «общественно полезного труда» не предлагается. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что в ближайшее время возникнет множество споров об отнесении тех или иных работ к категории «общественно полезного труда» обучающихся в школах, техникумах, вузах.

Конфликтогенность правовой нормы является причиной возникновения **нормативного правового конфликта (НПК)**. НПК – это разновидность юридического конфликта, выражающегося в отсутствии единого понимания действительного смысла правовой нормы в процессе ее реализации или применения участниками правоотношения. Следствием НПК является нарушение единообразия правоприменительной практики и необеспечение стабильности и предсказуемости правопорядка или создание объективных предпосылок для возникновения указанных проблем. Нормативный правовой конфликт – это всегда столкновение в границах (в пределах) правовых норм, материальных и (или) процессуальных.

Как известно, вызывать противоречия в регулировании общественных отношений может как одна правовая норма, так и их совокупность. В связи с этим предлагаем различать понятия «индивидуально-конфликтогенная правовая норма» и «коллизивно-конфликтогенные правовые нормы».

Индивидуально-конфликтогенная правовая норма – это правовая норма, не обеспечивающая единообразного понимания правового предписания субъектами или субъектом правоотношения.

Коллизионно-конфликтогенные правовые нормы – это две и более правовые нормы, закрепленные в одном или нескольких источниках права, различным образом регулирующих одно и то же общественное отношение. А. В. Демин пишет, что «коллизия норм предполагает наличие двух или более правовых норм, различным образом регулирующих одно и то же общественное отношение, т.е. устанавливающих различные модели поведения применительно к одним и тем же фактическим ситуациям. В результате перед адресатами конфликтующих норм неизбежно возникает проблема выбора применимой нормы, причем этот выбор должен носить не произвольный (по усмотрению адресата), но объективно обусловленный характер»²³.

Причины нормативных правовых конфликтов так же, как причины конфликтогенности правовых норм, разнообразны. В рамках юридической конфликтологии сформулированы разные термины, направленные на определение «причинности» нормативного правового конфликта и конфликтогенности правовой нормы, среди них: темпоральные²⁴, юридико-технические²⁵, иерархические²⁶ и др.

Рассмотрим отдельные практические примеры нормативного правового конфликта. Так, высокой степенью конфликтогенности обладают следующие **индивидуально-конфликтогенные правовые нормы**.

1. Часть 4 статьи 31 Жилищного кодекса РФ, согласно которой в «случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением между собственником и бывшим членом его семьи».

В связи с отсутствием в действующем законодательстве легального определения категорий «семья» и «члены семьи» судебная практика по вопросу «бывших членов семьи собственника жилого помещения» неоднократно менялась, как и ответ на вопрос: становится ли ребенок бывшим

²³ Демин А. В. Специализированные нормы в механизме налогово-правового регулирования // *Налоги*. 2010. № 43. С. 20.

²⁴ См.: Голубцов В. Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // *Российский юридический журнал*. 2022. № 1.

²⁵ См.: Рясина А. С. Развитие научных представлений об оценочных категориях в российском праве // *Российская юстиция*. 2020. № 6.

²⁶ См.: Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 8.

членом семьи собственника жилого помещения по правилам ст. 31 ЖК РФ, если после расторжения брака его родители стали проживать раздельно, а он – с тем из родителей, который в собственности жилья не имеет?²⁷

2. Абзац 1 ч. 2 ст. 28 ГК РФ, согласно которому «малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки».

3. Статья 63 Трудового кодекса РФ, в соответствии с которой «с письменного согласия **одного** из родителей (попечителя) трудовой договор может быть заключен с лицом, получившим общее образование и достигшим возраста четырнадцати лет...».

4. Подпункт 19.1 ч. 3 ст. 28 ФЗ № 479-ФЗ от 4 августа 2023 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”», согласно которому к компетенции образовательной организации в установленной сфере деятельности относятся «содействие добровольческой (волонтерской) деятельности обучающихся, их участие в **общественно полезном труде**».

По нашему мнению, как коллизионно-конфликтогенные можно определить следующие правовые нормы. В соответствии со ст. 65 Конституции РФ в составе Российской Федерации находятся 89 субъектов Российской Федерации, в том числе Луганская Народная Республика²⁸ (далее также ЛНР).

До октября 2022 г. Воронежская область была приграничным регионом. С момента вхождения в состав России ЛНР географически Воронежская область утратила статус приграничного субъекта РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 15 ЗК РФ, иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на **приграничных территориях**, перечень которых устанавливается Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством о Государственной границе Российской Федерации, и на иных установленных особо территориях Российской Федерации в соответствии с федеральными

²⁷ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 23 ноября 2005 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2005 года» (Вопрос 18); Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года, утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 7 ноября 2007 г. (Вопрос 4); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (пункт 13).

²⁸ Наименование нового субъекта Российской Федерации – Луганская Народная Республика – дано в соответствии с Федеральным конституционным законом от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» (Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 2022, 5 октября, № 0001202210050006).

законами. Согласно Указу Президента РФ от 9 января 2011 г. № 26 (в ред. от 23.11.2021 г.) «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками», в **Воронежской области к приграничным территорияям отнесены** Кантемировский муниципальный район и Россошанский муниципальный район.

Что делать государственному регистратору права Росреестра при поступлении договора купли-продажи земельного участка на территории города Россошь Воронежской области, где покупателем выступает иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо?

Другой пример. В статье 112 Трудового кодекса РФ в качестве нерабочего праздничного дня указан день 7 января – Рождество Христово. В то же время статья 14 Конституции РФ закрепляет, что «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Формально-юридически данный нормативный правовой конфликт разрешен. Так в Определении Конституционного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 999-О²⁹ отмечается, что *«абзац третьей части первой статьи 112 Трудового кодекса РФ является элементом правового механизма реализации конституционного права на отдых и не может рассматриваться как нарушающий конституционные права граждан, в том числе не содержит препятствий к реализации права на защиту от безработицы. Не может рассматриваться оспариваемое положение и как нарушающее требования статей 14, 28 и 29 Конституции Российской Федерации, так как оно не ограничивает возможности гражданина исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать религиозные и иные убеждения и правомерно действовать в соответствии с ними».*

Однако рассуждения о многонациональном народе России как большой семье порождают аналогию с семейными отношениями, когда всей семьей отмечается только день рождения, например, отца. Вся семья накануне дня рождения убирает квартиру, в день торжества накрывает стол, дарит подарки родителю. Однако дни рождения других членов семьи – матери, детей, бабушек, дедушек – отмечаются кому как вздумается. Будет ли такая семья дружна и счастлива? Не погрязнет ли в зависти, оби-

²⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Веселова Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав абзацем третьей части первой статьи 112 Трудового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 999-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70198798/>

дах, осуждении и т.д.? Таким образом, с формально-правовой точки зрения, исходя из позитивистской концепции правопонимания, принятие Определения Конституционного Суда РФ позволяет говорить об урегулировании конфликта. Однако де-факто **эмоционально-психологически** конфликтный потенциал ст. 112 ТК РФ сохраняется.

Итак, чем более понятна, логически и концептуально-антропологически обоснована правовая норма, тем ниже степень ее конфликтогенности как в правовом, так и в неправовом смыслах, как де-юре, так и де-факто (формально-юридически и эмоционально-психологически).

Подводя итог нашим рассуждениям, делаем вывод, что научная теория нормативного правового конфликта находится на стадии формирования.

Считаем необходимым уделять больше внимания сочетанию теоретических конструкций терминологического аппарата юридической конфликтологии с практикой правоотношений (практической юриспруденцией, правоприменительной практикой) и формулировать соответствующие термины, исходя из цели их последующего включения в положения Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»³⁰.

В связи с этим считаем необходимым включить в положения проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» нормы (возможно, в виде отдельной главы) о конфликтогенной экспертизе проектов нормативно-правовых актов. Данный подход позволит выработать единые стандарты терминологии юридической конфликтологии, а впоследствии – легализовать общие формулировки соответствующих терминов.

Библиографический список

Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия / А. Б. Барихин. – М. : Книжный мир, 2010. (Сер.: «Профессиональные справочники и энциклопедии»).

Бекиров Л. А. Юридический конфликт и способы его разрешения / Л. А. Бекиров // Проблемы науки. – 2019. – С. 77–81.

Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Советская Энциклопедия, 1973. – Т. 13. – 608 с.

Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 1998.

Брун М. И. Очерки истории конфликтного права / М. И. Брун. – М. : Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1915. – 106 с.

³⁰ *Липень С. В.* Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8.

Василенок В. Е. Предупреждение и разрешение юридических конфликтов: институциональный и нормативно-правовой аспекты / В. Е. Василенок // Юристъ-правоведъ. – 2006. – № 3. – С. 30–32.

Голубцов В. Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами / В. Г. Голубцов // Российский юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 20–33.

Гунибский М. Ш. Юридическая конфликтология : учеб. пособие / М. Ш. Гунибский. – М. : Юридическое издательство «Норма», 2023. – 176 с.

Демин А. В. Специализированные нормы в механизме налогово-правового регулирования / А. В. Демин // Налоги. – 2010. – № 43. – С. 20.

Заточная А. Д. Консенсус как мыслеобразующий механизм для разрешения юридического конфликта / А. Д. Заточная. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsensus-kak-mysleobrazuyuschiy-mehanizm-dlya-razresheniya-yuridicheskogo-konflikta/viewer> (дата обращения: 20.11.2024).

Конькова А. А. Механизм разрешения юридических конфликтов / А. А. Конькова // Интеграция наук. – 2018. – № 6. – С. 34–35.

Липень С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства / С. В. Липень // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 22–33.

Малько А. В. Усиление сотрудничества государства и гражданского общества как одна из форм предупреждения и снижения конфликтов / А. В. Малько // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 2(7). – С. 7–19.

Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян [и др.]. – М. : ООО «Издательство “Энциклопедия” : ИД “Инфра-М”», 2003. – Т. 8(2), Когезия – Костариканцы. – 2011. – 480 с.

Поротикова О. А. Конфликт и спор: взгляд юриста на их сущность, соотношение и способы разрешения / О. А. Поротикова // Вестник ВГУ. Сер.: Право. – 2020. – № 4. – С. 353–359.

Рулан Н. Юридическая антропология : учебник / Н. Рулан ; отв. ред. В. С. Нерсисянц. – М. : Издательство НОРМА, 1999. – 310 с.

Ряпина А. С. Развитие научных представлений об оценочных категориях в российском праве / А. С. Ряпина // Российская юстиция. – 2020. – № 6. – С. 4–7.

Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Дело, 2020. – 528 с.

Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 552 с.

Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / М. Ю. Тихомиров. – Издание третье, дополненное и переработанное. – М. : ЮРИНФОРМЦЕНТР, 1995. – 365 с.

Третьяк И. А. Конституционно-правовой конфликт как вид юридического конфликта / И. А. Третьяк // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 5. – С. 3–7.

Шелестов Д. С. Терминологическая основа юридической ответственности за нарушение земельного законодательства: вопросы теории и практики / Д. С. Шелестов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 1(2). – С. 125–137.

Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев ; ред. кол.: М. М. Богуславский, М. И. Козыр, Г. М. Миньковский [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1984. – 415 с.

References

Barikhin A. B. The Great Law Encyclopedia / A. B. Barikhin. – М. : Knizhny Mir, 2010.

Bekirov L. A. Legal conflict and ways of its resolution / L. A. Bekirov // Problems of science. – 2019. – Pp. 77–81. (Series: "Professional Reference Books and Encyclopedias").

Brun M. I. Essays on the History of Conflict Law / M. I. Brun. – Moscow : Printing house G. Lissner and D. Sobko, 1915. – 106 p.

Demin A. V. Specialized norms in the mechanism of tax and legal regulation / A. V. Demin // Taxes. – 2010. – No. 43. – P. 20.

Golubtsov V. G. Temporal conflict rules as legal means of overcoming temporary contradictions between legal norms / V. G. Golubtsov // Russian Law Journal. – 2022. – No. 1. – Pp. 20–33.

Gunibsky M. Sh. Legal Conflictology : a textbook / M. Sh. Gunibsky. – Moscow : Legal Publishing House Norma, 2023. – 176 p.

Konkova A. A. Mechanism for resolving legal conflicts / A. A. Konkova // Integration of sciences. – 2018. – No. 6. – Pp. 34–35.

Legal encyclopedic dictionary / ch. ed. A. Ya. Sukharev ; ed. col.: M. M. Boguslavsky, M. I. Kozyr, G. M. Minkovsky [et al.]. – Moscow : Sov. Encyclopedia, 1984. – 415 p.

Lipen S. V. Laws on regulatory legal acts of the CIS countries – indicators of the processes of informatization and digitalization of the legislative system / S. V. Lipen // Actual problems of Russian law. – 2019. – No. 8. – Pp. 22–33.

Malko A. V. Strengthening cooperation between the state and civil society as one of the forms of conflict prevention and reduction / A. V. Malko // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2024. – No. 2(7). – Pp. 7–19.

New Russian Encyclopedia : in 12 vol. / ed. board: A. D. Nekipelov, V. I. Danilov-Danilyan [et al.]. – Moscow : OOO "Izdatelstvo "Encyclopedia" : ID "Infra-M", 2011. – Vol. 8(2), Cohesion – Costa Ricans. – 480 p.

Porotikova O. A. Conflict and dispute: a lawyer's view of their essence, relationship and methods of resolution / O. A. Porotikova // Bulletin of VSU. Series: Law. – 2020. – No. 4. – Pp. 353–359.

Rulan N. Legal anthropology : textbook / N. Rulan ; ed. V. S. Nersesyants. – Moscow : NORMA Publishing House, 1999. – 310 p.

Ryasina A. S. Development of scientific ideas about evaluative categories in Russian law / A. S. Ryasina // Russian justice. – 2020. – No. 6. – P. 4–7.

Shelestov D. S. Terminological basis of legal liability for violation of land legislation : issues of theory and practice / D. S. Shelestov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. – 2023. – No. 1(2). – Pp. 125–137.

The Great Law Dictionary / ed. A. Ya. Sukharev, V. D. Zorkin, V. E. Krutskikh. – Moscow : INFRA-M, 1998. – VI.

The Great Soviet Encyclopedia : in 30 vol. / ed. A. M. Prokhorov. – 3rd ed. – Moscow : "Soviet Encyclopedia", 1973. – Vol. 13. – 608 p.

Theory of state and law : lecture course / ed. N. I. Matuzova, A. V. Malko. – Moscow : Delo, 2020. – 528 p.

Theory of state and law : textbook / ed. V. D. Perevalov. – 5th ed., revised. and add. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2024. – 552 p.

Tikhomirov M. Yu. Legal encyclopedia / M. Yu. Tikhomirov. – Third edition, supplemented and revised. – Moscow : YURINFORMCENTER, 1995. – 365 p.

Tretyak I. A. Constitutional and legal conflict as a type of legal conflict / I. A. Tretyak // Constitutional and municipal law. – 2020. – No. 5. – Pp. 3–7.

Vasilenok V. E. Prevention and Resolution of Legal Conflicts: Institutional and Normative-Legal Aspects / V. E. Vasilenok // Jurist-Pravoved. – 2006. – No. 3. – Pp. 30–32.

Zatochnaya A. D. Consensus as a thought-forming mechanism for resolving a legal conflict / A. D. Zatochnaya. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konsensus-kak-mysleobrazuyuschiy-mehanizm-dlya-razresheniya-yuridicheskogo-konflikta/viewer> (date of access: 20.11.2024).

Для цитирования:

Шелестов Д. С. Конфликтогенность правовой нормы: общетеоретический и отраслевой аспекты // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 63–79.

Recommended citation:

Shelestov D. S. The conflictogenicity of the legal norm: general theoretical and sectoral aspects // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 63–79.

Сведения об авторе

Шелестов Дмитрий Станиславович – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: shelestovDS2014@yandex.ru

Information about author

Shelestov Dmitriy Stanislavovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: shelestovDS2014@yandex.ru

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Н. О. Машинникова

*ФГБОУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН),
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»
(РПА Минюста России)*

Поступила в редакцию 16 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются цель и назначение уголовного судопроизводства с позиций конфликтологического и антропологического подходов. Приводится анализ последовательности возникновения конфликтов в уголовном судопроизводстве и условия возникновения уголовно-процессуальных отношений. Автор полагает, что определение уголовно-правового конфликта как преступления подлежит установлению в процессе доказывания. Данная позиция обусловлена конструкцией уголовного закона, презюмирующего возможность разрешения конфликта в области материального права без стигматизирующих последствий. В связи с этим автор предлагает рассматривать уголовное судопроизводство как самоограничение государства в праве на стигматизацию и наказание.

Ключевые слова: уголовно-правовой конфликт, уголовно-процессуальный конфликт, цель уголовного судопроизводства, самоограничение государства, право на стигматизацию.

CRIMINAL PROCEEDINGS AS A MEANS OF RESOLVING CRIMINAL LEGAL CONFLICTS

N. O. Mashinnikova

*Order of Friendship of Peoples Institute of Ethnology and Anthropology
named after N. N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS),
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia)*

Abstract: the article examines the aim and purpose of criminal proceedings from the perspective of conflictological and anthropological approaches. An analysis of the sequence of occurrence of conflicts in criminal proceedings and the conditions for the emergence of criminal procedural relations are provided. The author believes that the fact that a criminal legal conflict is a crime must be established in the process of proof. This position is due to the

construction of the criminal law, which presupposes the possibility of resolving a conflict in the field of substantive law without stigmatizing consequences. In this connection, the author proposes to consider criminal proceedings as self-restraint of the state in the right to stigmatization and punishment.

Key words: criminal legal conflict, criminal procedural conflict, purpose of criminal proceedings, self-restraint of the state, right to stigmatization.

Качественные характеристики юридического конфликта обусловлены сферой приложения конфликтных отношений, их интенсивностью, наличием либо отсутствием в них общественной опасности, степенью последней и способностью конфликтных отношений повлечь за собой негативные последствия.

Особого внимания государства требуют конфликты, которые несут в себе угрозу общественной безопасности и характеризуются противоправностью, в связи с чем требуют незамедлительной реакции должностных лиц, которая должна находить выражение не только в пресечении таких конфликтов и привлечении к ответственности лиц, в них виновных, но и в обеспечении, защите и восстановлении прав лиц, так или иначе вовлеченных в конфликт и последующую за ним процедуру его разрешения. Речь идет о криминальном конфликте, включающем в себя уголовно-правовой (первичный) конфликт и производные от него уголовно-процессуальные конфликты.

Любой конфликт, представляя собой способ определения дозволенного в социальной группе, позволяет определить границы социально приемлемого поведения. Особенностью уголовно-правового конфликта является то, что мера дозволенного установлена не социальной группой, а государством. В связи с этим не всегда при таком конфликте воля потерпевшей стороны на отказ от стигматизации является решающей.

Начало действия уголовно-процессуальных норм обусловлено конфликтом в области материального уголовного права. В свою очередь уголовно-правовой конфликт является непременным условием начала уголовно-процессуальных отношений. Преступление представляет собой конфликт, способ разрешения которого установлен уголовно-процессуальным законодательством. Характерной же особенностью такого конфликта является то, что ведущую роль в его управлении занимает государство в лице правоохранительных и судебных органов.

Между тем, понятие «уголовно-правового конфликта» существенно шире понятия «преступления», поскольку может иметь место уголовно-правовой конфликт и могут возникнуть уголовно-процессуальные отношения, однако в результате последних может быть установлено отсутствие события преступления. При таких обстоятельствах уголовно-правовой конфликт подлежит разрешению без стигматизирующих послед-

ствий для лица, привлекаемого к уголовной ответственности (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 1, 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство прямо предусматривает возможность уголовного судопроизводства в отсутствие события преступления как факта объективной действительности. В связи с этим уравнивание таких понятий до синонимов наносит существенный вред социальным отношениям и порождает дополнительные конфликты как правового, так и неправового характера.

Вместе с тем, уголовно-правовой конфликт действительно представляет собой правовой конфликт, порожденный преступлением, он и есть преступление в силу своей общественной опасности и противоправности. Однако, поскольку конфликт может носить ложный характер, т.е. существовать только в воображении его участников и не иметь под собой фактических оснований в силу заблуждения либо недобросовестности субъекта, то понятие уголовно-правового конфликта объективно шире понятия преступления. В связи с этим то обстоятельство, что указанный конфликт действительно является преступлением, подлежит установлению в процессе доказывания.

Установление отсутствия события преступления препятствует государству в реализации им права на уголовную репрессию. Таким образом, уголовное судопроизводство можно рассматривать как самоограничение государства в праве на стигматизацию.

Изложенное позволяет прийти к умозаключению, что уголовно-правовой конфликт как предмет уголовного судопроизводства может иметь место, а преступление при этом может отсутствовать, но последнее обстоятельство будет установлено лишь по итогам уголовно-процессуальной деятельности.

Разрешение уголовно-правового конфликта порождает несколько видов второго типа конфликта, которые являются уголовно-процессуальными, поскольку зарождаются в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

В основе уголовного судопроизводства России лежит публичное, а не частное начало, поэтому состязательность отсутствует на досудебных стадиях, но обязательна в суде¹. Трансформация отечественного уголовного процесса из розыскного в состязательный успехом не увенчалась, в связи с чем закрепленный в ст. 15 УПК РФ принцип состязательности, к сожалению, скорее можно отнести к общим условиям судебного разбирательства. Однако в любом случае состязательность, пусть даже на судебной стадии процесса, подразумевает и стимулирует столкновение интересов сторон. Именно внедрение состязательности в уголовное судопроизводство

¹ См.: Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Российская юстиция. 2017. № 6.

производство влечет за собой признание конфликтного характера уголовного процесса². Причиной противоборства сторон в уголовном судопроизводстве является установленное законом различное содержание уголовно-процессуальных функций, которое определяется содержанием конфликта, возникающего между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и обществом, интересы которого защищает государство. По мнению Х. Зера, подобная конструкция процесса предполагает существование непримиримых интересов и всячески способствует тому, чтобы таковыми они и оставались³. Д. Ауэрбах указывает, что такая процессуальная конструкция – это индивидуалистическая модель, построенная на принципе конкуренции⁴. Уголовный процесс представляет собой социальную действительность, с которой приходится сталкиваться субъекту в силу своей профессии, должностного положения или вовлечения в систему этих отношений⁵.

В отсутствие состязательности на досудебных стадиях процесса конфликтность уголовного судопроизводства обеспечивается: 1) разными процессуальными функциями участников процесса; 2) различными процессуальными задачами, стоящими перед ними; 3) государственным принуждением. Отсутствие состязательности в досудебном производстве законодатель весьма условно компенсирует правом на защиту, предоставляемым лицу, привлекающемуся к уголовной ответственности, когда такое право может быть выражено в форме отказа от дачи показаний и сотрудничества с правоохранительными органами. Такая процессуальная ситуация – не что иное, как прямой конфликт между участниками уголовного судопроизводства, выраженный в невербальной форме.

Дополнительную конфликтность в уголовное судопроизводство, на наш взгляд, привносит то обстоятельство, что далеко не каждый его профессиональный участник, будь то следователь, прокурор, адвокат либо судья, ощущает разницу между обвиняемым и лицом, совершившим преступление. В связи с этим указанные лица не видят разницы между уголовно-процессуальным законом, предназначенным для обвиняемых, и уголовным законом, предназначенным для лица, совершившего преступление (преступника). Такая ошибка, которая находит выражение в подмене уголовно-процессуального способа деятельности, основанного на презумпции невиновности, уголовно-правовым способом деятельности, обуслов-

² См.: Кириллова Н. П. Уголовно-процессуальный конфликт и реализация уголовно-процессуальных функций в суде // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2007. № 5(274).

³ См.: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / общ. ред. Л. М. Карнозовой. М., 2002. С. 37.

⁴ См.: Ауэрбах Д. Правосудие без закона? Цит. по: Зер Х. Указ. соч.

⁵ См.: Диваев А. Б. Телеологические аспекты уголовно-процессуального воздействия // Труды Института государства и права РАН. 2023 Т. 18, № 6.

ленным презумпцией виновности, приводит не только к серьезным уголовно-процессуальным конфликтам, но и к неправосудным приговорам.

Сущностной характеристикой уголовно-процессуальной деятельности является обязанность суда при разрешении уголовно-правового конфликта по существу преодолеть презумпцию невиновности, являющуюся процессуальной гарантией лица, привлекаемого к уголовной ответственности. В случае подмены уголовно-процессуального способа деятельности уголовно-правовым уже защитнику приходится преодолевать презумпцию вины лица, привлекаемого к уголовной ответственности, характерную для материального уголовного закона, что недопустимо для уголовно-процессуальных правоотношений.

Длительное время уголовное судопроизводство воспринималось правоприменителем в качестве строго формального механизма по установлению обязательных признаков состава преступления и лица, к нему причастного. Правовая реальность классического восприятия уголовного процесса как жизни уголовного права недооценивала два его обязательных компонента: 1) субъективный; 2) общественный. Между тем, уголовное судопроизводство проявляется в виде совокупности субъективных факторов, опосредованных межличностным взаимодействием, статусностью субъектов правоприменения и правореализации, зависимостью от властных решений, наличием дискреционных полномочий у должностных лиц, противоречивостью потребностей и интересов разных субъектов уголовно-процессуальных отношений. Кроме того, уголовно-правовой конфликт имеет социальные корни, а поэтому для его разрешения необходимо использовать не только уголовно-правовые и уголовно-процессуальные, но и социально-экономические, общественные, психологические и конфликтологические инструменты.

В свою очередь, антропологический подход к исследованию уголовного судопроизводства позволит переориентировать проблематику с изучения логико-методологических проблем на исследование смысложизненных мировоззренческих основ уголовно-процессуальных правоотношений, попытку создания и обоснования новых уголовно-процессуальных форм и способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в соответствии с потребностями общества и личности.

Уголовное судопроизводство ограничивает ту область деятельности людей, которая развивается в связи с предполагаемым преступным деянием и вокруг него, образуя некую целостность. Между тем, любая совместная деятельность, тем более та, участие в которой некоторых ее участников обеспечивается силой государственного принуждения, абсолютно не презюмирует достижения между ними единства и сходных позиций относительно предмета такой деятельности. Обращаясь к стадии судебного разбирательства как к наиболее яркому примеру уголов-

но-процессуальной деятельности, мы видим, что, как правило, ситуация складывается следующим образом: обвинитель обвиняет; подсудимый отрицает обвинение; судья, при отсутствии у него предвзятости в отношении материалов дела либо его участников, критикует сначала одного, а затем другого участника процесса. При этом достижение цели уголовного судопроизводства предполагается за счет совместной деятельности его участников, в том числе и при противоположных позициях сторон относительно предмета уголовно-правового спора.

Таким образом, уголовное судопроизводство можно определить как способ организации социальной жизни определенного круга лиц, вовлеченных в него с целью разрешения уголовно-правовых конфликтов. В свою очередь, уголовно-правовой конфликт следует рассматривать как основание для начала уголовно-процессуальных отношений, а его разрешение – как результат последних.

Под уголовно-процессуальным конфликтом следует понимать вид взаимодействия субъектов уголовно-процессуальных отношений, в основе которых лежит противоречие сторон, стремящихся к установлению истины или достижению целей уголовного судопроизводства. Целью уголовного судопроизводства является разрешение уголовно-правового конфликта. Поскольку уголовно-процессуальный конфликт – явление динамичное, то в процессе его развития объект конфликта может быть изменен.

Концептуальное различие между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным конфликтами с точки зрения теории конфликта заключается в том, что:

– уголовно-правовой конфликт деструктивен, поскольку в случае, если он не носит мнимого характера и не является ложным, то характеризуется общественной опасностью и противоправностью;

– уголовно-процессуальный конфликт является позитивным, специально предусмотренным законодателем и представляет собой форму разрешения уголовно-правового конфликта.

В связи с этим уголовно-правовая и уголовно-процессуальная деятельность одновременно находятся в состоянии единства и противоположности, что также является самостоятельным конфликтогеном в процессе разрешения уголовно-правового конфликта.

Таким образом, в уголовно-процессуальном праве присутствуют как уголовно-правовые, так и уголовно-процессуальные конфликты, которые можно объединить в родовую группу криминальных конфликтов, поскольку для разрешения и тех и других используется уголовное судопроизводство. Однако сущностные характеристики таких конфликтов, а также роли, отведенные им в социальной среде, индивидуально обособлены, что не позволяет рассматривать их как одно целое.

Конфликтологический аспект материального уголовного закона опосредован конфликтной сущностью преступного деяния, обусловленной степенью общественной опасности и противоправностью последнего.

В свою очередь, конфликтологический аспект уголовно-процессуального закона обусловлен равноправием сторон, состязательностью процесса как универсальным способом уголовно-процессуальной деятельности его участников (при наличии необходимости на всем его протяжении соблюдать назначение уголовного судопроизводства, установленное в ст. 6 УПК РФ, которая закрепляет дихотомию направленности деятельности суда как независимого арбитра) и целью последнего – разрешением уголовно-правового конфликта.

Наука уголовно-процессуального права исследует динамическую сторону уголовно-правового конфликта и те его стадии, которые не входят в предмет исследования науки уголовного права. Действия причинителя вреда, т. е. само преступное деяние, находятся за пределами уголовно-процессуального пространства и направлены на удовлетворение собственных потребностей, поскольку являются базисом для возникновения уголовно-процессуальных отношений. Наука же уголовно-процессуального права направлена на исследование и разработку наиболее эффективных способов управления уголовно-правовым конфликтом и его разрешения в контексте обеспечения, защиты и восстановления прав его участников. В частности, выявление реальных потребностей потерпевшего от преступления позволит наиболее эффективно заглаживать причиненный вред, быстро и качественно разрешить конфликт. Разнообразные формы позитивного посткриминального поведения позволяют не только эффективно разрешить отдельно взятый конфликт, но и при определенных обстоятельствах пресечь, раскрыть и расследовать другие факты преступного поведения. Иная ситуация складывается, когда в ходе уголовного судопроизводства установлены событие, и состав преступления, но выяснено, что лицо, которое предположительно совершило указанное преступление, к его совершению непричастно. Результат процессуальной деятельности указывает на отсутствие у государства права на стигматизацию и предполагает восстановление в правах уголовно-преследуемого лица и возмещение ему причиненного таким преследованием вреда.

Библиографический список

Давлетов А. А. Адвокатское расследование: миф или реальность? / А. А. Давлетов // Российская юстиция. – 2017. – № 6. – С. 71–77.

Диваев А. Б. Телеологические аспекты уголовно-процессуального воздействия / А. Б. Диваев // Труды Института государства и права РАН. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 141–159.

Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / Х. Зер ; общ. ред. Л. М. Карнозовой. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.

Кириллова Н. П. Уголовно-процессуальный конфликт и реализация уголовно-процессуальных функций в суде / Н. П. Кириллова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 5(274). – С. 100–111.

References

Davletov A. A. Advocate's investigation: myth or reality? / A. A. Davletov // Russian justice. – 2017. – No. 6. – Pp. 71–77.

Divaev A. B. Teleological aspects of criminal procedural influence / A. B. Divaev // Works of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – Vol. 18, No. 6. – Pp. 141–159.

Kirillova N. P. Criminal procedural conflict and the implementation of criminal procedural functions in court / N. P. Kirillova // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2007. – No. 5(274). – Pp. 100–111.

Zer H. Restorative justice: a new look at crime and punishment : trans. from English / H. Zer ; gen. ed. L. M. Karnozova. – Moscow : MOO Center "Judicial and Legal Reform", 2002. – 328 p.

Для цитирования:

Машинникова Н. О. Уголовное судопроизводство как средство разрешения уголовно-правовых конфликтов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 80–87.

Recommended citation:

Mashinnikova N. O. Criminal proceedings as a means of resolving criminal legal conflicts // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 80–87.

Сведения об авторе

Машинникова Наталья Олеговна – научный сотрудник ФГБОУН Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН), доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России), кандидат юридических наук

E-mail: n-alico@mail.ru

Information about author

Mashinnikova Natalya Olegovna – Researcher of the Order of Friendship of Peoples Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maklay of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Legal Sciences

E-mail: n-alico@mail.ru

КОНФЛИКТ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

А. Е. Носырева

Кемеровский государственный университет

Поступила в редакцию 10 марта 2024 г.

Аннотация: актуальность феномена социальной идентичности для объяснения социальных конфликтов является одним из важнейших предметов дискуссий среди большинства ученых. Социальная идентичность является основным элементом культуры общества и правового самоопределения статуса личности. Как показывает история, большинство конфликтов и тяжких последствий (таких как этноцентризм, эйблизм, стигматизация, ксенофобия, расизм и многое другое) были опосредованы проблемой идентичности граждан по различным критериям: этническому происхождению, расе, состоянию здоровья, религии и т.д. Автором представлен анализ проблемы идентификации людей с инвалидностью с целью предоставления аналитической основы для обсуждения межгрупповых конфликтов и сложности реализации правового статуса граждан.

Ключевые слова: идентичность людей с инвалидностью, «самость», межгрупповой конфликт.

SOCIAL IDENTITY CONFLICT OF PEOPLE WITH DISABILITIES

A. E. Nosyreva

Kemerovo State University

Abstract: the relevance of the phenomenon of social identity in explaining social conflicts is one of the most important subjects of debate among most scientists. Social identity is the main element of the culture of society and the legal self-determination of the status of an individual. As history shows, most conflicts and grave consequences (such as ethnocentrism, ableism, stigmatization, xenophobia, racism and much more) were mediated by the problem of the identity of citizens according to various criteria – ethnic origin, race, health status, religion and so on. The author presents the analysis of the problem of identifying people with disabilities in order to provide an analytical basis for discussing intergroup conflicts and the complexity of realizing the legal status of citizens.

Key words: identity of people with disabilities, «selfishness», intergroup conflict.

Социальная идентичность является одним из важнейших аспектов личностной оценки человека¹ и характеризует в каждом конституционное начало на реализацию прав и основных свобод в общественной жизни. В сущности, социальная идентичность вытекает из принадлежности гражданина к социальной группе в зависимости от социального положения, состояния здоровья, этнической принадлежности, вероисповедания, профессии и прочих признаков.

Фактически социальная идентичность человека представляет собой «не просто заявление о положении в обществе, но и восприятие своего места в социальных группах, обеспечивающееся социальными и правовыми нормами, которых придерживается социум»².

Согласно Оксфордскому словарю, термин «идентичность» имеет латинское происхождение – «*identitas*», означающий «тождественный» или «схожий»³. Ученые подчеркивают, что формирование социальной идентичности – естественный процесс, посредством которого люди отождествляют себя с другими на основе общих характеристик, убеждений и личного опыта, что может существенным образом повлиять на правовой статус личности⁴. Следовательно, идентичность как основной элемент социальной жизни каждого человека представляет собой личностное состояние, определяющее «себя по отношению к другим гражданам»⁵.

Анри Тайфель (1919–1982) был польским психологом и представителем Европейской Ассоциации Социальной Психологии (EASP), разработавшим теорию социальной идентичности в начале 1970-х гг. В первые годы своей жизни Анри Тайфель сам столкнулся с дискриминацией по национальному признаку во время Холокоста, что сподвигло его на будущие исследования проблем социальной идентичности. Он считал, что социальная категоризация общества опосредована предрассудками о социальной ценности человека⁶.

Юридически термин «социальная идентичность» используется для объяснения «социальной самости» человека, что поддерживает мотивацию или, напротив, может приводить к необоснованной стигматиза-

¹ См.: Развитие взглядов в истории о достоинстве человека // Молодой ученый. 2016. № 28. С. 1050.

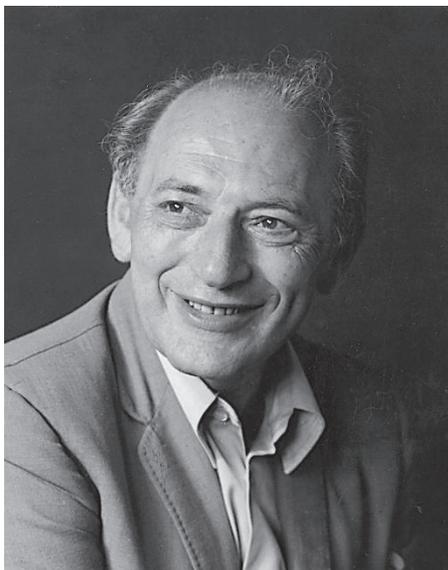
² См.: The social identity approach to understanding socio-political conflict in environmental and natural resources management / R. M. Colvin, G. Bradd Witt [et al.] // Global Environmental Change. 2015. No. 35. P. 237.

³ См.: *Schwartz V. Handbook of Identity Theory and Research / V. Schwartz, Vivian L. Vignoles, Koen Luyckx. New York, 2011.*

⁴ См.: *Ohlagaray R. M. Identity Theory and Conflict // Universidad Europea del Atlántico (Spain). 2020. Vol. 2, issue 2. P. 230.*

⁵ См.: *Yilmaz M. E. Social Identity and Social Conflicts // Turkish Journal of Tesam Academy. July 2014. No. 1(2). P. 137.*

⁶ См.: *Лискунова А. С. Честь и достоинство как аксиологические категории // Фило-софские науки. 2016. № 3. С. 8.*

Анри Тайфель

ции по групповому признаку. Американские исследователи Ч. Х. Колей⁷ и Г. Х. Мид определяют, что «самость» – постоянный синтез (внутреннего) самосознания⁸.

Стоит привести вывод М. Хайдеггера⁹, который указывал, что под «личной самостью» стоит понимать оценку самого себя со стороны, способствующую самостоятельному осмыслению своего поведения, уяснению своей значимости в обществе.

В сущности, теория социальной идентичности Анри Тайфеля обеспечивает теоретическую основу для понимания того, как люди «классифицируют себя и других на свои и чужие» социальные группы, что приводит к развитию предубеждений и предпочтений. Указанная предвзятость может

проявляться в различных формах, таких как стереотипы, предрассудки и дискриминационное поведение.

Существует множество примеров из практики, иллюстрирующих влияние социальной идентичности на групповую динамику и поведение людей. В частности, исторические события, обусловленные этническими или религиозными различиями (геноцид армян, геноцид тутси в Руанде и др.), различиями по состоянию здоровья граждан (стерилизация более 300 000, насильственные убийства более 200 000 людей с физическими и(или) психическими недостатками во время нацистского режима в целях создания «биологически полноценной и превосходящей расы»)¹⁰. Указанные примеры являются яркими событиями того, как социальная идентичность может обострить напряжение и привести к насильственным последствиям. Фактически история доказывает, что идентификация себя по соответствующим признакам и разделение на социальные группы может способствовать формированию негативного менталитета «мы против них», отличающегося враждебностью.

⁷ См.: Cooley C. H. *Social Organizations : a Study of the Larger Mind*. New York, 1962.

⁸ См.: Mead G. H. *Mind, Self and Society From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, 1974.

⁹ См.: Тюгашев И. А. Философия Хайдеггера на материале: «что значит мыслить?» // *Academy*. 2018. № 36. С. 35.

¹⁰ См.: Pol Pot's Dangerous Regime: a Human Rights Disaster // *Youth Ki Awaaz*. *Globe Scope*. 2020. No. 12. P. 10.

На установление групповой динамики существенно влияет социальная идентичность, поскольку люди склонны отдавать предпочтение членам «своей» группы и идентифицировать себя с ними, одновременно развивая и распространяя предубеждения против членов «чужой» группы, что формирует социальный конфликт и ограничение в правовом статусе (сложность трудоустроиться, получать достойную заработную плату, социальные, юридические и образовательные услуги и проч.).

В частности, правовое положение людей с инвалидностью сегодня составляет особую проблематику по причине дискриминации граждан как «неполноценных» и «ненужных» в обществе, что в корне противоречит конституционным и гуманистическим началам законодательства. При этом исторически вы можете проследить распространение заблуждений о причине инвалидности как результат культурных или религиозных убеждений (проступки предков, родителей; влияние сверхъестественных сил; колдовство; наказание Бога за греховное деяние). В древних индийских и азиатских общинах людей с инвалидностью оставляли умирать, чтобы сформировать сильное общество. В Средние века в западном мире, где дискриминационные предрассудки доминировали, инвалиды подвергались пыткам или изгнаниям, они заключались в монастыри или эксплуатировались как объект насмешек дворцовой элиты.

В частности, даже сегодня на территории Восточной Африки (Гвинея, Нигерия, Сьерра-Леоне, Того и Непал) можно обнаружить преобладание традиционных убеждений о причинах инвалидности. Пугает то, что традиционные убеждения приводят не только к дискриминационному отношению (неприятию, остракизму), но и к насильственному «излечению» (сохранились практики насильственного проглатывания загрязненной воды и отравляющих веществ для лечения детей от эпилепсии). В некоторых городских районах Африки горожане, практикующие «колдовство» или «магию», могут жестоко обращаться и (или) наносить увечья инвалиду с целью получения частей тела для осуществления ритуалов или обрядов с обещанием помочь трудоспособным гражданам достичь социальных успехов¹¹.

При этом во многих демократических зарубежных странах очень низкий уровень толерантности к инвалидам. Как верно подчеркивают американские активисты, борющиеся за права граждан с инвалидностью, «общество делает нас беспомощными и ненужными из-за своих предрассудков»¹², следовательно, социальный конфликт детерминирован окружающей средой. Например: в образовательных и специа-

¹¹ См.: Rohwerder B. Disability stigma in the Disability Inclusive Development (DID) programme countries : an overview of the evidence // Institute of Development Studies. 2023. P. 12.

¹² Cooley C. H. Op. cit.

лизируемых учреждениях дети с особенностями развития в два раза чаще подвергаются регулярным издевательствам и насилию. Мужчины с инвалидностью часто высмеиваются в обществе, при этом женщины с инвалидностью в два раза чаще подвергаются маргинализации, предвзятому осуждению и сексуальному насилию. В Англии с 2017 по 2019 г. только 6 % людей с инвалидностью имели оплачиваемую работу по сравнению с 76 % трудоспособных граждан¹³.

В США в 2020 г. было зарегистрировано 24 324 жалобы на дискриминацию в отношении людей с инвалидностью в сфере занятости, образования, получения социальных благ и проч. По учетным данным Австралийской комиссии по правам человека, дискриминация по признаку инвалидности среди гражданского населения имеет наибольший показатель. Так, за 2020–2021 гг. он составил 52,5 %, за 2022–2023 гг. – 46,4 % пострадавших¹⁴.

При этом стоит обратить внимание, что только четверть граждан с инвалидностью сообщают о фактах давления и исключения по причине состояния здоровья¹⁵.

По мнению Тайфеля, потребность в завышенной самооценке приводит к повышению социального и правового статуса собственной группы, потенциально обесценивая другие группы и меньшинства. Это тонкое взаимодействие «нас» и «их» составляет фундамент межгрупповых конфликтов.

Процесс социальной идентификации проходит в три основных этапа: общее социальное сравнение, социальное определение (личная «самость» человека) и социальная категоризация. На первом этапе детерминируется положение людей по их положению, состоянию здоровья, социальному статусу, месту работы и иным признакам в социальной группе, а не по их индивидуальным характеристикам и заслугам. Сосредотачивается внимание на общих сходствах и различиях между людьми. На втором этапе человек соотносит себя с социальной группой на основании признаков, принципов и норм, что обязывает соблюдать правила поведения и определенную концепцию. На третьем этапе социальная категоризация составляет отождествление себя с другими группами с позиции

¹³ См.: Powell A. Disabled people in employment. URL: <https://tide.theimi.org.uk/sites/default/files/202210/2020%20Hse%20of%20Commons%20report%20-%20Disabled%20People%20In%20employment.pdf> (date of access: 08.03.2024).

¹⁴ См.: Australian institute of health and welfare: official website. URL: <https://www.aihw.gov.au/reports/disability/people-with-disability-in-australia/contents/justice-and-safety/disability-discrimination> (date of access: 10.03.2024).

¹⁵ См. подробнее: Nosyreva A. E. «Ableism» as a form of social discrimination against people with disabilities // International Conference Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (July 12, 2023. Beijing, PRC). Scientific publishing house Infinity. 2023. P. 80. DOI: <https://doi.org/10.34660/INF.2023.37.69.093>

конкуренции в целях понимания социальной ценности «своей» личности и (или) группы. На этой стадии «своя» социальная группа воспринимается в преобладающем положении по сравнению с другими группами.

Именно на третьей стадии может формироваться как положительное проявление социальной жизни (поддержание социальной ценности каждого человека, инклюзия, толерантность), так и негативное: внутригрупповой фаворитизм (предпочтение личности или членов «своей» социальной группы), социальный конфликт (негативное отстранение, насильственное физическое или психическое поведение по отношению к личности или членам «чужой» группы), стигматизация (необоснованное навешивание ярлыков «неполноценности») и дискриминация (нездоровая идеология исключения или несправедливого, неоправданного отношения к членам «чужой» группы).

В сущности, положительное проявление опосредовано развитым плюрализмом, интеграцией ценностей, гражданской активностью, что заложено в современную концепцию правового государства. При этом негативное проявление обусловлено лидерством деструктивных идеологий и позиций (например: культивирование идеи превосходства, пропаганда евгенистической идеологии¹⁶ и проч.), социальными установками и государственной политикой, приводящей к необоснованной маргинализации инвалидов.

Стигматизированная идентичность личности или социальной группы может приводить к межгрупповым конфликтам, разрушению демократических принципов и ограничению граждан в реализации своих прав и основных свобод, дополненным социальной изоляцией, с чем повсеместно сталкиваются люди с инвалидностью (в том числе дети с инвалидностью).

В последующем особое внимание проблеме формирования конфликтной обстановки, опосредованной социальной идентичностью, уделил психолог и научный сотрудник Австралийского исследовательского совета Джон Чарльз Тернер (1947–2011). Его работы вносят уникальный вклад в рассмотрение межгрупповых и межличностных конфликтов. В частности, он затрагивает вопросы природы социальной власти.

Наиболее важный аспект его теории: социальная идентичность – это то, что позволяет групповому поведению существовать и координировать отношения членов общества.

Идентичность, согласно его исследованиям, стоит рассматривать с позиции чувства «целостности» статуса личности, обеспечивающегося правом и социальной жизнью. При этом социальная идентичность по приро-

¹⁶ См.: Носырева А. Е. Евгеника – антиобщественная идеология исключения граждан с инвалидностью // *Философско-правовые аспекты опасности антиобщественных идеологий* : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2023. С. 229.

Джон Чарльз Тернер

де изменчива, т.е. имеет динамичный характер в зависимости от экономической, правовой, политической, информационной сферы.

Научный труд «Стереотипы и социальная реальность» 1994 г., написанный Д. Ч. Тернером совместно с Пенни Оукс и Алексом Хасламом, раскрывает вывод о том, что наши стереотипы о себе, о других членах общества (их правовом статусе) отражают правовую культуру и политику государства, которая меняется по мере изменения социальной реальности¹⁷.

Связь между социальной идентичностью и межгрупповыми конфликтами отражается в негативных явлениях: внутригрупповом фаворитизме, тенденции отдавать предпочтение своей группе перед другими, что может

приводить к дискриминационной практике, неравномерному распределению ресурсов и оправданию вредных действий против членов чужой группы¹⁸.

В свою очередь, положительная социальная идентичность может быть важнейшим стимулом для становления принципов социальной солидарности и сплоченности. Такая сплоченность может способствовать развитию коллективных ценностей и целей, а следовательно, создавать для нуждающегося населения необходимую свободу и мобильность в общественной жизни (актуализация механизма юридической защиты инвалидов; законодательные корректировки, дотации; организация социальных проектов, спортивных соревнований среди инвалидов и т.д.).

Социальная мобильность для людей с инвалидностью может стать необходимым стимулом для реализации правового положения, обеспечить достоинство личности и защитить личную идентичность от стигматизации. Успешная социальная мобильность позволяет получить доступ к важнейшим ресурсам, благам и возможностям, тем самым компенсируя ограничения жизнедеятельности и негативные стереотипы в отношении людей с особыми потребностями.

В частности, Конвенция о правах инвалидов 2006 г. провозглашает, что люди с инвалидностью пользуются всеми правами человека и участ-

¹⁷ См.: Mead G. H. Op. cit. 105 p.

¹⁸ См.: Nosyreva A. E. Op. cit.

вуют в общественной, экономической и социальной жизни. Конвенция включает неисчерпывающий перечень прав и основных свобод человека: вести независимый образ жизни, обрести собственную семью, получить возможность трудоустроиться и получать достойную заработную плату, иметь гарантии на социальную и юридическую защиту (в том числе: от множественной дискриминации, насилия, эксплуатации или злоупотреблений), доступ к образованию, участвовать в общественной и культурной жизни и многое другое.

Таким образом, актуализация проблем инвалидности на международном уровне послужила катализатором для выработки национальных гарантий по удовлетворению потребностей и защите людей с инвалидностью по всему миру. Вместе с тем, несмотря на множество международных принципов и национальных правовых актов, конфликт социальной идентификации правового статуса инвалидов, изоляция и дискриминация остаются одной из важнейших глобальных проблем в области прав человека. С целью обеспечения благополучия всех членов общества, поддержания демократических устоев и конституционализма в стране считаю необходимым внести национальные корректировки и разрабатывать политические, социальные программы в борьбе с негативными явлениями, с которыми повсеместно сталкиваются люди с инвалидностью. В частности, особое внимание стоит уделить правовому воспитанию общества через информационные источники, что может предупредить и снизить распространение дискриминационных убеждений. Продвижение социальной солидарности и социальной идентичности каждого гражданина, обладающего чувством собственного достоинства, может благоприятно повлиять на становление индивидуальной идентичности, межгрупповое взаимодействие и правовую культуру страны.

Библиографический список

Козлова И. В. Развитие взглядов в истории о достоинстве человека / И. В. Козлова // Молодой ученый. – 2016. – № 28. – С. 1050–1053.

Лискунова А. С. Честь и достоинство как аксиологические категории / А. С. Лискунова // Философские науки. – 2016. – № 3. – С. 8–17.

Носырева А. Е. Евгеника – антиобщественная идеология исключения граждан с инвалидностью / А. Е. Носырева // Философско-правовые аспекты опасности антиобщественных идеологий : материалы международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 20 декабря 2022 г. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2023. – С. 229–245.

Тюгашев И. А. Философия Хайдеггера на материале: «что значит мыслить?» / И. А. Тюгашев // Academy. – 2018. – № 36. – С. 30–42.

Colvin R. M. The social identity approach to understanding socio-political conflict in environmental and natural resources management / R. M. Colvin, G. Bradd Witt [et al.] // Global Environmental Change. – 2015. – No. 35. – Pp. 237–246.

Cooley C. H. Social Organizations : a Study of the Larger Mind / Charles Horton Cooley. – New York : Schocken, 1962. – 320 p.

Mead G. H. Mind, Self and Society From the Standpoint of a Social Behaviorist / George Herbert Mead. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – 400 p.

Nosyreva A. E. «Ableism» as a form of social discrimination against people with disabilities / A. E. Nosyreva // International Conference Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (July 12, 2023. Beijing, PRC). Scientific publishing house Infinity. – 2023. – Pp. 78–83.

Ohlagaray R. M. Identity Theory and Conflict / R. M. Ohlagaray // Universidad Europea del Atlántico (Spain). – 2020. – Vol. 2, issue 2. – Pp. 230–232.

Powell A. Disabled people in employment / A. Powell. – URL: <https://tide.theimi.org.uk/sites/default/files/2022-10/2020%20Hse%20of%20Commons%20report%20-%20Disabled%20People%20In%20employment.pdf> (date of access: 08.03.2024).

Rohwerder B. Disability stigma in the Disability Inclusive Development (DID) programme countries : an overview of the evidence / B. Rohwerder // Institute of Development Studies. – 2023. – Pp. 10–21.

Schwartz V. Handbook of Identity Theory and Research / V. Schwartz, Vivian L. Vignoles, Koen Luyckx. – New York : Springer New York, 2011. – 435 p.

Yilmaz M. E. Social Identity and Social Conflicts / M. E. Yilmaz // Turkish Journal of TESAM Academy. – 2014. – No. 1(2). – Pp. 137–151.

References

Colvin R. M. The social identity approach to understanding socio-political conflict in environmental and natural resources management / R. M. Colvin, G. Bradd Witt [et al.] // Global Environmental Change. – 2015. – No. 35. – Pp. 237–246. [In Engl.]

Cooley C. H. Social Organizations : a Study of the Larger Mind / Charles Horton Cooley. – New York : Schocken, 1962. – 320 p. [In Engl.]

Kozlova I. V. Development of views on human dignity in history / I. V. Kozlova // Young scientist. – 2016. – No. 28. – Pp. 1050–1053.

Liskunova A. S. Honor and dignity as axiological categories / A. S. Liskunova // Philosophical sciences. – 2016. – No. 3. – Pp. 8–17.

Mead G. H. Mind, Self and Society From the Standpoint of a Social Behaviorist / George Herbert Mead. – Chicago : University of Chicago Press, 1974. – 400 p. [In Engl.]

Nosyreva A. E. «Ableism» as a form of social discrimination against people with disabilities / A. E. Nosyreva // International Conference Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (July 12, 2023. Beijing, PRC). Scientific publishing house Infinity. – 2023. – Pp. 78–83. [In Engl.]

Nosyreva A. E. Eugenics – an antisocial ideology of exclusion of citizens with disabilities / A. E. Nosyreva // Philosophical and legal aspects of the danger of anti-social ideologies : materials of the international scientific and practical conference. Ekaterinburg, December 20, 2022. – Ekaterinburg : Ural State Law University, 2023. – Pp. 229–245.

Ohlagaray R. M. Identity Theory and Conflict / R. M. Ohlagaray // Universidad Europea del Atlántico (Spain). – 2020. – Vol. 2, issue 2. – Pp. 230–232. [In Engl.]

Powell A. Disabled people in employment / A. Powell. – URL: <https://tide.theimi.org.uk/sites/default/files/2022-10/2020%20Hse%20of%20Commons%20report%20>

-%20Disabled%20People%20In%20employment.pdf (date of access: 08.03.2024). [In Engl.]

Rohwerder B. Disability stigma in the Disability Inclusive Development (DID) programme countries : an overview of the evidence / B. Rohwerder // Institute of Development Studies. – 2023. – Pp. 10–21. [In Engl.]

Schwartz V. Handbook of Identity Theory and Research / V. Schwartz, Vivian L. Vignoles, Koen Luyckx. – New York : Springer New York, 2011. – 435 p. [In Engl.]

Tyugashev I. A. Heidegger's Philosophy Based on the Material: "What Does It Mean to Think?" / I. A. Tyugashev // Academy. – 2018. – No. 36. – Pp. 30–42.

Yilmaz M. E. Social Identity and Social Conflicts / M. E. Yilmaz // Turkish Journal of TESAM Academy. – 2014. – No. 1(2). – Pp. 137–151. [In Engl.]

Для цитирования:

Носырева А. Е. Конфликт социальной идентичности людей с инвалидностью // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 88–97.

Recommended citation:

Nosyreva A. E. Social identity conflict of people with disabilities // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 88–97.

Сведения об авторе

Носырева Алена Евгеньевна – ассистент кафедры теории и истории государства и права Кемеровского государственного университета, адвокат Некоммерческой Организации «Коллегия адвокатов» № 64 Яйского района Кемеровской области

E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru

Information about author

Nosyreva Alena Yevgenievna – Assistant of the Department of Theory and History of State and Law Department of Kemerovo State University, Advocate of Nonprofit Organization «College of advocates» № 64 of Yaysky District in Kemerovo region

E-mail: alyona.nosyreva.1996@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 347.952 (476)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧАСТИ ПРИНЯТИЯ СУДАМИ МЕР ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. П. Скобелев

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 21 октября 2024 г.

Аннотация: отмечается, что процедура принятия судами мер по обеспечению исполнения исполнительных документов страдает рядом недостатков, которые не были устранены в результате последних корректировок процессуального законодательства и недостаточно освещаются в научной литературе. Обосновано, что требуется усовершенствовать регулирование самого порядка рассмотрения судами вопросов принятия, замены, приостановления и отмены обеспечительных мер, а именно уточнить, в какой процессуальной форме должны рассматриваться данные вопросы (с проведением судебного заседания или без), с участием каких субъектов и т.д. Результаты исследования могут быть использованы в научной, преподавательской, нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: исполнительное производство, суд, судебный исполнитель, взыскатель, должник, исполнительный документ, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS IN TERMS OF ADOPTION BY COURTS OF MEASURES TO ENSURE EXECUTION OF THE ENFORCEMENT DOCUMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. P. Skobelev

Belarusian State University

Abstract: it is noted that the procedure for courts to take measures to ensure the execution of executive documents suffers from a number of shortcomings that have not been eliminated as a result of recent adjustments to procedural

© Скобелев В. П., 2024

legislation and which are not sufficiently covered in the scientific literature. It is also substantiated that it is necessary to improve the regulation of the procedure for the courts to consider issues of adoption, replacement, suspension and cancellation of interim measures, namely, to clarify in what procedural form these issues should be considered (with or without a court hearing), with the participation of which entities, etc. The results of the study can be used in scientific, teaching, rule-making and law enforcement activities.

Key words: enforcement proceedings, court, bailiff, recoverer, debtor, executive document, measures to ensure the execution of the enforcement document.

Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП), Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК) наделяют суды общей юрисдикции полномочиями на принятие следующих мер по обеспечению исполнения исполнительного документа:

– временное ограничение права должника, являющегося гражданином или индивидуальным предпринимателем, должностного лица юридического лица, являющегося должником, на выезд из Республики Беларусь (абз. 8 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, п. 1 ч. 1 ст. 469 ГПК, п. 1 ч. 1 ст. 334 ХПК);

– временное ограничение должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в посещении игорных заведений, виртуальных игорных заведений и участия в азартных играх (абз. 10 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП, п. 2 ч. 1 ст. 469 ГПК, п. 2 ч. 1 ст. 334 ХПК).

Вместе с тем правовое регулирование отмеченных вопросов страдает рядом изъянов, так как не регламентированы многие существенные нюансы самой процедуры рассмотрения судами указанных вопросов. При этом Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 90-З «Об изменении законов по вопросам исполнительного производства» (далее – Закон № 90-З), которым были внесены корректировки в том числе в ГПК и ХПК, соответствующих проблем практически не решил. В белорусской же литературе¹ данной проблематике должного внимания не уделено,

¹ См.: Авласович Р. А. Исполнительное производство до и после 15.07.2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Беларусь. Минск, 2024; Бородулин А. А. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: новеллы законодательства и особенности правоприменения // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. 2017. № 8; Жданов В. Исполнительное производство: грядут масштабные изменения // Юридический мир. 2021. № 5; Исполнительное производство: проблемы правового регулирования: монография / Т. С. Таранова [и др.]; редкол.: Т. С. Таранова, Д. В. Гапоненко. Минск, 2022; Лецишина Е. С. Эффективность принимаемых мер по обеспечению исполнительных документов // Юстиция Беларуси. 2024. № 7; Проблемы правового регулирования и совершенствование законодательства в сфере исполнительного производства: монография / Т. С. Таранова [и др.]; редкол.: Т. С. Таранова, Д. В. Га-

хотя принятие Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), которым с 1 января 2026 г. будут заменены ГПК и ХПК, придает обозначенной теме особую актуальность.

1. Как видно из ч. 2 ст. 469 ГПК, заявление (представление) о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа должно рассматриваться судом «с извещением сторон исполнительного производства о времени и месте судебного заседания». Об этом же говорится и в ч. 2 ст. 334 ХПК (единственно, стоит заметить, что в ч. 2 ст. 334 ХПК после слов «с извещением сторон исполнительного производства» употреблена совершенно лишняя запятая). Однако такой подход игнорирует тот факт, что обеспечительная мера, предусмотренная п. 1 ч. 1 ст. 469 и п. 1 ч. 1 ст. 334 ХПК, может применяться в отношении должностного лица юридического лица-должника, которому (должностному лицу) поэтому тоже необходимо предоставить возможность принять участие в рассмотрении вопроса о применении в отношении его меры по обеспечению исполнения исполнительного документа. Отрадно заметить, что указанный недочет был исправлен в ч. 2 ст. 490 КГС, где говорится, что заявление (представление) о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа рассматривается «с извещением сторон исполнительного производства, должностного лица юридического лица, являющегося должником, в отношении которого подано заявление или представление о времени и месте судебного заседания».

Правда, один момент все-таки оказался упущен и в ч. 2 ст. 490 КГС. Мы имеем в виду необходимость извещения и последующего участия в судебном заседании, посвященном рассмотрению вопроса о принятии обеспечительной меры, судебного исполнителя, в производстве которого находится соответствующий исполнительный документ. Причем необходимость в этом, на наш взгляд, возникает не только в том случае, когда вопрос о принятии обеспечительной меры ставится самим судебным исполнителем в его представлении в суд (в этом случае участие в судебном заседании позволит судебному исполнителю отстоять собственную позицию по вопросу принятия обеспечительной меры), но и тогда, когда о принятии обеспечительной меры заявлено взыскателем (в такой ситуации участие в судебном заседании судебного исполнителя как лица, обладающего всей полнотой информации по исполнительному производству, способствует достоверному выяснению того, действительно ли в наличии имеются основания для принятия меры по обеспечению исполнения исполнительного документа). Отсутствие в ч. 2 ст. 490 КГС упоминания о судебном исполнителе представляется тем более стран-

поненко. Минск, 2023 ; *Таранова Т.С.* Исполнительные действия, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа и меры принудительного исполнения: к вопросу о правовой регламентации понятий // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2022. Вып. 7.

ным, что ч. 7 ст. 490 КГС прямо говорит про возможность участия судебного исполнителя в рассмотрении судом вопросов о замене, приостановлении и отмене обеспечительной меры.

2. Некоторых замечаний заслуживают положения ч. 3 ст. 469 ГПК, ч. 3 ст. 334 ХПК и ч. 3 ст. 490 КГС, которые имеют идентичное содержание во всех трех кодексах. Во-первых, приведенные нормы не устанавливают срок, в течение которого копии определения суда должны направляться соответствующим субъектам. Во-вторых, из буквального смысла ч. 3 ст. 469 ГПК, ч. 3 ст. 334 ХПК и ч. 3 ст. 490 КГС вытекает, что другим лицам, на которых возложена обязанность исполнения соответствующих мер по обеспечению исполнения исполнительного документа, подлежат направлению копии абсолютно любого определения суда, вынесенного по результатам рассмотрения заявления (представления) о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа. Однако по результатам рассмотрения заявления (представления) суд может вынести определение и об отказе в принятии обеспечительных мер, копии которого направлять названным лицам никакого смысла не имеет. В-третьих, другим лицам, на которых возложена обязанность исполнения соответствующих мер по обеспечению исполнения исполнительного документа, копию определения суда о принятии обеспечительных мер целесообразно направлять только после вступления этого определения в законную силу. В-четвертых, не предусмотрено направление копии определения суда о принятии меры по обеспечению исполнения исполнительного документа должностному лицу юридического лица-должника, в отношении которого эта мера принята.

С учетом сказанного можно предложить такую новую редакцию ч. 3 ст. 469 ГПК, ч. 3 ст. 334 ХПК и ч. 3 ст. 490 КГС: «По результатам рассмотрения заявления (представления) о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа суд выносит определение, копии которого в трехдневный срок направляются сторонам исполнительного производства, судебному исполнителю, а также должностному лицу юридического лица, являющегося должником, если в отношении данного должностного лица принята мера по обеспечению исполнения исполнительного документа. После вступления определения о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа в законную силу его копии подлежат направлению лицам, на которых возложена обязанность исполнения соответствующих мер по обеспечению исполнения исполнительного документа».

3. Согласно ч. 4 ст. 469 ГПК «определение суда о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа подлежит исполнению с момента извещения должника». Такая же норма содержится и в ч. 4 ст. 334 ХПК. Правило ч. 4 ст. 469 ГПК и ч. 4 ст. 334 ХПК вызывает возражения по ряду причин. В-первых, мера по обеспечению исполнения ис-

полнительного документа (в частности, предусмотренная п. 1 ч. 1 ст. 469 ГПК и п. 1 ч. 1 ст. 334 ХПК) может быть принята в отношении не должника, а должностного лица юридического лица-должника, в связи с чем возникает вопрос, с какого момента в таком случае подлежит исполнению определение суда о принятии обеспечительной меры.

Во-вторых, положения ч. 4 ст. 469 ГПК, ч. 4 ст. 334 ХПК фактически санкционируют возможность исполнения определения суда о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа до вступления его в законную силу. Ведь данное определение суда вступает в законную силу по истечении срока на его апелляционное обжалование (опротестование), а в случае апелляционного обжалования (опротестования) – по оставлении апелляционной инстанцией определения без изменения, между тем момент извещения должника о принятой обеспечительной мере (т.е. момент, с которого может исполняться соответствующее определение суда) наступает гораздо раньше, так как копия определения подлежит направлению должнику после его вынесения. Насколько целесообразно начинать исполнение определения, если судом второй инстанции оно может быть отменено?

В-третьих, идея о том, чтобы связывать начало действия меры по обеспечению исполнения исполнительного документа с моментом извещения должника о применении в отношении его данной меры, вызывает возражения сама по себе, на что мы уже обращали внимание применительно к норме ч. 4 ст. 61 Закона об ИП, которая позволяет исполнять постановление судебного исполнителя о применении обеспечительных мер, предусмотренных абз. 9 ч. 4 ст. 60 Закона об ИП (временное ограничение права должника на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами и права на охоту), только со дня надлежащего извещения должника². Более того, правило ч. 4 ст. 334 ХПК противоречит предписанию абз. 8 ч. 1 ст. 205 ХПК, которое гласит, что определения по вопросам обеспечения исполнения исполнительных документов подлежат немедленному исполнению (а не исполнению с момента извещения должника).

В связи с этим любопытно отметить, что в ст. 490 КГС нет нормы, аналогичной закрепленной в ч. 4 ст. 469 ГПК и ч. 4 ст. 334 ХПК. Правда, это не означает, что определение суда о принятии обеспечительных мер не будет подлежать исполнению до вступления его в законную силу: п. 1 ст. 319 КГС содержит общее правило (заимствованное из абз. 8 ч. 1 ст. 205 ХПК) о том, что немедленному исполнению подлежат определения по вопросам обеспечения исполнения исполнительных документов. Просто ис-

² См.: Скобелев В. П. Принятие обеспечительных мер судебным исполнителем: еще раз о проблемных вопросах // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. 2024. Т. 14, № 1. С. 52.

полняться такое определение будет сразу после его вынесения, а не с момента, когда его копию получит должник.

4. Следующий блок проблем касается процедурных моментов замены, приостановления и отмены обеспечительных мер судом. Во-первых, ч. 5–7 ст. 469 ГПК, ч. 5–7 ст. 334 ХПК не упоминают среди субъектов, которые вправе инициировать рассмотрение судом названных вопросов, должностное лицо юридического лица-должника, хотя если обеспечительная мера, оговоренная в п. 1 ч. 1 ст. 469 ГПК и п. 1 ч. 1 ст. 334 ХПК, принята в отношении такого должностного лица, оно может иметь самую непосредственную заинтересованность в том, чтобы данная обеспечительная мера была заменена, приостановлена или отменена. Примечательно, что ч. 5 ст. 490 КГС все-таки называет должностное лицо юридического лица-должника среди субъектов, которые могут подать суду заявление о приостановлении исполнения обеспечительной меры, однако в числе субъектов подачи заявления об изменении и об отмене обеспечительной меры данное должностное лицо в ч. 4, 6 КГС (подобно ч. 5, 7 ст. 469 ГПК и ч. 5, 7 ст. 334 ХПК) не упомянуто.

Во-вторых, в ч. 5, 6 ст. 469 ГПК, ч. 5, 6 ст. 334 ХПК и ч. 4, 5 ст. 490 КГС не регламентирован срок, в течение которого судом должен быть рассмотрен поставленный перед ним вопрос о замене или о приостановлении меры по обеспечению исполнения исполнительного документа. Хотя применительно к отмене обеспечительных мер данный момент регламентацию получил: согласно ч. 7 ст. 469 ГПК, ч. 7 ст. 334 ХПК, ч. 6 ст. 490 КГС вопрос об отмене мер по обеспечению исполнения исполнительного документа подлежит рассмотрению судом не позднее трех календарных дней после поступления заявления (представления).

В-третьих, в ст. 469 ГПК и ст. 334 ХПК нет ни слова о том, в какой процессуальной форме (путем проведения судебного заседания или без него) и с участием каких субъектов (сторон исполнительного производства и т.д.) суд должен рассматривать и разрешать вопросы о замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер. Предписания на данный счет можно найти только в ч. 7 ст. 490 КГС: «При рассмотрении вопросов, указанных в частях 4–6 настоящей статьи, стороны исполнительного производства, судебный исполнитель вызываются в судебное заседание в случаях, когда суд признает это необходимым». Безусловно, появление нормы ч. 7 ст. 490 КГС стоит только приветствовать, однако и эта норма не идеальна. Например, нам представляется, что стороны и судебный исполнитель должны во всех случаях извещаться о рассмотрении судом упомянутых вопросов, а не только «в случаях, когда суд признает это необходимым». Кроме того, в ч. 7 ст. 490 КГС «забыли» упомянуть такого субъекта, как должностное лицо юридического лица, в отношении которого принята мера по обеспечению исполнения исполнительного документа.

В-четвертых, ч. 5-7 ст. 469 ГПК, ч. 5-7 ст. 334 ХПК, ч. 4-6 ст. 490 КГС не содержат прямых указаний о том, какое судебное постановление должно выноситься судом по итогам рассмотрения соответствующих вопросов (только исходя из толкования ч. 8, 9 ст. 469 ГПК, ч. 8, 9 ст. 334 ХПК, ч. 8 ст. 490 КГС можно прийти к выводу о том, что таким судебным постановлением должно являться определение суда) и каким субъектам следует направлять копии этого судебного постановления (по логике вещей, тем же субъектам, которым подлежит направлению и определение о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа).

5. Закон № 90-3 усилил гарантии судебной защиты для заинтересованных лиц за счет расширения предмета для обжалования (опротестования) в апелляционном порядке. Если ранее ч. 8 ст. 469 ГПК, ч. 8 ст. 334 ХПК позволяли обжаловать (опротестовывать) только те определения суда, которыми положительно решался поставленный перед судом вопрос (т.е. определения о принятии, замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер), то теперь – абсолютно любые вынесенные судом определения (поскольку предмет для обжалования (опротестования) сформулирован как «определения суда по вопросам обеспечения исполнения исполнительного документа»). Такой же подход получил отражение и в первом предложении ч. 8 ст. 490 КГС.

Отдельно стоит обратить внимание на норму ч. 9 ст. 469 ГПК, ч. 9 ст. 334 ХПК и второго предложения ч. 8 ст. 490 КГС о том, что обжалование (опротестование) в апелляционном порядке определений суда, указанных соответственно в ч. 8 ст. 469 ГПК, ч. 8 ст. 334 ХПК и первом предложении ч. 8 ст. 490 КГС, не приостанавливает исполнения этих определений (попутно заметим существенную неточность, допущенную во втором предложении ч. 8 ст. 490 КГС, где говорится о принесении на соответствующие определения апелляционного протеста, в то время как на определения приносится только частный протест). Во-первых, приведенное правило актуально только для тех судебных определений, которыми удовлетворяются требования о принятии, замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер (подобное несоответствие возникло потому, что Закон № 90-3, расширяя круг подлежащих обжалованию (опротестованию) определений в ч. 8 ст. 469 ГПК и ч. 8 ст. 334 ХПК, в то же время «забыл» сузить сферу применения правила ч. 9 ст. 469 ГПК и ч. 9 ст. 334 ХПК, а затем по инерции это несоответствие перекочевало и в КГС). Во-вторых, существование анализируемого правила оправдано только в том случае, если определения о принятии, замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер подлежат немедленному исполнению. В ХПК (абз. 8 ч. 1 ст. 205) и КГС (п. 1 ст. 319) предписания о немедленном исполнении данных определений имеются, однако в ГПК их

нет. В ГПК можно найти указание лишь о том, что «определение суда о принятии мер по обеспечению исполнения исполнительного документа подлежит исполнению с момента извещения должника» (ч. 4 ст. 469).

Библиографический список

Авласович Р. А. Исполнительное производство до и после 15.07.2021 [Электронный ресурс] / Р. А. Авласович. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Беларусь. – Минск : ООО «ЮрСпектр», 2024 (дата обращения: 26.11.2024).

Бородулин А. А. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: новеллы законодательства и особенности правоприменения / А. А. Бородулин // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. – 2017. – № 8. – С. 41–50.

Жданов В. Исполнительное производство: грядут масштабные изменения / В. Жданов // Юридический мир. – 2021. – № 5. – С. 15–29.

Исполнительное производство: проблемы правового регулирования : монография / Т. С. Таранова [и др.] ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Т. С. Таранова, Д. В. Гапоненко. – Минск : Колорград, 2022. – 349 с.

Лецишина Е. С. Эффективность принимаемых мер по обеспечению исполнительных документов / Е. С. Лецишина // Юстиция Беларуси. – 2024. – № 7. – С. 64–68.

Проблемы правового регулирования и совершенствование законодательства в сфере исполнительного производства : монография / Т. С. Таранова [и др.] ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Т. С. Таранова, Д. В. Гапоненко. – Минск : Колорград, 2023. – 354 с.

Скобелев В. П. Принятие обеспечительных мер судебным исполнителем: еще раз о проблемных вопросах / В. П. Скобелев // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. – 2024. – Т. 14, № 1. – С. 52–62.

Таранова Т. С. Исполнительные действия, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа и меры принудительного исполнения: к вопросу о правовой регламентации понятий / Т. С. Таранова // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2022. – Вып. 7. – С. 322–331.

References

Avlasovich R. A. Enforcement proceedings before and after 07.15.2021 [Electronic resource] / R. A. Avlasovich. Access from ConsultantPlus. Belarus. – Minsk : ООО YurSpektr, 2024 (date of access: 26.11.2024).

Borodulin A. A. Measures to ensure the execution of an enforcement document: legislative innovations and law enforcement features / A. A. Borodulin // Judicial Bulletin Plus: economic justice. – 2017. – No. 8. – Pp. 41–50.

Enforcement proceedings: problems of legal regulation : monograph / T. S. Taranova [et al.] ; Nation. Center for Legislation and Legal Research of the Republic

of Belarus ; ed. board: T. S. Taranova, D. V. Gaponenko. – Minsk : Kolorgrad, 2022. – 349 p.

Leshchishina E. S. Efficiency of measures taken to ensure enforcement documents / E. S. Leshchishina // Justice of Belarus. – 2024. – No. 7. – Pp. 64–68.

Problems of legal regulation and improvement of legislation in the field of enforcement proceedings : monograph / T. S. Taranova [et al.] ; Nation. Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus ; ed. board: T. S. Taranova, D. V. Gaponenko. – Minsk : Kolorgrad, 2023. – 354 p.

Skobelev V. P. Adoption of interim measures by a bailiff: once again about problematic issues / V. P. Skobelev // Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4, Law. – 2024. – Vol. 14, No. 1. – Pp. 52–62.

Taranova T. S. Enforcement actions, measures to ensure the execution of an enforcement document and measures of compulsory execution: on the issue of legal regulation of concepts / T. S. Taranova // Problems of civil law and process : collection of scientific articles / Yanka Kupala State University of Grodno ; editorial board: I. E. Martynenko (editor-in-chief) [et al.]. – Grodno : Grodno State University, 2022. – Issue 7. – Pp. 322–331.

Zhdanov V. Enforcement proceedings: large-scale changes are coming / V. Zhdanov // Legal World. – 2021. – No. 5. – Pp. 15–29.

Для цитирования:

Скобелев В. П. Проблемы развития исполнительного производства в части принятия судами мер по обеспечению исполнения исполнительного документа в Республике Беларусь // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 98–106.

Recommended citation:

Skobelev V. P. Problems of development of enforcement proceedings in terms of adoption by courts of measures to ensure execution of the enforcement document in the Republic of Belarus // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 98–106.

Сведения об авторе

Скобелев Владимир Петрович – заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: s_v_p@tut.by

Information about author

Skobelev Vladimir Petrovich – Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Candidate of Law, Associate Professor

E-mail: s_v_p@tut.by

УДК 340

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ЕДИНСТВА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Е. А. Ларина

Юго-Западный государственный университет

Поступила в редакцию 1 декабря 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается значимость духовно-нравственных ценностей как ключевого фактора укрепления территориальной целостности и единства Российской Федерации в современных условиях. Акцентируется роль традиционных морально-этических принципов в консолидации общества и противодействии деструктивным влияниям, направленным на подрыв суверенитета и стабильности государства. Анализируются правовые аспекты обеспечения духовно-нравственной безопасности, необходимость совершенствования нормативно-правовой базы и укрепления конституционной законности. Подчеркивается, что только посредством комплексного правового подхода и повышения правовой культуры граждан возможно эффективное сохранение и развитие духовно-нравственных ценностей, что способствует устойчивому развитию и процветанию страны в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, территориальная целостность, единство России, конституционная законность, правовое обеспечение, правовая культура, национальная безопасность, государственная политика, традиционные ценности, консолидация общества.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS A FACTOR IN STRENGTHENING THE TERRITORIAL INTEGRITY AND UNITY OF RUSSIA

E. A. Larina

Southwestern State University

Abstract: the article examines the importance of spiritual and moral values as a key factor in strengthening the territorial integrity and unity of the Russian Federation in modern conditions. The role of traditional moral and ethical

© Ларина Е. А., 2024

principles in consolidating society and counteracting destructive influences aimed at undermining the sovereignty and stability of the state is emphasized. The legal aspects of ensuring spiritual and moral security, the need to improve the regulatory framework and strengthen constitutional legality are analyzed. It is emphasized that only through a comprehensive legal approach and increasing the legal culture of citizens is it possible to preserve and develop spiritual and moral values effectively, which contributes to the sustainable development and prosperity of the country in the face of global challenges.

Keywords: spiritual and moral values, territorial integrity, unity of Russia, constitutional legality, legal support, legal culture, national security, state policy, traditional values, consolidation of society.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также сохранение культурного и исторического наследия народа России провозглашены в качестве национальных интересов¹. В развитие положений данной Стратегии в конце 2022 г. Президент Российской Федерации утвердил Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что отражает приоритетность данной сферы в государственной политике.

В связи с этим возникает проблемное поле, заключающееся в комплексном и глубоком анализе правовых аспектов сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей в контексте обеспечения территориальной целостности и единства Российской Федерации. В современном мире, характеризующемся глобализацией, информационной экспансией и усилением геополитических вызовов, особую актуальность приобретает изучение механизмов правового регулирования, направленных на консолидацию общества вокруг традиционных ценностей и предотвращение деструктивных тенденций, способных подорвать единство страны².

Одной из ключевых проблем является отсутствие определения понятия «духовно-нравственная безопасность»³. Понятие национальной

¹ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351 (Часть II).

² См.: Дронова Н. А. Традиционные ценности в контексте духовно-нравственного воспитания молодежи // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. (Липецк, 24 апреля 2024 г.). Воронеж, 2024. С. 21.

³ См.: Русакова Н. Г., Федосеева О. И. Духовная безопасность и духовно-нравственные ценности как основа информационно-психологической безопасности // Совершенствование деятельности правоохранительных органов с учетом современных реалий (Казахстан, 15 ноября 2019 г.). АКТӘБЕ, 2019. С. 294.

безопасности сформулировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в обществе, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, а также социально-экономическое развитие страны (пп. 1 п. 5 Стратегии национальной безопасности).

Исходя из общего определения национальной безопасности, духовно-нравственную безопасность можно рассматривать как состояние защищенности духовно-нравственных ценностей общества от внешних и внутренних угроз. Это включает в себя защиту культурных, моральных и этических основ общества, которые являются фундаментальными для сохранения единства и целостности государства.

Структура духовно-нравственной безопасности представляет собой систему правовых и организационных механизмов, направленных на консолидацию общества вокруг традиционных духовно-нравственных ценностей. Она включает в себя нормативно-правовые акты конституционного и федерального уровня, регулирующие сферу культуры, образования, информации и религии, а также деятельность государственных институтов, ответственных за их реализацию и контроль. Ключевыми элементами данной структуры являются законодательные меры по защите культурного и исторического наследия, правовое обеспечение патриотического воспитания, нормативные акты по противодействию экстремизму и радикализму, способные подорвать единство и территориальную целостность государства.

Кроме того, структура духовно-нравственной безопасности включает механизмы правоприменения и правового регулирования, направленные на предотвращение деструктивных тенденций в обществе. Это выражается в деятельности правоохранительных органов, судебной системе, институтах гражданского общества и средствах массовой информации, которые совместно работают над укреплением духовно-нравственных основ государства.

Таким образом, структура духовно-нравственной безопасности функционирует как комплексная система, обеспечивающая правовую защиту и поддержание традиционных ценностей, что способствует укреплению единства Российской Федерации в современных условиях. Важным аспектом проблемного поля является исследование правовых основ сохранения и укрепления духовно-нравственных ценностей.

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, признает идеологическое многообразие, гарантирует права и свободы человека и гражданина. Одновременно с этим Консти-

туция устанавливает приоритет интересов государства в обеспечении его целостности и неделимости. Возникает необходимость определить, каким образом конституционные нормы обеспечивают баланс между защитой духовно-нравственных ценностей и соблюдением прав и свобод личности. Считаем, что этот баланс достигается путем реализации конституционной законности.

Термин «законность» имеет глубокие исторические корни, восходящие к античному периоду. В трудах мыслителей прошлого века формировалось понимание концепции законности. Так, римский оратор и философ Марк Туллий Цицерон отмечал: «Закон повелевает совершать то, что должно, и запрещает противоположное этому»⁴. Следует подчеркнуть, что законность представляет собой многогранное явление, и поэтому существует множество определений, раскрывающих различные ее аспекты. Прежде всего, рассмотрим содержание понятия законности.

Большинство ученых-правоведов сходятся во мнении, что содержание законности содержит три ключевых элемента.

Во-первых, это явления и процессы, соответствующие юридическим требованиям. Этот элемент отражает объективную сторону законности, связанную с фактическим соблюдением норм права в различных сферах общественной жизни⁵.

Во-вторых, второй элемент охватывает субъективную сторону законности, предполагая, что все субъекты правоотношений обязаны соблюдать действующие правовые предписания и имеют право требовать их соблюдения от других лиц. Здесь подчеркивается ответственность и обязанность участников правовых отношений действовать в соответствии с законом.

В-третьих, нормативная составляющая, представляющая собой совокупность правовых норм, подлежащих реализации. Этот элемент отражает систему действующего законодательства, которое устанавливает правила поведения и регулирует общественные отношения.

Обсуждая проблему законности, необходимо также обратить внимание на формы ее выражения. В юридической науке термин «законность» чаще всего интерпретируется через функциональные характеристики. Для раскрытия сущности данного феномена разработан комплексный подход, позволяющий охарактеризовать законность с трех позиций:

1) правовой метод. Ориентирует всех участников правовых отношений на строгое и неукоснительное соблюдение существующих правовых предписаний. Является универсальным, поскольку без законности основ-

⁴ Рудич А. П., Федосеева Е. В. Представления об идеальном государстве в трудах Марка Туллия Цицерона // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 12(64). С. 185.

⁵ См.: Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. М., 2024. С. 328.

ные принципы права не могут полноценно действовать. Обеспечивает единообразие в понимании и применении правовых норм;

2) метод государственного управления обществом. Подразумевает, что государство, посредством уполномоченных органов и должностных лиц, осуществляет свои функции исключительно правовыми средствами. Государственный аппарат основывает свою деятельность на действующем законодательстве. Законность выступает основным критерием оценки эффективности функционирования государственных институтов. Однако наличие качественного и развитого законодательства само по себе не гарантирует автоматического установления и укрепления законности; оно служит лишь фундаментом, на котором возможно построение института законности. Критически важно, чтобы законодательство применялось на практике и его нормы неукоснительно соблюдались. Иначе законность будет носить формальный, а не реальный характер;

3) режим жизни общества. Третий аспект законности отражает фактический уровень господства закона в общественной жизни. Это выражается в верховенстве Конституции в правовой системе и ее прямом действии, приоритете прав и свобод человека и гражданина, установлении баланса между интересами личности и государства, а также в правомерном поведении всех членов общества. Законность в этом контексте рассматривается как режим, обеспечивающий стабильность и порядок в социально-правовом пространстве.

Кроме того, законность обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, что является важнейшей ценностью в правовом государстве. Она гарантирует каждому возможность пользоваться своими правами и свободами, устанавливает механизмы их защиты и восстановления в случае нарушения. Это укрепляет доверие граждан к государству и правовой системе, способствует социальной стабильности и сплоченности общества.

Наконец, законность играет важную роль в предотвращении деструктивных тенденций, способных подорвать единство и моральные основы общества. Соблюдение Конституции препятствует распространению экстремистских и радикальных идеологий, регламентирует деятельность общественных объединений и политических партий, устанавливает пределы допустимого в реализации прав и свобод.

Таким образом, духовно-нравственные ценности играют ключевую роль в укреплении территориальной целостности и единства Российской Федерации в современных условиях. Они выступают фундаментом национальной идентичности, обеспечивая консолидацию общества на основе общих культурных, исторических и моральных ориентиров. Укрепление этих ценностей способствует формированию устойчивого гражданского общества, объединенного общим пониманием справедли-

ности, законности и ответственности перед государством и друг перед другом. В условиях глобализации и возрастающих внешних и внутренних вызовов, направленных на дезинтеграцию и подрыв суверенитета, духовно-нравственные ценности служат важнейшим инструментом противодействия деструктивным влияниям и сохранения единства правового пространства страны.

Правовое обеспечение сохранения и развития духовно-нравственных ценностей требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, укрепление конституционной законности и повышение уровня правовой культуры граждан. Реализация государственной политики в этой сфере должна основываться на принципах верховенства Конституции, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечения баланса между интересами личности, общества и государства. Только при условии последовательного и всестороннего правового регулирования духовно-нравственные ценности смогут эффективно способствовать укреплению территориальной целостности и единства России, обеспечивая ее стабильное развитие и процветание в современном мире.

Библиографический список

Дронова Н. А. Традиционные ценности в контексте духовно-нравственного воспитания молодежи / Н. А. Дронова // Духовно-нравственные ценности как основа технологического суверенитета России : материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции (Липецк, 24 апреля 2024 г.). – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2024. – С. 19–22.

Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 464 с.

Рудич А. П. Представления об идеальном государстве в трудах Марка Туллия Цицерона / А. П. Рудич, Е. В. Федосеева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 12(64). – С. 183–187.

Русакова Н. Г. Духовная безопасность и духовно-нравственные ценности как основа информационно-психологической безопасности / Н. Г. Русакова, О. И. Федосеева // Совершенствование деятельности правоохранительных органов с учетом современных реалий (Казахстан, 15 ноября 2019 г.). – АКТӨБЕ : Актюбинский юридический институт МВД Республики Казахстан имени М. Букенбаева, 2019. – С. 293–296.

References

Dronova N. A. Traditional values in the context of spiritual and moral education of youth / N. A. Dronova // Spiritual and moral values as the basis of technological sovereignty of Russia : materials of the XVIII All-Russian Scientific and practical conference (Lipetsk, April 24th, 2024). – Voronezh : Nauka-Unipress, 2024. – Pp. 19–22.

Morozova L. A. Theory of state and law : textbook / L. A. Morozova. – 6th ed., reprint. and additional. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2024. – 464 p.

Rudich A. P. Representations of the ideal state in the works of Marcus Tullius Cicero / A. P. Rudich, E. V. Fedoseeva // Skif. Questions of student science. – 2021. – No. 12(64). – Pp. 183–187.

Rusakova N. G. Spiritual security and spiritual and moral values as the basis of information and psychological security / N. G. Rusakova, O. I. Fedoseeva // Improving the activities of law enforcement agencies taking into account modern realities (Kazakhstan, November 15th, 2019). – АКТӨБЕ : Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbayev, 2019. – Pp. 293–296.

Для цитирования:

Ларина Е. А. Духовно-нравственные ценности как фактор укрепления территориальной целостности и единства России в современных условиях // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 107–113.

Recommended citation:

Larina E. A. Spiritual and moral values as a factor in strengthening the territorial integrity and unity of Russia // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 107–113.

Сведения об авторе

Ларина Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры административного и трудового права юридического факультета Юго-Западного государственного университета

E-mail: larinahelene83@gmail.com

Information about author

Larina Elena Anatolyevna – Senior Lecturer at the Department of Administrative and Labor Law, Faculty of Law, Southwestern State University

E-mail: larinahelene83@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СКРИНШОТА В КАЧЕСТВЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Д. Р. Зверев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 марта 2024 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются вопросы, возникающие при использовании участниками судебного процесса скриншота в качестве электронного доказательства. Дается характеристика и понятие электронного доказательства, определяется его место в современном цивилистическом процессе. Приводятся мнения научной общест-венности о правовой оценке электронных доказательств в форме скриншотов, эффективности и целесообразности их применения в су-допроизводстве. Анализируя судебную практику использования скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе, мнения авторитетных ученых-правоведов, автор обозначает проблемы, требующие дальнейшего нормативного разрешения, в том числе, с использованием зарубежного опыта.

Ключевые слова: электронные доказательства, скриншот, арбитражное судопроизводство, цифровизация, доказывание, допустимость доказа-тельств, арбитражный процесс.

USING A SCREENSHOT AS ELECTRONIC EVIDENCE IN ARBITRATION PROCEEDINGS

D. R. Zverev

Voronezh State University

Abstract: the article discusses the issues that arise when participants in a lawsuit use a screenshot as electronic evidence. The characteristics and concept of electronic evidence, its place in the modern civil process are analyzed. The opinions of the scientific community on the legal assessment of electronic evidence in the form of screenshots, the effectiveness and expediency of their use in legal proceedings are presented. Analyzing the judicial practice of using screenshots as evidence in the arbitration process, the opinions of authoritative legal scholars, the author identifies problems that require further regulatory resolution, including the use of foreign experience.

Key words: electronic evidence, screenshot, arbitration proceedings, digitalization, proof, admissibility of evidence, arbitration process.

© Зверев Д. Р., 2024

Цифровизация порождает появление разнообразной электронно-цифровой информации, посредством которой осуществляется доказывание по уголовным, гражданским, административным и арбитражным делам.

Вопросы доказывания и доказательств занимают одну из ключевых позиций в цивилистическом процессе. В учебном издании под редакцией М. А. Фокиной отмечается, что для практикующих юристов большой интерес представляет судебная практика применения отдельных видов доказательств в гражданском, арбитражном процессах и административном судопроизводстве, проблемы использования «электронных доказательств» в доказывании по гражданским делам¹.

В арбитражном судопроизводстве значительное место отводится электронным доказательствам. В силу ст. 75 АПК РФ документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью, допускаются судом в качестве письменных доказательств.

Обязательным требованием к содержанию и оформлению электронного доказательства является требование о его достоверности. Понятие достоверных доказательств дается в ч. 3 ст. 71 АПК РФ, согласно которой доказательства признаются достоверными, если содержащиеся в них сведения соответствуют действительности.

Положения АПК РФ не содержат специальных требований относительно порядка исследования электронных доказательств, приобщения их к материалам дела и формы их представления. Они исследуются так же, как и другие доказательства в порядке ст. 71 АПК РФ.

В настоящее время, учитывая динамичное развитие цифровых технологий во многих сферах жизнедеятельности, понятие «доказательство» подвергается существенной трансформации, с точки зрения как формы, так и содержания.

Как пишет Е. А. Нахова, электронными доказательствами являются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуковой и видеозаписи. Она считает, что при оценке электронных документов, представленных в качестве доказательств, должно учитываться следующее: 1) надежность способа, с помощью которого подготавливалось, хранилось или передавалось электронное сообщение; 2) надежность способа, при помощи которого обеспечивалась целостность информации; 3) надежность способа, при помощи которого идентифицировался составитель; 4) правильность способа фиксации ин-

¹ См.: Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

формации, ведь закрепление информации на современном источнике может отражаться на достоверности данного электронного доказательства².

По мнению С. Ф. Афанасьева, «закон под доказательствами по гражданским делам понимает сведения о фактах, которые получены в установленном порядке и на основе которых суд определяет наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела»³.

В числе доказательств, отнесенных на сегодняшний день к категории письменных, можно выделить электронное доказательство – так называемый скриншот, который представляет собой снимок экрана компьютера или другого устройства (телефона, планшета), фиксирующий изображение на дисплее.

Одни теоретики и практики считают, что не существует такого самостоятельного средства доказывания, как электронное доказательство, другие полагают, что это информация, облеченная в цифровую или звуковую форму.

Действующее законодательство России позволяет использовать скриншоты в качестве доказательства в судебном процессе.

Обеспечить допустимость электронных доказательств в судебном процессе можно двумя способами: 1) предоставлением протокола осмотра электронного доказательства нотариусом (ст. 103 Основ законодательства РФ о нотариате); 2) обеспечением доказательств судом в соответствии со ст. 72 АПК РФ.

Большинство юристов считают скриншоты надлежащими доказательствами.

Так, например, Н. И. Борискина считает, что скриншоты являются электронными доказательствами⁴, А. А. Демин относит их к электронным, но не к письменным доказательствам⁵. По мнению Е. А. Наховой, скриншоты с компьютера или мобильного устройства относятся к электронным доказательствам, при этом она отмечает, что скриншоты страниц на бумажном носителе суды приобщают к материалам дела в качестве письменных доказательств⁶. Она указывает, что «документы, кото-

² См.: *Нахова Е. А.* Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4.

³ *Афанасьев С. Ф.* О сущности доказательств в контексте использования новых цифровых технологий в гражданском процессуальном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5.

⁴ См.: *Борискина Н. И.* Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 60.

⁵ См.: *Демин А. А.* Особенности правового регулирования электронных доказательств в гражданском, арбитражном, административном процессах // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.

⁶ См.: *Нахова Е. А.* Указ. соч.

рыми доказываются процессуально-правовые факты (направление искового заявления другой стороне, соблюдение претензионного порядка в электронном виде), должны быть заверены путем предоставления отчетов о доставке электронного сообщения, скриншотов с компьютера или мобильного устройства и т.п. лицом, от которого исходит документ, нотариусом, судом в установленном законом порядке⁷.

В Комментарий законодательства о нотариате указано о необходимости учитывать то обстоятельство, что нотариус, изучающий информацию, размещенную в сети «Интернет», не обязан исполнять функции по установлению правомерности размещения информации на указанной интернет-странице, в его компетенцию не входит установление принадлежности информационного ресурса и правомерности размещения изучаемой информации в данный момент. Нотариус не должен обладать специальными техническими познаниями, он лишь обязан ознакомиться и зафиксировать осмотренное в протоколе. Что касается оценки осмотренного, а также правомерности размещения, то данные вопросы не рассматриваются в качестве предметов нотариальных действий по обеспечению доказательств⁸.

Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что некоторые представители научной общественности подвергают сомнению доказательственное значение скриншотов. Они рекомендуют фиксировать у нотариуса информацию, которая представлена на скриншотах (оформлять нотариальный протокол осмотра доказательства).

Так, например, Н. А. Артебякина считает, что «простая распечатка скриншота не может в полной мере отвечать требованиям допустимости и достоверности, поэтому в целях надлежащего обеспечения доказательств заинтересованные лица имеют право обратиться к нотариусу. Протокол осмотра интернет-страниц зачастую является единственным доказательством у лица, обратившегося за судебной защитой своих нарушенных прав и охраняемых законом интересов»⁹.

По мнению В. В. Котляровой, «не имеет доказательственной силы переписка в мобильном приложении, в том числе ее распечатки и скриншоты, если она нотариально не заверена, поскольку не отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам, так как невозможно доподлинно установить отправителя, адресата, дату, время отправки. Как показывает судебная практика, доказательственное значение будет иметь

⁷ См.: *Нахова Е. А.* Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве : учебник. СПб., 2017.

⁸ См.: Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / под ред. Д. Я. Малешина. М., 2018. С. 254.

⁹ *Артебякина Н. А.* Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 278.

электронная переписка, заверенная нотариусом в установленном законом порядке, и будет признана судом относимым, допустимым и достоверным доказательством»¹⁰.

То есть указанные выше авторы предлагают отдавать предпочтение нотариальному осмотру страниц сайтов в сети «Интернет», обеспечению доказательств нотариусом.

По мнению Е. В. Гаврилова, обращение к нотариусу за удостоверением содержания сайта (страницы сайта) в сети «Интернет» не всегда является эффективным¹¹.

Бесспорно, что представление в суд доказательств в виде скриншотов – более удобный и менее затратный способ с точки зрения времени и стоимости по их нотариальному оформлению протоколом осмотра доказательств.

Вместе с тем, как известно, практикуется заверение скриншота в присутствии нотариуса и получение заверительной подписи этого же нотариуса на распечатанном документе (обеспечение доказательств нотариусом). Это объясняется тем, что в судебной практике были случаи, когда суды не принимали скриншоты в качестве надлежащих доказательств, в связи с тем, что они не были обеспечены, по их мнению, в порядке, установленном законодательством о нотариате.

Как показывает новейшая практика арбитражных судов, нотариальное заверение скриншотов не является обязательным.

Так, например, согласно обстоятельствам дела¹², предприниматель-ответчик, используя товарный знак, принадлежащий истцу, размещал на сайте маркетплейса объявления о продаже товаров, о чем стало известно правообладателю, который обратился в суд с требованием о прекращении незаконного использования знака и взыскании с ответчика компенсации. В обоснование требований истец представил скриншоты с сайта маркетплейса.

Отказывая в иске, суд первой инстанции установил, что в требованиях не указано, когда правообладателю стало известно о нарушении исключительного права на товарный знак. Суд указал на недопустимость представления скриншотов интернет-страниц без протокола их нотариального осмотра.

¹⁰ Котлярова В. В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6.

¹¹ См.: Гаврилов Е. В. Некоторые проблемы нотариального осмотра интернет-сайта по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Право и практика (Научные труды Института МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове). 2013. № 2. С. 53.

¹² См.: Решение Арбитражного суда Республики Ингушетия по делу № А18-2502/21 от 7 декабря 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Суд апелляционной инстанции не согласился с этими выводами, отметив, что скриншоты являются допустимыми доказательствами, так как их нотариальный осмотр не является обязательным. Суд принял снимки экрана, поскольку на них имелся адрес интернет-страницы, указана интернет-платформа розничной купли-продажи товаров, указан продавец и товар с товарным знаком. В результате суд пришел к выводу об обоснованности заявленных требований в полном объеме.

Таким образом, мнения судебных инстанций разошлись в оценке двух характеристик надлежащего скриншота – наличия в нем даты составления и необходимости нотариального удостоверения.

Признавая состоятельными доводы кассационной жалобы о необоснованности вывода суда апелляционной инстанции, суд кассационной инстанции признал скриншоты ненадлежащими.

Суд указал, что согласно п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 законом не ограничен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения исключительного права, поэтому суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов из интернета с указанием адреса страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения¹³.

По мнению суда, представленные скриншоты такой информации не содержали, в связи с чем не имелось возможности установить точной даты совершения нарушения, которое вменялось ответчику, исходя из даты предоставления правовой охраны товарному знаку истца. Таким образом, в оценке данного аспекта суд кассационной инстанции согласился с позицией суда первой инстанции.

Что касается нотариального удостоверения скриншота, кассационная инстанция указала обратное. Сославшись на ст. 102, 103 Основ законодательства РФ о нотариате, суд напомнил, что доказательства могут быть обеспечены нотариусом, если имеются основания полагать, что их представление впоследствии станет невозможным или затруднительным¹⁴.

Это позволило суду сделать вывод о том, что действующее законодательство не обязывает обеспечивать доказательства именно нотариальным способом (это является правом стороны процесса, а не ее обязанностью и не лишает доказательства их доказательственной силы).

¹³ См.: О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Основы законодательства РФ о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Этот вывод суда кассационной инстанции подтверждается и другими решениями судебных инстанций (решение Суда по интеллектуальным правам от 21 июня 2019 г. по делу № СИП-262/2019, от 1 октября 2019 г. по делу № СИП-230/2019, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 декабря 2019 г. по делу № А40-128215/2019).

Можно привести другой пример из практики арбитражного суда (дело от 23 июня 2020 г. № А36-58/2020), когда арбитражный суд Липецкой области использовал систему доказательств иных средств. Так, общество с ограниченной ответственностью обратилось в Арбитражный суд Липецкой области с иском к муниципальному бюджетному учреждению о взыскании задолженности по договору информационно-технологического сопровождения для системы программ «1С:Предприятие» за пользование чужими денежными средствами. Проанализировав скриншоты программ, суд пришел к выводу о том, что оказание услуг истцом документально подтверждено. Суд применил ст. 65 АПК РФ, а также оценил по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности, достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности в соответствии со ст. 71 АПК РФ. Суд признал, что исковые требования подлежат удовлетворению в полном объеме.

И еще один пример из арбитражной практики по использованию скриншота (дело от 13 марта 2020 г. № А40-334603/2019). В Арбитражный суд г. Москвы обратилось бюджетное учреждение с иском к коммерческому банку о взыскании задолженности по банковской гарантии и неустойки за просрочку. Суд указал, что на представленном в материалах дела скриншоте интернет-страницы электронной почты истца можно установить: адрес электронной почты, кому адресовано электронное сообщение, что соответствует адресу, указанному в банковской гарантии. Распечатки с интернет-сайта имеют доказательную силу, поскольку содержат информацию о дате и времени их получения, наименовании сайта и принадлежности заявителю. На основании этого суд в соответствии со ст. 65 АПК РФ решил полностью удовлетворить иск.

Комментируя постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 в части использования скриншотов в качестве доказательств, можно отметить, что позиция Верховного Суда РФ об открытости перечня допустимых доказательств логически подводит к тому, что скриншоты интернет-страниц являются допустимыми доказательствами. Но, к сожалению, российские суды неоднократно признавали их недопустимыми.

Изучение опыта зарубежной практики по использованию скриншотов показывает следующее.

Так, законодательство Германии признает скриншоты доказательствами по гражданским делам. Имеет значение то обстоятельство, к какому виду доказательств относится скриншот. В случае если скриншот пред-

ставляется в электронной форме (в форме цифрового изображения), то при определенных условиях он является электронным документом (специальным видом доказательств) и его доказательственная роль выше, чем его распечатанный вариант.

Допустимыми доказательствами считаются скриншоты и в Испании. Они рассматриваются судом отдельно от документальных доказательств.

В Италии скриншоты также повсеместно используются в качестве допустимых доказательств. В решении кассационного суда Италии (от 22 февраля 2018 г. № 8736) указано, что доказывать те или иные факты допустимо с помощью любых доказательств, в том числе скриншотов. В связи с тем, что они являются документальными доказательствами, заверять их нотариусом не требуется.

В качестве доказательств по гражданским делам скриншоты используются во Франции. По французскому законодательству электронные документы имеют ту же доказательственную силу, что и бумажные документы, при условии их надлежащего создания и хранения, гарантирующих их целостность. Имеется судебная практика, когда такие доказательства были оспорены в суде: поскольку отображающийся в скриншоте URL-адрес находился внизу распечатки страницы скриншота и был неполным, – появилось сомнение в его достоверности. Аргументы ответчика о том, что страница сайта могла быть изменена с помощью компьютерной техники, были судом приняты¹⁵.

Анализируя зарубежный опыт использования скриншотов, можно констатировать, что их нотариальное заверение не является обязательным, при этом практика применения скриншотов не единообразна. Иностранные юристы отмечают возможность их фальсификации.

Вместе с тем представляется, что использование зарубежного опыта по использованию скриншота в качестве доказательства по гражданским делам поможет избежать судебных ошибок.

Как нивелировать риск того, что в любой промежуток времени информация на странице сети «Интернет» может быть изменена или удалена правообладателем, что вызывает сложности в представлении скриншота в качестве доказательства стороной спора¹⁶?

Мы поддерживаем позицию выдающихся ученых-юристов о том, что скриншоты интернет-страниц, используемые сторонами в деле (юридическими лицами) в качестве доказательств по гражданским и арбитражным делам, возможно заверять печатью юридического лица и подписью

¹⁵ См.: *Гаврилов Е. В.* Зарубежный опыт использования скриншотов в качестве доказательств по гражданским делам // *Нотариус*. 2021. № 7.

¹⁶ См.: *Куандыкова К. К., Чуракова Е. Н.* Использование скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе // *Тенденции развития науки и образования*. 2021. № 69-4.

уполномоченного лица без их нотариального заверения при условии, что указаны даты и время создания снимка, адрес интернет-страницы, с которого он выполнен, подписи и сведения о лице, которое сделало и распечатало снимок экрана, а также информация о компьютере. Вместе с тем это обстоятельство не препятствует другим участникам процесса оспаривать представляемые стороной доказательства.

Заслуживает внимание тот факт, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 10 обратил особое внимание на существующую проблему.

При анализе практики использования скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе возникают вопросы, требующие дальнейшего нормативного разрешения.

Первое. Термин «скриншот» не получил однозначной нормативной формулировки. Можно понимать, что это или «**распечатки** материалов, размещенных в сети “Интернет”» или это «**материалы**, размещенные в сети “Интернет”». Такое разночтение не согласуется с устоявшимся пониманием скриншота **как снимка экрана**-изображения, воспроизведенного компьютером, который видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства.

Другими словами, скриншот это и не распечатки материалов, и не сами материалы. Представляется, что скриншот – это некое изображение на экране в цифровом виде, которое может быть и снимком с экрана (его распечаткой), и непосредственно электронным документом.

В связи с этим определение скриншота в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 требует дальнейшего уточнения и разъяснения.

Второе. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10 не разъяснено, может ли быть представлен скриншот в качестве доказательства в форме электронного документа. В абз. 7 п. 55 говорится о том, что в случаях, не терпящих отлагательства, суд вправе просмотреть размещенную на определенном ресурсе информационно-телекоммуникационной сети информацию в режиме реального времени.

Представляется, что не обязательно распечатывать скриншот, а можно разрешить представить его в форме электронного документа, например на флеш-карте или CD-диске.

Третье. Буквальное толкование абз. 2 п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10 предполагает возможность создания скриншота с его доказательственным значением лишь после возбуждения дела; и при этом скриншот должен быть заверен всеми участниками процесса. Вместе с тем представляется, что лицо вправе сделать скриншот заранее, не будучи еще участником процесса, и само его заверить. Иначе после того, как будет возбуждено дело и стороны получают процессуальный ста-

тус, может возникнуть угроза, что ответчик удалит страницу сайта в сети «Интернет» и заверить скриншот (истцу) не представится возможным¹⁷.

Таким образом, уточнение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в части формы представления цифрового доказательства в виде скриншота разрешит вопросы, возникающие у судов в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Кроме того, требуется разработать и интегрировать в судебную практику методические рекомендации по осуществлению осмотра интернет-сайтов как инструмента получения доказательств в арбитражном и других судопроизводствах.

Библиографический список

Артебьякина Н. А. Протокол осмотра нотариусом интернет-страницы как средство обеспечения доказательств в гражданском судопроизводстве / Н. А. Артебьякина // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 274–286.

Афанасьев С. Ф. О сущности доказательств в контексте использования новых цифровых технологий в цивилистической процессуальной деятельности / С. Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 276–294.

Борискина Н. И. Процессуальная форма доказательств в современном гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Н. И. Борискина. – М., 2020.

Гаврилов Е. В. Зарубежный опыт использования скриншотов в качестве доказательств по гражданским делам / Е. В. Гаврилов // Нотариус. – 2021. – № 7. – С. 38–41.

Гаврилов Е. В. Некоторые проблемы нотариального осмотра интернет-сайта по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Е. В. Гаврилов // Право и практика (Научные труды Института МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове). – 2013. – № 2. – С. 53–55.

Гаврилов Е. В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. – 2020. – № 2. – С. 75–92.

Демин А. А. Особенности правового регулирования электронных доказательств в гражданском, арбитражном, административном процессах / А. А. Демин // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 3. – С. 1076–1084.

Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / под ред. Д. Я. Малешина. – М. : Статут, 2018. – 719 с.

Котлярова В. В. О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе / В. В. Котлярова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 6. – С. 37–42.

Куандыкова К. К. Использование скриншотов в качестве доказательств в арбитражном процессе / К. К. Куандыкова, Е. Н. Чуракова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 69-4. – С. 66–69.

¹⁷ См.: *Гаврилов Е. В.* Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2020. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2019.

Нахова Е. А. Доказательственное право в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве : учебник / Е. А. Нахова. – СПб. : ВВМ, 2017. – 405 с.

Нахова Е. А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве / Е. А. Нахова // Закон. – 2018. – № 4. – С. 81–90.

References

Afanasyev S. F. On the nature of evidence in the context of using new digital technologies in civil procedural activity / S. F. Afanasyev // Civil Procedure Bulletin. – 2021. – No. 5. – P. 276–294.

Artebyakina N. A. Notary's inspection report of an Internet page as a means of securing evidence in civil proceedings / N. A. Artebyakina // Civil Procedure Bulletin. – 2019. – No. 1. – Pp. 274–286.

Boriskina N. I. Procedural form of evidence in modern civil proceedings : diss. ... Cand. of Legal Sciences / N. I. Boriskina. – Moscow, 2020.

Commentary on the legislation of the Russian Federation on notaries (article by article) / ed. by D. Ya. Mareshin. – Moscow : Statut, 2018. – 719 p.

Demin A. A. Features of legal regulation of electronic evidence in civil, arbitration, administrative proceedings / A. A. Demin // Issues of Russian justice. – 2019. – No. 3. – Pp. 1076–1084.

Evidence law course. Civil procedure. Arbitration procedure. Administrative proceedings / ed. by M. A. Fokina. – 2nd edition, revised and supplemented. – Moscow : Statut, 2019.

Gavrilov E. V. Foreign experience of using screenshots as evidence in civil cases / E. V. Gavrilov // Notary. – 2021. – No. 7. – Pp. 38–41.

Gavrilov E. V. Some problems of notarial inspection of an Internet site in cases of protection of honor, dignity and business reputation / E. V. Gavrilov // Law and practice (Scientific works of the Institute of Moscow State Law named after O. E. Kutafin in Kirov). – 2013. – No. 2. – Pp. 53–55.

Gavrilov E. V. Screenshot as evidence in arbitration proceedings // Arbitration disputes. – 2020. – No. 2. – Pp. 75–92.

Kotlyarova V. V. On the problems of legal regulation of electronic evidence in civil proceedings / V. V. Kotlyarova // Arbitration and civil procedure. – 2019. – No. 6. – Pp. 37–42.

Kuandykova K. K. Using screenshots as evidence in arbitration proceedings / K. K. Kuandykova, E. N. Churakova // Trends in the development of science and education. – 2021. – No. 69-4. – Pp. 66–69.

Nakhova E. A. Law of evidence in civilistic process and administrative proceedings : textbook / E. A. Nakhova. – St. Petersburg : VVM, 2017. – 405 p.

Nakhova E. A. Problems of electronic evidence in civilistic process and administrative proceedings / E. A. Nakhova // Law. – 2018. – No. 4. – Pp. 81–90.

Для цитирования:

Зверев Д. Р. Использование скриншота в качестве электронного доказательства в арбитражном судопроизводстве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 114–125.

Recommended citation:

Zverev D. R. Using a screenshot as electronic evidence in arbitration proceedings // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 114–125.

Сведения об авторе

Зверев Денис Романович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета
E-mail: denis-slaker@yandex.ru

Information about author

Zverev Denis Romanovich – Postgraduate Student at the Chamber of Civil Law and Procedure of Voronezh State University
E-mail: denis-slaker@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, ОБЫДЕННЫЕ НАЧАЛА И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

М. Г. Жепак

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Поступила в редакцию 1 декабря 2024 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию процесса формирования правосознания в сфере государственных закупок. Рассматриваются эволюция контрактной системы в России, влияние доктринальных и обыденных начал на правосознание участников закупочной деятельности. Особое внимание уделено роли цифровизации и профессионализации в развитии правовой культуры. Автор анализирует законодательные изменения, отмечая их связь с качеством функционирования контрактной системы. В работе подчеркивается необходимость гармоничного сочетания теории и практики для повышения эффективности закупок.

Ключевые слова: государственные закупки, правосознание, контрактная система, цифровизация, профессионализация, правовая культура, доктринальные начала, обыденное правосознание.

THE EVOLUTION OF LEGAL AWARENESS IN PUBLIC PROCUREMENT: DOCTRINAL FOUNDATIONS, EVERYDAY PRACTICES AND THE CHALLENGES OF DIGITAL TRANSFORMATION

M. G. Zhepak

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract: the article explores the development of legal awareness in the field of public procurement. It examines the evolution of Russia's contract system and the impact of doctrinal and everyday principles on the legal consciousness of procurement participants. Special attention is given to the role of digitalization and professionalization in enhancing legal culture. The author analyzes legislative changes and highlights their correlation with the performance quality of the contract system. The study emphasizes the need for a balanced approach combining theory and practice to improve procurement efficiency.

Key words: public procurement, legal awareness, contract system, digitalization, professionalization, legal culture, doctrinal principles, everyday legal consciousness.

Формирование правосознания в сфере государственных закупок представляет собой сложный и многоаспектный процесс, в котором тесно переплетаются доктринальные и обыденные начала. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена тем, что система государственных закупок является одним из ключевых механизмов реализации государственной политики и эффективного использования бюджетных средств, а правосознание участников закупочной деятельности во многом определяет качество функционирования всей государственной системы.

Введение. Анализ научной литературы и экспертный опыт автора исследования показывают, что правосознание в сфере государственных закупок эволюционировало параллельно с развитием самого института государства – от простейших форм казенных подрядов в царской России до современной цифровой контрактной системы. При этом особый научный интерес представляет взаимовлияние и взаимопроникновение доктринальных установок, формируемых на уровне правовой теории и законодательства, и обыденного правосознания участников закупочной деятельности, складывающегося в процессе правоприменительной практики.

Современный этап развития контрактной системы характеризуется активным реформированием законодательства о государственных закупках, что находит отражение в многочисленных изменениях Федерального закона № 44-ФЗ¹, носящего процедурный характер, и его подзаконных актов. Вместе с тем эффективность данных преобразований во многом зависит от того, насколько они соответствуют сложившимся в профессиональном сообществе представлениям о справедливом и рациональном регулировании закупочной деятельности. Все чаще на экспертном уровне заявляется о нарушениях как об обыденном действе, что говорит о недостаточности предпринятых мер по избавлению участников закупок от правового нигилизма.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих российских ученых в области теории права, административного права и государственных закупок.

Автором использованы различные методы исследования, которые позволили комплексно подойти к изучению правового регулирования закупок. Системный анализ применялся для изучения структуры право-

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. Федерального закона от 30.11.2024 г. № 432-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652; 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7423.

сознания в сфере закупок, что дало возможность выявить взаимосвязи между доктринальными и обыденными началами. Сравнительно-правовой метод был использован для анализа эволюции законодательства о закупках, что позволило проследить изменения в правовом регулировании начиная с Российской империи и до современности. Формально-юридический метод применен при исследовании действующего законодательства и судебной практики в сфере закупок, что способствовало точному анализу правовых норм. Социологический метод, в свою очередь, был использован для исследования практики применения законодательства о закупках участниками контрактной системы, что позволило оценить реальное воздействие нормативных актов на практическую деятельность в данной сфере.

Подобный подход способствует глубокому пониманию особенностей и проблем правового регулирования в области государственных закупок, а также выявлению его эффективности в условиях изменений и вызовов современной экономики.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей и закономерностей формирования правосознания в сфере государственных закупок с учетом влияния как доктринальных, так и обыденных факторов в контексте эволюционного развития контрактной системы России.

Основная часть. Теоретико-методологический анализ правосознания в системе государственных закупок требует комплексного исследования его доктринальных и обыденных начал. Правосознание, будучи неотъемлемым элементом духовной составляющей права, представляет собой сложную многоуровневую систему, определяющую правовое поведение субъектов и эффективность функционирования всего правового механизма.

В структурном отношении правосознание характеризуется диалектическим взаимодействием трех основных уровней: обыденного (эмоционально-непосредственное восприятие правовых явлений), практического (основанного на опыте правоприменения) и научного (теоретическое осмысление правовой действительности)². При этом формирование правосознания начинается с раннего возраста через усвоение первичных элементов правовой культуры, что впоследствии эволюционирует в направлении от обыденного к теоретическому уровню посредством образовательной и воспитательной деятельности.

В контексте государственных закупок особую значимость приобретают два ключевых аспекта правосознания: законность и эффективность. Законность представляет собой состояние правовой системы, характе-

² См.: Беденков В. В. Понятие и структура обыденного правосознания // Известия АлтГУ. 2016. № 3(91) С. 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-obydenного-pravosoznaniya> (дата обращения: 01.12.2024).

ризующееся отсутствием отклонений от установленных норм, в то время как эффективность определяется соотношением достигнутых результатов с поставленными целями³. Данные категории служат основными критериями оценки функционирования контрактной системы и развития правосознания ее участников. При этом 44-ФЗ стал первым законом, который подталкивает заказчика к эффективному расходованию денежных средств и дает возможность проанализировать государственные системные процессы.

Существенную роль в формировании правосознания в сфере государственных закупок играет система государственного контроля, где основной объем полномочий сосредоточен в компетенции ФАС России, региональных структур и муниципальных органов. Данный механизм способствует преодолению правового нигилизма и совершенствованию государственной системы закупок.

В структурном отношении правосознание включает два взаимосвязанных компонента – правовую идеологию и правовую психологию, что необходимо учитывать при разработке мер по совершенствованию контрактной системы. Эволюция системы государственных закупок требует постоянного развития правосознания участников закупочных отношений при соблюдении баланса между доктринальными установками и практическими потребностями контрактной системы.

Таким образом, правосознание в сфере государственных закупок представляет собой комплексное явление, требующее системного подхода к его формированию и развитию с учетом всех структурных компонентов и уровней, что способствует повышению эффективности функционирования всей системы государственных закупок.

Формирование правосознания в сфере государственных закупок неразрывно связано с историческим развитием самой системы закупочной деятельности. Исследование эволюции правового регулирования данной сферы позволяет проследить, как постепенно складывались современные принципы организации закупок, формировались механизмы обеспечения их законности и эффективности, развивалось профессиональное правосознание участников закупочных отношений. Особую значимость приобретает анализ исторического опыта правового регулирования государственных закупок в России, где на протяжении веков происходило становление и совершенствование соответствующих правовых институтов, что оказало существенное влияние на современное состояние правосознания в данной сфере.

³ См.: *Мараев К. Е.* Правовые средства обеспечения законности и эффективности в сфере государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 228. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-sredstva-obespecheniya-zakonnosti-i-effektivnosti-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok> (дата обращения: 01.12.2024).

Становление системы государственных закупок берет свое начало в конце XVI в. с появлением казенного подряда «О заготовлении материалов для строения Смоленской крепости» (1595 г.). Значимым этапом развития стал указ царя Алексея Михайловича от 7 июля 1654 г. «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей», заложивший основы регламентации вознаграждения за поставки и установления предельной государственной цены закупки.

Существенная модернизация системы произошла в периоды правления Петра I, Анны Иоанновны и Екатерины II. В петровскую эпоху был введен критерий определения подрядчика по наименьшей цене с обязательным поручительством. При Анне Иоанновне началась публикация объявлений о закупках в центральных государственных изданиях, что значительно повысило открытость процедур.

Системная кодификация закупочного законодательства состоялась с принятием Положения о подрядах и поставках 1900 г., которое установило детальный порядок проведения торгов. Положение предусматривало три способа определения поставщика: торги в присутствии участников, запечатанные объявления и смешанные торги. Важнейшим нововведением стало требование о предварительной публикации условий торгов за шесть недель до их проведения, обеспечивавшее равный доступ к информации.

Октябрьская революция 1917 г. кардинально изменила систему государственных закупок. Публичный и конкурентный характер закупок, свойственный дореволюционной России, утратил актуальность в связи с переходом к централизованному распределению ресурсов⁴. Однако в период НЭПа (1921–1927) произошло временное возвращение к конкурентным началам, что нашло отражение в Положении о государственных подрядах и поставках 1927 г. Документ расширил критерии выбора поставщика, включив помимо цены оценку кредитоспособности, надежности и опыта подрядчика⁵.

Современный этап развития системы государственных закупок (с 1991 г.) характеризуется поэтапным формированием комплексной нормативной базы. Закон РФ от 28 мая 1992 г. № 2859-1 впервые разграничил федеральные и региональные закупки. Федеральный закон № 97-ФЗ от 6 мая 1999 г. представил первую системную попытку упорядочить закупочную деятельность. Федеральный закон № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. ввел электронную форму торгов и единую информационную систему.

⁴ См.: Коновалова З. А., Мяханова А. Н. Современные и дореволюционные аспекты законодательства о государственных закупках в России: сравнительный анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 3. С. 20.

⁵ См.: Катрич А. Д. История развития государственных и муниципальных закупок. 2019. № 2. С. 138.

Действующий Федеральный закон № 44-ФЗ от 5 апреля 2013 г. создал комплексную систему регулирования всего цикла закупок.

Значимым достижением современного периода стало формирование профессионального правосознания через институт комиссий по закупкам, контрактных управляющих и экспертов, что отражает учет отечественного и зарубежного опыта в развитии системы государственных закупок⁶.

Исследование исторической эволюции системы закупок позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, отмечается поэтапное развитие системы – от простых форм регулирования к более комплексным и детализированным механизмам. Во-вторых, выделяется преемственность основных принципов организации закупок, что свидетельствует о сохранении ключевых подходов и норм на протяжении времени. В-третьих, влияние исторического опыта на современное состояние системы закупок остается значимым фактором, влияющим на текущие процессы. Наконец, важность учета исторического контекста при совершенствовании законодательства подтверждается необходимостью осознания прошлых ошибок и достижений для выработки более эффективных правовых решений в будущем.

Теоретико-правовые основы контрактной системы. Доктринальные начала в формировании правосознания участников системы государственных закупок представляют собой комплексную теоретико-методологическую основу контрактной системы, базирующуюся на взаимодействии научной мысли, судебной практики и законодательного регулирования. При этом гражданское право выступает фундаментальной основой контрактной системы, что имеет существенное практическое значение для ее развития⁷.

Роль судебной практики в формировании правосознания. Значимый вклад в развитие доктринальных подходов вносит судебная практика высших судебных инстанций. Принципиальное значение имеет позиция Верховного Суда РФ, сформулированная в Определении от 18 мая 2017 г. № 303-ЭС16-19977⁸, о гражданско-правовой природе отношений между

⁶ См.: *Медякова Е. М.* Методика приоритизации задач в профессиональной деятельности специалиста контрактной системы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 3. С. 40.

⁷ См.: *Чуприн М. Г.* Система нормативно-правового регулирования исполнения обязательств в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения нужд уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2018. № 1(34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-normativno-pravovogo-regulirovaniya-ispolneniya-obyazatelstv-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-i-uslug-dlya-obespecheniya-nuzhd> (дата обращения: 01.12.2024).

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 18 мая 2017 г. № 303-ЭС16-19977. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=500093> (дата обращения: 01.12.2024).

органами публичной власти и частным капиталом в сфере закупок. Данная правовая позиция способствовала формированию единообразного понимания сущности закупочных правоотношений. Также нельзя не отметить роль ФАС России в создании правоприменительной практики, судебной практики и работе с законодателем в режиме корректировки закона для нормализации процессов в контрактной системе. Территориальные органы и центральный аппарат проделали, без преувеличения, огромную работу по усовершенствованию правоприменения 44-ФЗ через методичную работу по формированию судебной практики. Результат работы ФАС России выразился в доктринальном обобщении судебной практики как источника изменения права.

На основе анализа практики Федеральной антимонопольной службы России и судебной практики можно выделить несколько типичных проявлений правового нигилизма, которые значительно влияют на эффективность функционирования контрактной системы и препятствуют достижению ее целей.

На этапе планирования закупок часто имеют место такие нарушения, как искусственное дробление закупок с целью уклонения от применения конкурентных процедур. Это нарушение противоречит принципу конкуренции и способствует сокращению числа участников тендера, что в конечном итоге ведет к монополизации рынка. Также выявляется необоснованное завышение начальных максимальных цен контрактов, что способствует увеличению бюджетных расходов и снижению эффективности использования государственных средств. Нарушением является и включение в план-график закупок без реального финансового обеспечения, что создает угрозу несоответствия планируемых закупок фактическим возможностям бюджета и приводит к отсутствию средств для исполнения контрактов, а это влияет на финансовую устойчивость частных компаний.

На этапе проведения закупочных процедур также наблюдаются многочисленные нарушения. Среди них можно выделить установление необоснованных требований к участникам процедур, что существенно ограничивает конкуренцию и создает условия для дискриминации потенциальных поставщиков. В ряде случаев имеют место разработки технических заданий под конкретных поставщиков, что приводит к несанкционированному ограничению конкуренции и нарушению принципа равенства участников. Нарушением является также несвоевременное размещение информации в Единой информационной системе (ЕИС), что приводит к недостаточной осведомленности участников и пропуску сроков подачи заявок. Еще одной распространенной проблемой являются необоснованные отклонения заявок участников, что противоречит принципам прозрачности и добросовестной конкуренции.

На этапе исполнения контрактов нарушения касаются, прежде всего, приемки товаров, работ и услуг, не соответствующих условиям контракта, что приводит к поправанию интересов как заказчика, так и неограниченного круга поставщиков. Также часто наблюдаются необоснованные изменения существенных условий контракта, что снижает стабильность и предсказуемость контракта и нарушает права сторон. Несвоевременная оплата поставленных товаров, работ и услуг представляет собой серьезное нарушение условий контрактов, что может привести к юридическим и финансовым последствиям. В некоторых случаях наблюдается уклонение от применения мер ответственности к недобросовестным поставщикам, что снижает правовую эффективность контрактной системы и препятствует ее нормальному функционированию.

В совокупности эти проявления правового нигилизма свидетельствуют о серьезных проблемах правоприменительной практики в сфере закупок и требуют комплексного подхода к совершенствованию законодательства и механизма его реализации.

Научные подходы к пониманию системы закупок. Научное сообщество активно участвует в теоретическом осмыслении системы государственных закупок. В современных условиях особую значимость приобретает инновационная функция системы закупок, направленная на формирование экономических предпосылок для создания продукции с новыми потребительскими свойствами⁹. В развитие данного подхода подчеркивается определяющая роль государственных закупок в формировании инновационного потенциала государства и его регионов¹⁰.

Особое значение в доктринальном осмыслении приобретает системный подход к пониманию государственных закупок. В научной литературе данный институт рассматривается как элемент системы отношений государственного сектора с иными макроэкономическими субъектами¹¹, что позволяет выявить его комплексную природу и многоаспектный характер.

Таким образом, доктринальные начала в сфере закупок характеризуются комплексным характером правового регулирования, который опирается на принципы гражданского права. Важным аспектом является зна-

⁹ См.: *Смотряцкая И. И., Черных С. И.* Публичные закупки как механизм государственного регулирования в условиях современного кризиса // ЭТАП. 2020. № 4. С. 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-zakupki-kak-mehanizm-gosudarstvennogo-regulirovaniya-v-usloviyah-sovremennogo-krizisa> (дата обращения: 01.12.2024).

¹⁰ См.: *Колмыкова Т. С., Семенихина Е. Б., Алпеева Е. А.* Современная система государственных закупок в обеспечении инновационного развития экономики // Экономика промышленности. 2018. Т. 11, № 3. С. 242.

¹¹ См.: *Демин А. А., Демина Н. К.* Институциональные преобразования системы размещения государственного заказа в России // Госзаказ. Управление. Размещение. Обеспечение. 2008. № 1.

чительное влияние судебной практики, которая способствует формированию единообразного понимания закупочных правоотношений. Не менее важно активное развитие научных подходов, направленных на осмысление системы закупок, особенно в контексте инновационного развития. Кроме того, наблюдается тенденция к системному осмыслению закупок как важного элемента макроэкономических отношений.

Доктринальные начала, возникающие в результате взаимодействия научного сообщества, судебной системы и законодателя, играют ключевую роль в формировании правосознания участников системы государственных закупок. Они служат теоретико-методологической основой для дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики, способствуя созданию эффективной и прозрачной системы закупок, которая отвечает современным вызовам общественного развития.

Практический опыт участников закупок. Обыденные начала правосознания в сфере государственных закупок формируются непосредственно в процессе практической деятельности участников контрактной системы и представляют собой важный элемент правовой культуры. Практический опыт участников системы складывается при решении конкретных задач на всех этапах закупочного цикла: от регистрации в единой информационной системе до исполнения контрактных обязательств. В ходе этой деятельности происходит естественное накопление знаний о специфике закупочных процедур, формируются устойчивые представления о правомерном и неправомерном поведении, вырабатываются практические навыки работы в рамках контрактной системы. Формируется и изменяется подход к освоению денежных средств государства на системный.

Влияние профессионального сообщества. Деловые обычаи и практики, складывающиеся в профессиональном сообществе, оказывают существенное влияние на формирование правосознания. Участники закупок постепенно вырабатывают определенные модели поведения, которые, не будучи прямо закрепленными в законодательстве, тем не менее способствуют более эффективному функционированию системы государственных закупок¹². Важную роль в этом процессе играет профессиональное сообщество: появление института контрактных управляющих способствовало формированию особой профессиональной среды, в рамках которой происходит обмен опытом и знаниями, вырабатываются общие подходы к решению типовых проблем, формируются профессиональные стандарты поведения¹³. При таком подходе ошибки правопримене-

¹² См.: Коновалова З. А., Мяханова А. Н. Указ. соч. С. 20.

¹³ См.: Медякова Е. М. Указ. соч. С. 42.

ния часто становятся общими для групп предприятий или целых секторов экономики, что позволяет осуществлять тонкую настройку системы без внесения изменений в закон, а используя инструмент разъяснения. Таким инструментом являлись письма с разъяснениями правоприменения Минэкономразвития России, которыми в своих решениях, при необходимости, руководствовалась ФАС России.

Особое значение имеет взаимодействие участников закупочного процесса с контрольными органами. Практика взаимодействия с ФАС России и иными контрольными органами способствует формированию более четкого понимания границ правомерного поведения и последствий нарушения установленных требований¹⁴. При этом эффективность закупочной деятельности во многом определяется тем, насколько участники осознают и принимают установленные правила поведения, понимают их практический смысл и значение для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Роль цифровизации в формировании правосознания. Существенное влияние на формирование обыденного правосознания оказывает цифровизация закупочных процедур. Переход к электронным формам взаимодействия требует от участников закупок не только технических навыков, но и понимания правовых аспектов электронного документооборота, что формирует новый пласт правовых представлений и установок.

При этом важно отметить, что обыденное правосознание не существует изолированно от доктринальных начал. Происходит постоянное взаимопроникновение и взаимовлияние различных уровней правосознания, что способствует развитию правовой культуры в целом¹⁵.

Проведенный анализ обыденных начал правосознания выявил несколько ключевых аспектов. Во-первых, была подтверждена определяющая роль практического опыта в формировании правосознания, что указывает на важность реальной практики для понимания правовых норм. Во-вторых, обоснованна значимость в развитии правовой культуры профессионального сообщества, которое оказывает влияние на восприятие и соблюдение правовых норм. Также было установлено влияние цифровизации на трансформацию правосознания участников закупок, что свидетельствует о том, как технологические новации изменяют подходы к правовым процессам. В заключение анализ показал необходимость гармонизации практических подходов с требованиями законодательства для обеспечения правовой определенности и стабильности в сфере государственных закупок.

Взаимодействие доктринальных и обыденных начал в правосознании участников системы государственных закупок характеризуется комплекс-

¹⁴ См.: Мараев К. Е. Указ. соч.

¹⁵ См.: Беденков В. В. Указ. соч.

ным характером правового регулирования. Теоретические конструкции, заложенные в основу законодательства, получают развитие в судебной практике и научных исследованиях, что обеспечивает единообразие правоприменения через фундаментальные принципы гражданского права. Концептуальные основы контрактной системы, базирующиеся на принципах добросовестности, разумности и справедливости, играют определяющую роль в устранении пробелов и противоречий в законодательстве о закупках¹⁶. Это позволило сформировать устойчивый теоретический фундамент для дальнейшего развития института государственных закупок.

Современное развитие правовой доктрины в сфере закупок характеризуется повышенным вниманием к инновационной составляющей. Возрастающая роль государственных закупок как инструмента стимулирования инновационного развития экономики требует разработки более гибких моделей правового регулирования¹⁷. Этот подход позволяет учитывать динамику социально-экономических процессов и адаптировать систему закупок к новым вызовам цифровой экономики.

Заключение. На основе проведенного исследования эволюции правосознания в сфере государственных закупок можно сделать ряд существенных выводов, характеризующих современное состояние и перспективы развития контрактной системы России.

Во-первых, анализ доктринальных и обыденных начал правосознания показал их неразрывную взаимосвязь в формировании правовой культуры участников закупочной деятельности. Теоретические конструкции, заложенные в основу законодательства, получают развитие через правоприменительную практику и научное осмысление, что обеспечивает единообразие подходов через фундаментальные принципы гражданского права.

Во-вторых, исследование выявило определяющую роль цифровой трансформации в развитии правосознания участников закупок. Внедрение электронного документооборота, использование больших данных и функционирование электронных площадок не только повышают прозрачность процедур, но и формируют новую цифровую культуру в сфере закупок, меняя характер взаимодействия всех участников контрактной системы.

В-третьих, установлено особое значение профессионального сообщества в развитии правовой культуры закупок. Появление института контрактных управляющих способствовало формированию особой профессиональной среды, в рамках которой происходит обмен опытом и знаниями, вырабатываются общие подходы к решению типовых проблем, формируются профессиональные стандарты поведения.

¹⁶ См.: Чуприн М. Г. Указ. соч. С. 180.

¹⁷ См.: Смотрицкая И. И., Черных С. И. Указ. соч. С. 29–30.

В-четвертых, анализ практики показал, что система государственных закупок демонстрирует устойчивость к внешним вызовам, в том числе в условиях специальной военной операции на Украине (которая проводится Российской Федерацией с 24 февраля 2022 г.), благодаря накопленному опыту правоприменения и гибкости правового регулирования. Внесение более 50 поправок в Федеральный закон № 44-ФЗ за 2022–2023 гг. не привело к дестабилизации системы, а напротив, позволило задействовать существующие механизмы для ее оптимизации.

В-пятых, исследование подтвердило инновационный потенциал системы государственных закупок как инструмента стимулирования экономического развития. Растущая роль закупок в обеспечении технологического суверенитета требует дальнейшего совершенствования правового регулирования с учетом новых вызовов цифровой экономики.

Перспективы дальнейшего развития правосознания в сфере государственных закупок связаны с несколькими ключевыми направлениями:

- углубление профессионализации через развитие системы непрерывного образования участников закупочной деятельности;
- совершенствование механизмов электронного взаимодействия с учетом развития цифровых технологий;
- гармонизация правоприменительной практики на основе единых методологических подходов;
- развитие инструментов общественного контроля для повышения прозрачности закупочных процедур.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования для совершенствования законодательства о контрактной системе и оптимизации правоприменительной практики. Предложенные подходы к развитию правосознания могут быть использованы при разработке образовательных программ для специалистов в сфере закупок и методических рекомендаций по организации закупочной деятельности.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение влияния искусственного интеллекта на развитие правосознания в сфере закупок, анализ международного опыта цифровизации закупочных процедур и разработку методик оценки эффективности функционирования контрактной системы в условиях новых технологических вызовов.

Библиографический список

Беденков В. В. Понятие и структура обыденного правосознания / Д. В. Беденков // Известия АлтГУ. – 2016. – № 3(91). С. 23–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-obydenного-pravosoznaniya> (дата обращения: 01.12.2024).

Горохова Д. В. Государственные закупки в Российской Федерации: ретроспектива и развитие / Д. В. Горохова // Финансовый журнал. – 2020. – № 2. – С. 57–68.

Демин А. А. Институциональные преобразования системы размещения государственного заказа в России / А. А. Демин, Н. К. Демина // Госзаказ. Управление. Размещение. Обеспечение. – 2008. – № 1. – С. 2–22.

Игнатова Г. В. Информационное обеспечение закупочной деятельности в цифровой экономике / Г. В. Игнатова, В. В. Иноземцева // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2019. – № 3(77). – С. 15–19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obespechenie-zakupochnoy-deyatelnosti-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 01.12.2024).

Катрич А. Д. История развития государственных и муниципальных закупок / А. Д. Катрич // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 2. – С. 138–142.

Колмыкова Т. С. Современная система государственных закупок в обеспечении инновационного развития экономики / Т. С. Колмыкова, Е. Б. Семенихина, Е. А. Алпеева // Экономика промышленности. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 242–248.

Коновалова З. А. Современные и дореволюционные аспекты законодательства о государственных закупках в России: сравнительный анализ / З. А. Коновалова, А. Н. Мяханова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 20–29.

Малахов В. П. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности / В. П. Малахов, Г. М. Азнагулова // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. – 2021. – № 2(42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravoponimaniya-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti> (дата обращения: 01.12.2024).

Мараев К. Е. Правовые средства обеспечения законности и эффективности в сфере государственных закупок / К. Е. Мараев // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-sredstva-obespecheniya-zakonnosti-i-effektivnosti-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok> (дата обращения: 01.12.2024).

Медякова Е. М. Методика приоритизации задач в профессиональной деятельности специалиста контрактной системы / Е. М. Медякова, А. И. Морозова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 3. – С. 40–45.

Пашенцев Д. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, А. А. Дорская. – М. : ИздСР : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 184 с.

Смотрицкая И. И. Публичные закупки как механизм государственного регулирования в условиях современного кризиса / И. И. Смотрицкая, С. И. Черных // ЭТАП. – 2020. – № 4. – С. 24–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-zakupki-kak-mehanizm-gosudarstvennogo-regulirovaniya-v-usloviyah-sovremennogo-krizisa> (дата обращения: 01.12.2024).

Чуприн М. Г. Система нормативно-правового регулирования исполнения обязательств в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения нужд уголовно-исполнительной системы / М. Г. Чуприн // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 1(34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-normativno-pravovogo-regulirovaniya-ispolneniya-obyazatelstv-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-i-uslug-dlya-obespecheniya-nuzhd> (дата обращения: 01.12.2024).

Шмелева М. В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация : монография / М. В. Шмелева. – М. : Юстицинформ, 2021. – 936 с.

References

Bedenkov V. V. Concept and structure of everyday legal consciousness / D. V. Bedenkov // Bulletin of Altai State University. – 2016. – No. 3(91). – Pp. 23–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-obydenno-go-pravosoznaniya> (date of access: 01.12.2024).

Chuprin M. G. The system of legal regulation of the fulfillment of obligations in the field of procurement of goods, works and services to meet the needs of the penal system / M. G. Chuprin // Bulletin of the Kuzbass Institute. – 2018. – No. 1(34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-normativno-pravovogo-regulirovaniya-ispolneniya-obyazatelstv-v-sfere-zakupok-tovarov-rabot-i-uslug-dlya-obespecheniya-nuzhd> (date of access: 01.12.2024).

Gorokhova D. V. Public procurement in the Russian Federation: retrospective and development / D. V. Gorokhova // Financial journal. – 2020. – No. 2. – Pp. 57–68.

Demin A. A. Institutional transformations of the state procurement system in Russia / A. A. Demin, N. K. Demina // State procurement. Management. Placement. Provision. – 2008. – No. 1. – Pp. 2–22.

Ignatova G. V. Information support for procurement activities in the digital economy / G. V. Ignatova, V. V. Inozemtseva // Industry: economics, management, technology. – 2019. – No. 3(77). – Pp. 15–19. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obespechenie-zakupochnoy-deyatelnosti-v-tsifrovoy-ekonomike> (date of access: 01.12.2024).

Katrish A. D. History of the development of state and municipal procurement / A. D. Katrish // International journal of humanitarian and natural sciences. – 2019. – No. 2. – Pp. 138–142.

Kolmykova T. S. Modern system of public procurement in ensuring innovative development of the economy / T. S. Kolmykova, E. B. Semenikhina, E. A. Alpeeva // Industrial Economics. – 2018. – Vol. 11, No. 3. – Pp. 242–248.

Konovalova Z. A. Modern and pre-revolutionary aspects of legislation on public procurement in Russia: a comparative analysis / Z. A. Konovalova, A. N. Myakhanova // Bulletin of the Buryat State University. – 2020. – No. 3. – Pp. 20–29.

Malakhov V. P. The problem of legal understanding in the context of digital reality / V. P. Malakhov, G. M. Aznagulova // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2021. – No. 2(42). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravoponimaniya-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti> (date of access: 01.12.2024).

Maraev K. E. Legal means of ensuring legality and efficiency in the field of public procurement / K. E. Maraev // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-sredstva-obespecheniya-zakonnosti-i-effektivnosti-v-sfere-gosudarstvennyh-zakupok> (date of access: 01.12.2024).

Medyakova E. M. Methodology for prioritizing tasks in the professional activities of a contract system specialist / E. M. Medyakova, A. I. Morozova // Public and municipal administration. Scientific notes. – 2023. – No. 3. – P. 40–45.

Pashentsev D. A. Change of technological structures and legal development of Russia : monograph / D. A. Pashentsev, M. V. Zaloilo, A. A. Dorskaya. – Moscow : IziSP : Norma : INFRA-M, 2022. – 184 p.

Smotritskaya I. I. Public procurement as a mechanism of state regulation in the context of the modern crisis / I. I. Smotritskaya, S. I. Chernykh // ЕТАР. – 2020. – No. 4. – Pp. 24–39. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnye-zakupki-kak-mehanizm-gosudarstvennogo-regulirovaniya-v-usloviyah-sovremennogo-krizisa> (date of access: 01.12.2024).

Shmeleva M. V. The system of state (municipal) procurement: methodology and implementation : monograph / M. V. Shmeleva. – М. : Yustitsinform, 2021. – 936 p.

Для цитирования:

Жепак М. Г. Эволюция правосознания в сфере государственных закупок: доктринальные основы, обыденные начала и вызовы цифровой трансформации // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 126–140.

Recommended citation:

Zhepak M. G. The evolution of legal awareness in public procurement: doctrinal foundations, everyday practices and the challenges of digital transformation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 126–140.

Сведения об авторе

Жепак Михаил Георгиевич – студент магистратуры Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: m.jepak@ya.ru

Information about author

Zhepak Mikhail Georgievich – Master's Student of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: m.jepak@ya.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 340.1

ОБЗОР ЧЕТВЕРТОЙ ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК: ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ И СИСТЕМЫ ПРАВА» (Воронежский государственный университет, 28 июня 2024 г.)

В. А. Сиринько, Н. А. Лавренов, А. Д. Землякова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 октября 2024 г.

Аннотация: в обзоре представлены тезисы докладов участников Четвертой ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: правовые системы и системы права», состоявшейся на базе дискуссионной площадки Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета 28 июня 2024 г.

Ключевые слова: юридическая антропология, правовые системы, системы права, сравнительное правоведение, методология, национальная правовая система, традиционная правовая система, медиация, источники права, юридическая онтология, юридическая аксиология, федеративное устройство, право Вьетнама, рецепция права.

THE REVIEW OF THE FOURTH ANNUAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "FROM ARCHAIC TO THE 21ST CENTURY: LEGAL SYSTEMS AND SYSTEMS OF LAW" (Voronezh State University, JUNE 28, 2024)

V. A. Sirinko, N. A. Lavryonov, A. D. Zemlyakova

Voronezh State University

Abstract: the review presents the abstracts of the reports of the participants of the Fourth Annual International Scientific and Practical Conference "From Archaic to the 21st Century: Legal Systems and Systems of Law" held on the

© Сиринько В. А., Лавренов Н. А., Землякова А. Д., 2024

basis of the discussion platform of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of the Faculty of Law of Voronezh State University on June 28, 2024.

Key words: legal anthropology, legal systems, legal systems, comparative jurisprudence, methodology, national legal system, traditional legal system, mediation, sources of law, legal ontology, legal axiology, federal structure, Vietnamese law, reception of law.

28 июня 2024 г. в Воронежском государственном университете состоялась Четвертая ежегодная международная научно-практическая конференция «Из архаики в XXI век: правовые системы и системы права», организованная Научно-образовательным центром юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ и кафедрой теории и истории государства и права ВГУ под руководством доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории государства и права ВГУ **Светланы Николаевны Махиной**.

С. Н. Махина обратилась с приветственным словом к участникам конференции, отметив, что новеллы, появляющиеся в действующих правовых системах, захлестывают нас бурным потоком, требующим осмысления. Как показывает многотысячелетняя история государственности и мировая история, без должной теоретической проработки правовые институты работают плохо или не работают вовсе. Происходящие процессы заставляют нас по-новому посмотреть на те категории, которыми

мы оперировали достаточно длительное время и воспринимали их как весьма устойчивые. В частности, это «правовые системы», «системы права», «правовые семьи». Современное течение развития государственности и правовых систем ставит перед нами вопрос, действительно ли мы можем останавливаться на трихотомии, которая была предложена Рене Давидом? Являются ли теоретические конструкции, концепции правовых семей, систем права, правовых систем по-прежнему актуальными?

Профессор С. Н. Махина отметила, что данные категории необходимо не только теоретически воспринимать и исследовать, но и отмечать, каким курсом осуществляется развитие отраслей права. В настоящее время, с одной стороны, они имеют тенденцию к укрупнению и объединению, с другой – выделяются новые отрасли, например, спортивное право, медицинское право, образовательное право. Возникает вопрос о необходимости новой систематизации отраслей, которая, безусловно, нужна и с практической, и с теоретической точек зрения. Кроме того, в современный период мы видим еще и сближение некоторых правовых систем, что позволяет говорить о том, что после определенных корректировок, преобразований, модернизаций и, конечно же, развития эти правовые системы, возможно, будут образовывать какие-то новые виды правовых семей.

Выступление главного научного сотрудника отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП при Правительстве Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора **Арзамасова Юрия Геннадьевича** было посвящено дискуссии о системе права, ее элементах и перспективах развития.

Прежде чем попытаться ответить на вопрос об элементах и перспективах развития системы права, автор остановился на дискуссиях о системе права. Некоторые исследователи отмечают, что первая такая дискуссия (1938–1940) началась с совещания по вопросам права, которое А. Я. Вышинский организовал, будучи генеральным прокурором СССР. Тогда было установлено, что система советского социалистического права состоит из набора составляющих ее отраслей. Было выделено восемь отраслей и отдельно – международное право. Большую роль в становлении понятия «система права» сыграл М. А. Аржанов, который отмечал, что существует только один критерий выделения отраслей права – это предмет. Вместе с тем, С. Н. Братусь указывал, что для определения отрасли права необходимо говорить и о методах, способах, приемах. М. А. Аржанов, возражая ему, отмечал, что

разделение норм права по методу правового регулирования относится ближайшим образом к форме, а не к содержанию правоотношений.

Вторая дискуссия о системе права стала знаковой. Новый этап развертывающихся дискуссий актуализировался потребностями развивающегося законодательства. На тот момент основные отрасли права – гражданское, уголовное, административное право – как правило, имели основы законодательства или соответствующий кодекс. Ученое сообщество пришло к мнению, что существует два основных критерия выделения отраслей права – это предмет и метод правового регулирования. Хотя были и противники этого подхода, указывающие на существование, наряду с основными (диспозитивным, императивным), и дополнительных методов правового регулирования, например, метода гарантий и метода рекомендаций.

В третьей дискуссии (1982), которая была организована журналом «Советское государство и право», были расширены представления о критериях отраслевой дифференциации права. Научная полемика привела исследователей к разделению на противников и сторонников идеи системы права и связанного ней понятия отрасли права. Р. З. Лившиц, Ц. А. Ямпольская, В. П. Мазолин, В. Ф. Попондопуло, Л. Б. Тиунова и другие авторы предложили отказаться от применения категорий «отрасль права» и «система права», используя для этих целей понятия «отрасль законодательства» и «система законодательства».

Исследования в этой области продолжаются и по настоящее время. В качестве примера автор доклада отметил диссертационную работу А. А. Головиной «Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права». В указанном труде выделяются следующие критерии образования отраслей права: высокая значимость регулируемых общественных отношений; наличие кодифицированного нормативного правового акта; наличие особого круга субъектов права; дивергенция системных связей. По мнению Ю. Г. Арзамасова, необходимо добавить еще один критерий для выделения отрасли права – наличие научных школ.

Докладчик подчеркнул, что некоторые исследователи довольно категорично высказываются относительно деления права на отрасли. Так, Д. М. Азми отмечает, что такого деления в действительности никогда не было и оно не является единственно возможным подходом к рассмотрению системы права.

Автор доклада указал, что на сегодняшний день полностью отказываться от отраслевого деления права нецелесообразно. Во-первых, преподавание, защита диссертаций строятся именно по отраслевому принципу. Во-вторых, систематизация законодательства осуществляется чаще всего по органам, принявшим нормативно-правовые акты, по видам нормативно-правовых актов, по сферам деятельности.

Говоря об элементах системы права, Ю. Г. Арзамасов отметил, что на сегодняшний день система российского права состоит из следующих элементов.

Первый уровень – это нормы права, которые являются не просто правилами поведения, а определенными его эталонами, стандартами. Второй уровень – институты права, которые подразделяются на объемные (институт юридической ответственности, договора), межотраслевые и субинституты, регулирующие узкую сферу общественных отношений (например, договор подряда). Третий уровень – подотрасли права, подразделяющиеся на подвижные, которые претендуют стать самостоятельными отраслями права, как, например, налоговое, международное уголовное право, и постоянные подотрасли права (вещное право, наследственное право и т.д.). Четвертый уровень – отрасли права, представляющие собой совокупность норм, регулирующих определенные отношения в социуме. Пятый уровень – комплексные отрасли права, как, например, корпоративное право, информационное право. Шестой уровень – это сферы правового регулирования, которые в лучших традициях романо-германской правовой семьи разделяют на частное и публичное право. Особым уровнем при этом является международное право.

Доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук **Ольга Борисовна Купцова** раскрыла тематику методологии современного сравнительного правоведения, особенности ее трансформации и перспективы развития.

Автор отметила, что определенные тенденции развития общества влияют на развитие правовой доктрины в целом и сравнительного правоведения в частности, и остановилась на четырех основных аспектах. Во-первых, это развитие юридической техники, технико-юридического инструментария, во-вторых, цифровизация, в-третьих, междисциплинарность, которая достаточно активно развивается в современной юридической науке, и, в-четвертых, практикоориентированность.

В плане практикоориентированности как преподавания юридических дисциплин, так и осуществления научного познания, практическая направленность научного познания предопределяется познанием специфики различных видов правовых актов, юридических процессов, особенностей правовых систем, выявлением определенных практических проблем, требующих разрешения и влекущих юридически значи-

мые последствия. Исследователям необходимо анализировать в максимальной степени запросы на определенное теоретическое обоснование и формирование путей решения ряда задач.

О. Б. Купцова отметила, что в настоящее время меняются определенные аспекты взаимодействия государств на юридической карте мира, в результате происходит унификация форм права на надгосударственном уровне, появляются смешанные правовые системы. Так, отсылки к правовым обычаям существуют в каждой правовой семье. Однако сущность правового обычая в романо-германской правовой семье совершенно иная, нежели в англо-американской или мусульманской правовых семьях. Следовательно, необходимо анализировать эти аспекты и их применение на практике.

Автор отметила, что научная школа юридической техники продолжает развиваться не только как система правил, способов, приемов формирования нормативно-правовых, правоинтерпретационных, правоприменительных, правоконкретизирующих, правосистематизирующих и других актов. Техничко-юридический анализ в большей степени ориентирован на прагматизм. Даже если у правовых актов, созданных в разных правовых системах, сходное название, они могут отличаться существенными положениями.

О. Б. Купцова отметила, в частности, исследования сущности судебного прецедента. В настоящее время интерпретационные акты высших судебных органов, постановления, определения Конституционного Суда Российской Федерации, в ряде случаев – постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации называются судебным прецедентом толкования. В научных кругах идет дискуссия о необходимости признания такой формулировки, о возможности называть эти акты прецедентами. Автор полагает, что это возможно и в данном случае следует обратить внимание на структурную организацию, формулирование нормативных положений, которые становятся образцами для разрешения сходных аналогичных дел.

Однако эта проблематика достаточно остра. Если таковые акты будут признаны близкими к классическим судебным прецедентам, то необходимо видоизменять или уточнять их значение в современном правовом регулировании. Вместе с тем у нас достаточно стабильная система форм права, система юридических актов, правовая система. Возможно, будут формироваться смешанные правовые акты. В этом отношении теоретическая конкретизированность понятийных характеристик, наименования, сущностных характеристик определенных правовых актов поможет более эффективно осуществить процесс развития различных форм права, различных правовых актов.

Кроме того, большое количество формирующихся прецедентов в англо-американской правовой семье ориентирует исследователей на то, чтобы задумываться о консолидации. В этом отношении должна быть исследована техника консолидации как нормативных правовых актов, так и актов судебного толкования, судебных прецедентов. При этом, безусловно, будут использованы определенные положения и достижения юридической техники, которые существуют в других правовых системах. По мнению автора, это будет позитивным явлением для развития конкретной правовой системы, особенно учитывая конвергенцию, сближение различных правовых систем, в частности, англо-американской и романо-германской правовой семьи.

Что касается цифровизации, то она как естественно-неотъемлемая характеристика современного общества позволяет совершенствовать инструментарий, способствует развитию взаимодействия между различными субъектами правоотношений, дает возможность осуществлять различные формы диалога, развивать делиберативность.

Калинина Евгения Валерьевна, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, представила доклад на тему: «“Путешествие во времени” религиозно-традиционных правовых систем: аксиология социально-правовых трансформаций (на примере иудейского права)».

Автор отметила, что аксиология современных социально-правовых трансформаций и необходимость возврата к духовным, традиционным ценностям отдельно взятых сообществ являются предметом обсуждения многих научных публикаций.

Трансформационное состояние, переживаемое тем или иным социальным организмом, обуславливает поиск устойчивых моделей, гарантирующих его стабилизацию. Одним из приоритетных трендов становится популяризация идеи традиционных духовно-нравственных ценностей, что обращает внимание политических элит на мировоззренческие конструкции, прошедшие проверку временем. Так, религиозно-правовые учения оказываются ключевым элементом современной социально-политической повестки, а религиозные традиционно-общинные правовые системы – материалом для изучения так называемых успешных ценностно-ориентированных практик. Их долголетие и востребованность

социумом, а также значительно меньшая подверженность ценностным мутациям по сравнению с трансформациями, переживаемыми светскими правовыми системами, заставляют воспринимать их в качестве систем социальных, мировоззренческих и этико-правовых архетипов, формирующих, сохраняющих и воспроизводящих соответствующие нравственные платформы.

По мнению Е. В. Калининой, еще относительно недавно в компаративистике было не принято признавать традиционные религиозно-правовые системы в качестве составляющих отдельную правовую группу или правовую общность. Некоторые авторы были настроены весьма категорично, заявляя, в частности, что, в отличие от классических правовых семей, религиозно-правовая семья не обнаруживает внутреннего единства, кроме того, в чистом виде религиозная правовая семья не сохранилась к настоящему времени. Вместе с тем всегда говорилось о том, что право как автономный социальный регулятор не существует в чистом виде, оно переплетено с нравственными, религиозными, традиционными нормами и ценностями. По мнению автора, правовые нормы подчиняются религиозным установлениям, а основу регулирующего воздействия на поведение человека составляет не идея прав и свобод, а идея обязанности и долга, которая коррелирует с идеей ответственности, что часто забывается, когда продвигаются идеи прав и свобод человека.

Е. В. Калинина отметила в качестве контраргументов, что, во-первых, в чистом виде не сохранилась ни одна правовая система в силу ранее существовавших процессов колонизации, глобализации, даже глокализации. Во-вторых, характерный стиль мышления, отраженный в нормообразовании, отличает группу религиозных, традиционных, общинных правовых систем от западных правовых систем. В-третьих, представление о праве в религиозных, традиционных системах отличается от западного. История формирования этого специфического стиля мышления, например, у восточных правовых систем – индусской, иудейской, – неизмеримо древнее любой европейской. Для примера: обращаясь к иудейскому народу, согласно эпосу, во время дарования Торы Всевышний наставляет народ соблюдать закон Торы, как он сам соблюдал его, как сказано в Ветхом Завете (Танахе). В этом фрагменте заложена идея универсальности и вечности божественного закона, неограниченности во времени.

Тем не менее мы не можем ожидать от традиционной системы непоколебимой неизменности. Общество – носитель правовых традиций – неизбежно меняется, и религиозно-правовым системам приходится адаптироваться ко всему комплексу мировоззренческих метаморфоз. Развитие общественно-политических институтов на каждом историческом этапе сопровождается актуализацией ценностных ориентиров, которые

характеризуют социум и позволяют строить прогнозы относительно последующих трансформаций. Смена внутри- и внешнеполитических сценариев вынуждает ученых и специалистов-практиков обращаться к зарубежному опыту в поисках нестандартных решений.

Происходящие изменения, с одной стороны, оживляют дискуссию о моральном устаревании этических моделей, с другой стороны, способствуют укреплению тенденции оптимизации национальных духовно-нравственных ценностей, воспринимаемых в качестве цементирующего элемента, для целой экосистемы национальных общностей. Не последнюю роль в обновлении общественно-политических платформ занимают и религиозные учения как сложившийся комплекс взаимосвязанных этических ориентиров. В нарративе древневосточных и античных мифологий упоминается идея «золотого века», идеального общества начала времен. До тех пор, пока община, индивиды сохраняют изначальную нравственную, физическую чистоту, неукоснительно следуют божественным установлениям, сохраняется оптимальная социальная модель. Особенностью иудейского этического нарратива можно считать то, что его действующими лицами были обычные люди с присущими им слабостями и характерными для их эпохи мировосприятием и потребностями. Воспитательно-корректирующая роль состояла в заложении основ этического кодекса поведения членов будущей общности с последующим формированием правовой культуры всего общества.

Нравственный идеал построения общества представлен во многих системах религиозного права, сохранившихся до настоящего времени.

По мнению докладчика, в иудаизме, как и в других древних религиозных правовых конструкциях, этические правовые установления можно классифицировать в зависимости от предмета регулирования. Например: нормы, регулирующие отношения между человеком и Богом; нормы между человеком и человеком; условно межгосударственное регулирование, взаимодействие общины с иноземными народами. По наличию способности общества проявлять заботу о наиболее уязвимых слоях населения, вдовах, сиротах, неимущих можно судить о его нравственном уровне. В Танахе имеется ряд фрагментов, содержащих соответствующие предписания. Среди основополагающих принципов правосудия в иудаизме закреплены требования равенства сторон и запрет пристрастности во время судебного процесса. Автор отмечает, что в Пятикнижии зафиксирован целый комплекс норм, этико-правовым образом регулирующих отношения в обществе. В качестве иллюстрации участникам была представлена презентация с фрагментами Танаха, Торы, отражающими вышеизложенную позицию.

Обобщая сказанное, Е. В. Калинина сформулировала причины жизнеспособности иудейской правовой системы. Во-первых, умение акту-

ализировать свою ценностно-опорную систему в соответствии с запросами времени и геополитическими обстоятельствами, спецификой и факторами; специфическое национальное мировоззрение, национальная идентичность; общинный уклад, который, на взгляд автора, является залогом сохранения и долголетия системы. На протяжении веков в иудейском социуме почти отсутствовало деление на сословия, классы, по древности рода или имущественному цензу. Единственное существовавшее разграничение – по принадлежности к еврейскому народу и вероисповеданию. В итоге, даже будучи разбросанными по всему миру, евреи, иудеи формируют свои собственные общины, диаспоры и следуют веками признанному укладу и традиционной системе ценностей, конечно, с поправками на реалии времени. Именно это и обеспечивает широту географии, распространение данной правовой системы, единство участников, единомыслие, солидарность национального сообщества, выживаемость общества в меняющемся мире. Конечно, у этих особенностей имеется и обратная сторона – мощная идеологическая составляющая. Вместе с тем ни одна религиозная правовая система не дошла в идеальном своем виде до наших дней, но они позволяют увидеть нравственный аксиологический потенциал, к которому общество может стремиться.

Результатами исследования этнических и культурных традиций, влияющих на особенности современных медиативных процедур в КНР, в своем докладе поделилась доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета **Юлия Владимировна Сорокина**.

Она акцентировала внимание на том, что примирительные процедуры являются древнейшим инструментом правосудия, существовавшим еще в догосударственный период мировой цивилизации. Для общества древнего Китая примирение было естественным и органичным способом поддержания стабильности, его широкому распространению способствовала конфуцианская идеология и содержащиеся в ней идеи о гармонии, всецело разделяемые социумом. При этом, в отличие от европейских государств рассматриваемого периода, в праве которых прослеживается стремление властных субъектов установить монополию на правосудие, правители Китая не были склонны к идее обеспечения правосудия сугубо государственными средствами, в то же время дела, касающиеся интересов государства, рассматривались исключительно государственными судами.

Автор отметил несомненную преемственность культурных особенностей и традиций в институте медиации современного Китая, что детерминирует особый, уникальный характер медиативных процедур, отличный от иных моделей примирения. В частности, в разрешении споров с участием медиатора по-прежнему наблюдается опора на класси-

ческие принципы социальной философии, восходящие к традиционным для Китая этико-политическим учениям (прежде всего, конфуцианству и легизму).

Одной из особенностей функционирования современного института медиации в Китае, по мнению Ю. В. Сорокиной, является законодательно закрепленная возможность профессиональных судей одновременно выступать в роли медиаторов в ходе примирительных процедур. При этом положения того соглашения, которое заключается по итогам разрешения спора при участии государственного судьи в качестве медиатора, обеспечиваются принудительной силой государства.

Своим видением генезиса методологии научной дисциплины «сравнительное правоведение» в условиях новой научной рациональности поделился заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы **Дмитрий Алексеевич Пашенцев**.

Историю развития сравнительного правоведения, по его мнению, можно разделить на три хронологических периода. На первом этапе сравнительное правоведение воспринималось исследователями исключительно как метод познания, подтверждением чему, в частности, служат упоминания об историко-сравнительном методе в работах М. М. Ковалевского. Второй этап развития научной дисциплины ознаменовался проведением I Международного конгресса сравнительного права в Париже в 1900 г., краеугольным вопросом которого стала дискуссия о природе сравнительного правоведения, и именно на втором этапе свершилось преобразование понимания сравнительного правоведения как метода научного познания в осознание его как новой отрасли научного и юридического знания, что предопределило и развитие методологии: помимо сравнительно-правового метода, в арсенале сравнительного правоведения оказался также широкий набор иных средств и способов познания. В настоящий момент в юридической науке, а значит и в сравнительном правоведении, можно говорить о переходе к третьему этапу, который связан с постнеклассической научной рациональностью, содержащей в себе идею о принципиальной возможности объединения ранее несогласуемых представлений о реальности.

Развивая эту мысль и ссылаясь на материалы монографии Г. В. Мальцева «Культурные традиции права», Д. А. Пашенцев отметил, что предметом исследования сравнительного правоведения в настоящее время являются не только непосредственно правовые нормы, но и их взаимосвязь с культурой, религией, языком и другими значимыми параметрами, которые способны оказывать значительное воздействие на правовую систему,

правовую реальность. Таким образом, современная методология сравнительного правоведения должна быть основана на широком междисциплинарном синтезе, позволяющем провести и ментальное, и психическое, и биологическое измерение правового поведения человека в разных культурах, что невозможно без упомянутого междисциплинарного подхода.

Примером развития юридической науки в контексте ее перехода к постнеклассической рациональности может служить так называемый «лингвистический поворот», сущность которого заключается в понимании влияния лингвистических особенностей на описание правовых явлений у разных народов мира. Иными словами, формирование правовой среды напрямую зависит от национальной специфики, которая, в свою очередь, прежде всего, выражается в языке и во многом определяется языком. В связи с этим, по мнению Д. А. Пашенцева, в предмет сравнительного правоведения необходимо включать исследование тех языковых средств и форм, с помощью которых осуществляется конструирование правовой реальности.

По наблюдению докладчика, в последнее время в юридической науке становится все более очевиден «антропологический поворот», который связан с признанием индивида как субъекта права главным элементом правовой системы, поскольку именно действия человека становятся движущей силой конструирования правовой реальности. В связи с этим предметом сравнительно-правовых исследований должны становиться не только нормы права или правовые институты, не только язык права, но и модели правового поведения субъекта права, а также факторы, которые эти модели определяют.

В то же время профессор Д. А. Пашенцев акцентирует внимание на том, что влияние постнеклассической научной рациональности на методологию сравнительного правоведения не означает ухода науки от классических методов и методологических подходов. Речь идет, прежде всего, о дополнении существующих подходов новыми методами, их синтезе с устоявшимися средствами и способами научного познания.

В заключение профессор Д. А. Пашенцев сформулировал следующие аспекты влияния постнеклассической научной рациональности на методологию сравнительного правоведения на современном этапе развития науки: во-первых, произошло существенное обогащение методологического комплекса сравнительного правоведения (в контексте синергетического, герменевтического, идеологического и других методологических подходов); во-вторых, расширилось предметное поле сравнительно-правовых исследований, в том числе через установление взаимосвязи между традиционно правовыми категориями и явлениями, выходящими за рамки правового измерения.

Доклад о сущностных особенностях и месте закона в системе источников римского права представила профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук **Татьяна Анатольевна Алексеева**.

Она акцентировала внимание слушателей на высшей юридической силе закона среди всех источников римского права, имевших писаную форму. Подтверждением этому служат Институции Юстиниана, в которых указывается, что закон – это то, что римский народ постановил по предложению сенатского магистрата, и именно принятие и одобрение закона народом делало его главным источником римского права.

Предназначением закона, исходя из записей Секста Помпония, содержащихся в Дигестах Юстиниана, является создание определенности, для обеспечения которой, к примеру, Законы XII таблиц, записанные на табличках из слоновой кости, были выставлены в публичном месте, чтобы каждый мог ознакомиться с ними.

Проанализировав приведенные в трудах римских юристов дефиниции термина «закон», профессор Т. А. Алексеева выделила признаки закона: это общее предписание; закон есть то, чему все люди должны повиноваться; это общее обещание республики; это общее соглашение общины, по которому следует жить тем, кто в ней находится. Именно римское понимание сущности рассматриваемого источника права в дальнейшем станет истоком идеи эпохи Просвещения о законе как выражении общей воли, что впоследствии найдет свое закрепление в ранних конституциях.

Проявление действия закона, по мнению римского юриста Геренния Модестина, можно описать четырьмя глаголами: повелевать, запрашивать, разрешать и карать. При этом древнеримская идея правового закона содержалась в высказывании юриста Публия Сальвия Юлиана: тому, что установлено против смысла права, мы не можем следовать как юридическому правилу.

Говоря о причинах, которые определяют необходимость принятия законов, Т. А. Алексеева процитировала юриста Юлия Павла, который отмечал, что законодатели обходят то, что происходит лишь в одном или двух случаях, и в этой мысли прослеживается идея рациональной и экономной законодательной деятельности. В то же время римские юристы осознавали невозможность объятия законами всех возможных событий, и в связи с этим ими были сформулированы идеи о примене-

нии как аналогии закона, так и аналогии права для восполнения пробелов законодательства.

В трудах юристов Древнего Рима встречаются идеи о правилах толкования закона, которое должно осуществляться в соответствии с его волей. В случае наличия двусмысленности предпочтение должно было отдаваться тому значению, которое лишено порока, т.е. не идет вразрез с пользой для людей и не препятствует их благополучию.

В финале своего выступления профессор Т. А. Алексеева обратила внимание слушателей на относительно малоизвестный факт о разграничении в древнеримской юридической науке категорий «нарушение закона» и «обход закона» и привела мнение Ульпиана, который обходом закона называл совершение какого-либо действия, не запрещенного законом, но, тем не менее, нежелательного, исходя из его смысла.

Тирских Максим Геннадьевич – профессор кафедры международного права и сравнительного правоведения Юридического института ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент – выступил с докладом на тему: «Влияние трансформации политического режима государства на национальную правовую систему».

Автор затронул проблематику, связанную с изменениями, которые происходят в правовой системе конкретного государства в контексте трансформации политических режимов. Он отметил, что политические режимы как совокупность методов, средств, приемов, способов осуществления политической власти так или иначе характеризуются достаточно серьезными преобразованиями внутри политической конструкции общественной жизни и зачастую связаны с крайне серьезными комплексными и радикальными изменениями. Изменения претерпевают базовые механизмы расширения властвования, формируются новые системы управления, внедряются новые методы, при помощи которых осуществляется политическое управление. При этом при осуществлении трансформации политического режима достаточно часто происходят весьма радикальные комплексные изменения, последствием которых является переформатирование в целом системы власти. Если мы говорим о современном обществе, то для него система политического управления, политического взаимодействия является одной из базовых систем наряду с экономическим, социальным, культурным взаимодействием и прочим. И в контексте достаточно серьезных преобра-

зований политической сферы общественной жизни не может не возникнуть определенное воздействие на существующие правовые механизмы.

М. Г. Тирских выделил несколько ключевых аспектов воздействия на правовую систему при трансформации политических режимов.

Во-первых, любая власть, разрабатывая методологию управления, требует создания правовых институтов и правовых механизмов, что, в свою очередь, влечет изменения в существующих юридических нормах.

Во-вторых, необходимо уточнить объем властных полномочий, включая различные политические институты и группы участников, обладающих возможностями влияния на политический процесс.

В-третьих, изменение политических режимов сталкивается с историческим опытом общества, поскольку оно привыкает к определенным институтам, которые становятся необходимыми для функционирования. Эти изменения требуют адаптации социального восприятия и правовой настройки.

Таким образом, трансформация политических режимов оказывает серьезное влияние на правовую систему, которая, хотя и подвержена изменениям, выдерживает их только в контексте длительных исторических процессов и комплексных преобразований в сфере общественной жизни. Трансформация политических режимов, разворачивающаяся в любом направлении, требует серьезного воздействия как минимум на право и приводит к правовым реакциям. Эволюция политических режимов оказывает заметное воздействие на правовые механизмы, поскольку новая методология управления требует создания институтов и юридических механизмов, что влечет за собой необходимость изменений в праве. Однако резкие изменения в одной сфере общественной жизни не всегда приводят к серьезным изменениям в правовой системе.

Также М. Г. Тирских отметил необходимость учитывать объем властных полномочий и функционал политических институтов, которые изменяются в зависимости от социальных условий, что формирует уникальные характеристики, важные для реализации права.

Исторический опыт общества влияет на восприятие институтов, и изменения требуют правовой настройки и адаптации общественного сознания. Трансформация политических режимов необходима для правовых реакций, однако изменения в правовой системе происходят медленно, в контексте длительного исторического процесса. А комплексные преобразования политического режима не могут обойтись без серьезных изменений в правовой системе. История знает множество примеров, когда смена режима, как в Российской Империи после 1917 г., приводила к трансформации правового механизма. Появление новых источников права, революционного правосознания отражает попытку стабилиза-

ции правового пространства посредством отказа от ранее существовавших механизмов. Сравнительные примеры, такие как революция Мэйдзи в Японии и младотурецкая революция, показывают, что изменения политического режима приводили к трансформации, созданию новых правовых конструкций.

При этом устойчивость правовой системы часто не позволяет изменить ее в условиях трансформации политического режима, особенно когда основные принципы управления не требуют радикальных реформ, как в случаях с доминированием религиозных кругов в политике, поскольку в данном случае существовавшая традиционно религиозная правовая система сопряжена с их доминирующей политической ролью. В результате трансформации режима отказ от этой доминирующей роли приводит, по сути, к необходимости смены и правовой системы. Структурированность и устойчивость правовой системы общества зачастую является более сильной и укоренившейся, нежели политические механизмы организации жизни общества.

Автор рассматривает влияние трансформации политических решений на правовую систему общества, выделяя три основных блока компонентов: нормативный, функциональный и культурно-идеологический уровни. При изменении политических режимов, как минимум, меняется культурно-идеологический уровень, что требует адаптации общественного восприятия права. Это, в свою очередь, влияет на функциональный уровень, где происходят изменения в механизмах правореализации и правоприменения. При этом формальная юридическая составляющая, основанная на конкретных нормах и источниках права, может оставаться неизменной, как это было в случае установления национал-социалистического режима в Германии.

Таким образом, М. Г. Тирских констатировал, что трансформация политических режимов всегда приводит к изменениям в правовой системе общества, лишь в отдельных случаях приводя к смене одной правовой системы другой и при этом всегда приводя к дисбалансу в сложившейся ранее правовой системе и необходимости проведения совокупности действий, нацеленных на установление стабилизации правовой системы и балансировки, исходя из тех принципов, норм и условий, которые включает новый политический режим в контексте существующих механизмов и институтов функционирования соответствующего общества.

Беляев Максим Александрович – доцент кафедры философии и социологии, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук, доцент – выступил с докладом на тему: «Дея-

тельность как детерминанта для юридической онтологии: технический аспект».

В начале выступления М. А. Беляев затронул вопросы актуальности изучения границ правовой системы, системности, вопросы о том, где заканчиваются границы правовой системы, нужен ли нам этот концепт и имеет ли он какое-нибудь значение, кроме чисто умозрительного.

Автор также подчеркнул связь между изменениями в технологиях и трансформацией правовой деятельности, а также вторичными артефактами, возникающими в результате этой деятельности, включая правосознание субъектов права. Таким образом, автоматизация юридических операций, их цифровизация будут влиять и на понятийно-категориальный аппарат права. Докладчик предложил два проекта. Первый – по созданию методологии юриспруденции в эпоху квантовых вычислений и искусственного интеллекта, что могло бы стать коллективным достижением для сферы права. Второе предложение касалось возможности автоматизации и представления состава правовой системы в виде замкнутых множеств и доменов. В частности, автор упоминает работу, выполненную в Болонском и Туринском университетах, в которой описан софт, позволяющий визуализировать отношения между сущностями в сфере права, осуществлять быстрый поиск по токенам, т.е. по предметам, которые воплощают типы, а не по типам, т.е. по верхним уровням. Эта программа работает с 12 онтологиями из 6 различных предметных областей/разделов, включая: правовые нормы (в широком смысле и регламенты, инструкции); лицензии; индексы; списки юридических документов; Privacy – модель понятий, входящих в новую европейскую систему регулирования защиты данных; тендеры и иные публичные контракты.

Каждый из этих шести доменов, по мнению автора, по сути, представляет собой потенциально иерархизированную систему, которую можно индексировать, визуализировать, по которой можно осуществлять поиск. Основная задача софта – проверка перекрестных ссылок между этими доменами.

М. А. Беляев также затронул философскую сторону вопроса, отметив контроверзу между реалистами и номиналистами в контексте компьютерного моделирования правовых онтологий. Докладчик отметил, что с помощью современных инструментов автоматизации можно проверить, чья позиция – номиналистов или реалистов – будет иметь большее значение в юридической практике. Если правовые онтологии всё

более эффективно будут обеспечивать юридическую деятельность, то номиналисты подтвердят свою правоту; в противном случае реализм будет иметь свое обоснование. Автор также упомянул о наличии эпистемологического аспекта данной проблемы, который требует отдельного рассмотрения.

Касаткин Сергей Николаевич, ведущий научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент, поделился рассуждениями на тему: «Утверждение о системности права: проблема универсалистской перспективы».

Он отметил: в отечественной литературе постулируется, что право является системой. Вместе с тем системность означает определенную целостность норм и их непротиворечивость, беспробельность, существование механизмов обеспечения неколлизионности, взаимосвязанности. В этом контексте существует исторический спор о том, является ли система права полной. Позиция позитивистов состоит в том, что право имеет пробелы, однако их критики утверждают, что пробельность – это элемент описания позитивистами системы права, а не характеристика самого права.

Автор поставил перед участниками конференции вопрос, является ли юридическая коллизия характеристикой системы права или характеристикой описания системы права. В постсоветском праве считается, что коллизийность – это часть системы права. Однако мы не можем абсолютно точно указать, насколько эта позиция является истинной. Исследователи не пришли к единому мнению. Существует сложность в том, чтобы отграничить некое описание права как такового от некоей универсалистской позиции и частных характеристик, отдельных позиций.

Поцелуев Евгений Леонидович, и. о. заведующего кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права и прав человека юридического факультета ИвГУ, кандидат исторических наук, доцент, выступил с докладом на тему: «Виды федеративного устройства в Бразилии, Индии и России: сравнительно-правовой анализ».

В докладе были озвучены взгляды относительно сходства между Бразилией, Индией и Российской Федерацией с точки зрения государственного права и социально-экономического характера. Автор подчеркнул значимость этих стран благодаря размерам их территорий и численности населения, а также отметил схо-

жесть форм государственно-территориального устройства. Особое внимание было уделено экономическим аспектам, таким как участие в международной группе БРИКС и интеграция в мировую экономику.

Е. Л. Поцелуев подробно рассмотрел виды федераций, акцентируя внимание на конституционном характере всех рассматриваемых стран. Однако несмотря на сходства, различия всё же были выделены. Например, Бразилия и Индия имеют большее количество населения, тогда как Россия лидирует по площади. Все три страны являются конституционными федерациями, при этом Бразилия имеет восьмую конституцию, принятую в 1988 г., а Индия функционирует с конституцией 1950 г. Автор уделил внимание и территориальному, национальному делению федераций: Бразилия – моноэтническая, Индия – лингвистическая, а Российская Федерация сочетает оба принципа. Докладчик обозначил факторы централизации в разных федерациях: так, Индия характеризуется высокой степенью централизации, а Бразилия и Россия – умеренной. Индия проявляет высокий уровень централизации, что связано с необходимостью противостоять сепаратизму в некоторых штатах, таких как Пенджаб и Джамму и Кашмир. Конституция Индии позволяет президенту исполнять функции правительства штата, что также свидетельствует о сильной централизации власти. В то же время в Бразилии существует дуализм и элементы кооперативного федерализма, однако также присутствует высокая централизация власти. Бразильские ученые отмечают, что, хотя Бразилия является федерацией, по факту она остается унитарным государством. В обеих странах отсутствует право сепарации для субъектов, что указывает на централизованный характер федеративного устройства. Индия и Бразилия демонстрируют признаки асимметричной федерации, в то время как в России присутствуют симметричные элементы, однако все три федерации в той или иной мере централизованы и асимметричны.

Е. Л. Поцелуев отметил, что в Бразилии существует три вида субъектов федерации: 26 штатов, один федеральный округ и более 5000 муниципалитетов, что создает симметричную структуру де-юре. Однако, несмотря на это, внутри страны можно выделить асимметричные элементы, которые варьируются по различным критериям. Индия также демонстрирует асимметрию, учитывая особое положение штата Джамму и Кашмир.

В заключение автор указал, что в Бразилии, Индии и России – различные формы федеративного устройства, каждая из которых имеет свои особенности. Бразилия является территориальной федерацией, Индия – национальной федерацией, а Российская Федерация представляет собой конституционный тип федеративного устройства. Все три государства в большей или меньшей степени централизованы и все они асимметричны.

Андрей Витальевич Ильин, доцент кафедры государственного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент, представил участникам конференции доклад на тему: «Статус национального лидера в основных законах стран СНГ».

А. В. Ильин выразил мнение, что право как институт следует разделять на два типа: право урбанистического (городского) общества и право сельского общества. Как было указано автором, данные модели не являются равными

друг другу по своей значимости для государства, обеспечивая и защищая диаметрально противоположные интересы.

Говоря о сельском обществе, докладчик отметил, что для него характерен принцип так называемого «монизма», единоначалия, что отличает статус национального лидера от прочих типов глав государств. В качестве исторического примера был упомянут период феодализма, для которого аспект единоначалия был решающим фактором.

Анализируя период советской и постсоветской истории, А. В. Ильин подчеркнул, что большую стабильность и порядок удастся обеспечивать в тех государствах стран СНГ, где сменяемость власти явно или неявно отодвигается на второй план. Выступающий привел в пример современную Россию, где статус национального лидера, действующего без пристрастия и на благо народа, является своего рода «государствообразующим» принципом. Преодолев этап монархии, но сохранив ее суть в едином правителе, такой метод управления государством позволяет стране функционировать гораздо эффективнее государств, в которых царствуют монархия или полиархия.

Продолжая выступление, автор затронул тематику разделения и передачи власти. В качестве примера А. В. Ильин привел ряд государств постсоветского периода, в которых общая политическая, экономическая и «обыденная» стабильность является показателем высокого статуса национального лидера, его способности разрешения проблем государства.

Поскольку сам статус национального лидера не может быть формально закреплен в букве закона, автор отметил, что общий политический авторитет такого лидера позволяет ему находиться выше любой критики в свой адрес, над самой системой государства, что подкреплялось одобрением и всенародной поддержкой населения.

Говоря о правлении последних лидеров Советского Союза, А. В. Ильин обратил внимание слушателей на тот факт, что еще один аспект ста-

туса национального лидера прослеживается в его возможностях влиять на жизнь государства непрямыми методами, не упомянутыми в перечне официальных полномочий правителя. Налицо концепция неписаного права, благодаря которому официальные лица советского государства имели ряд возможностей, выходящих за пределы юридически установленных для них. Автор подчеркнул, что данные возможности использовались таковыми лицами на благо государства, зачастую без вмешательства бюрократических элементов в деятельность.

Отдельную часть своего выступления А. В. Ильин посвятил аспекту пожизненного правления. Трактую пожизненное правление как форму общественного признания, «вечного мандата», автор пояснил, что институт сменяемости власти утрачивает свою силу, когда народное признание лидера за его заслуги, равно как и способность последнего слушать и слышать свой народ, позволяет главе государства оставаться в системе государственного управления если не де-юре, то де-факто.

В качестве завершающего примера привел историю американского лидера Джорджа Вашингтона, который добился национального признания уже будучи лишеным должности главнокомандующего освободительными силами времен войны за независимость в Северной Америке. Личная заслуга Вашингтона заключалась в организации встреч инициаторов объединения штатов в целое государство.

На момент вышеописанных действий никто из окружения Вашингтона не видел никого другого на его месте, поскольку именно его воззрение, способы и методы достижения цели виделись американцам единственно возможным вариантом развития событий. Став впоследствии первым президентом Соединенных Штатов Америки, Джордж Вашингтон еще сильнее укрепился в сознании людей как несменяемый национальный лидер, благодаря непомерному личному вкладу в благополучие своего государства и его народа.

Право Вьетнама в условиях дихотомии Запада и Востока проанализировала **Екатерина Андреевна Есаева**, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Е. А. Есаева начала свою речь с краткой характеристики сложного исторического развития Вьетнама, что повлияло на особенности современного вьетнамского права. Нормативная база Вьетнама включает в себя различные

правовые традиции, сложившиеся в результате вторжений, войн, революций, подкрепленных собственными культурными традициями государства.

Право Вьетнама может быть охарактеризовано в двух периодах: доколониальном и колониальном. Согласно мнению современного вьетнамского ученого Луана Мао (г. Сайгон), специализирующегося на доколониальном периоде, необходимо выделить следующие ключевые характеристики вьетнамского права: отсутствие разделения властей в государстве; господство концепции смешения гражданского и уголовного права; преобладание видов наказаний и гуманизм, пришедшие из Китая, которые по большей части присущи конфуцианскому праву.

Е. А. Есаева отметила, что конфуцианство, даосизм и буддизм в значительной степени оказали влияние на формирование правовой системы Вьетнама. Ядро вьетнамского права всегда составляла мораль, которая была первична по отношению к праву. Так, например, в законодательстве Вьетнама начала XIX в. существовала норма, согласно которой нарушение правил траура по матери, отцу или супругу наказывалось 60 ударами палкой и годом каторжных работ. Это было лишь одно из многих «моральных» наказаний, содержащихся на страницах соответствующих нормативно-правовых актов Вьетнама.

С началом колониального периода законодательство Вьетнама претерпело изменения, опирающиеся на французское право. Первоначально разрабатывалось законодательство, реформирующее и регулирующее те отрасли деятельности в государстве, которые приносили основной доход: это производство алкоголя, опиума и соли.

В дальнейшем во Вьетнаме была проведена реформа судебной системы, что создало почву для осуществления масштабной кодификации законодательства под конец первого десятилетия XX в.

Параллельно с законодательством реформировалась и система образования. Предполагалось, что благодаря данным преобразованиям и рецепции новых идей стран Запада во Вьетнаме появится собственная элита, выражающая благосклонность к французскому государству.

Автор отметила, что французские специалисты акцентировали свое внимание не только на процессе зарождения вьетнамской элиты, но также занимались образованием населения из низших сословий.

Например, в провинциях Вьетнама открывались школы, в которых могли учиться обычные люди, что позволяло повышать общий уровень грамотности нации. Такое явление положительным образом влияло на осознание народом своих прав и обязанностей, что также воздействовало и на судебную систему государства.

Полученное образование способствовало развитию института договора, который, будучи заключенным в письменной форме, мог содержать

в себе формулировку о том, что любой спор между сторонами договора мог быть передан на разрешение французского суда.

Е. А. Есаева подчеркнула, что в колониальный период во Вьетнаме существовало две судебные системы. Первая система – местные мандаринские суды. Вторая система была заимствована из Франции. Как отмечали французские ученые, их собственная судебная система очень понравилась вьетнамцам, так как была более прозрачной и менее коррумпированной.

Что касается нормативно-правовой базы, за весь колониальный период во Вьетнаме было разработано множество законов и создано несколько кодексов, которые действовали достаточно продолжительное время. Так, император Хо Ши Мин своим указом от 10 октября 1945 г. № 90 установил, что до создания единого кодифицированного акта в стране будет действовать старое доколониальное законодательство.

Анализируя состояние современного вьетнамского законодательства, вьетнамские ученые отмечают, что для бурно развивающейся рыночной экономики очень важно наличие стабильного и устойчивого права. Согласно ст. 51 Конституции Вьетнама, вьетнамская экономика представляет собой социалистическую рыночную экономику с разными формами собственности и разными секторами экономики. На основе Конституции Вьетнама 1992 г. было принято множество законов и множество кодифицированных актов. Отдельно автор упомянула Гражданский кодекс Вьетнама, который трижды подлежал пересмотру за всю историю своего существования и каждые 10 лет принимался в новой редакции.

Подводя итог своему выступлению, Е. А. Есаева отметила, что достаточно бурный рост современной экономики Вьетнама наглядно демонстрирует, что правовая система на стыке западных и собственных правовых традиций напрямую влияет на финансовое благополучие государства. Например, валовый внутренний продукт Вьетнама по сравнению с 2022 г. вырос на 5 %, что является существенным приростом для экономики рассматриваемого государства.

Дмитрий Андреевич Ефремов, аспирант кафедры административного и административно-процессуального права Воронежского государственного университета, выступил с докладом на тему: «Развитие института административного судопроизводства через призму рецепции права».

Приступая к выступлению, автор озвучил открытый вопрос на тему возможности развития института административного судопроизводства с использованием заимствования норм, обычаев и устоев из правовых систем иных государств мира.

Д. А. Ефремов упомянул, что Российская Федерация принадлежит к романо-германской правовой семье. Основным источником права в го-

сударствах данной правовой семьи является нормативно-правовой акт. Однако не всегда нормативно-правовая база отдельно взятой страны является совершенной, лишенной недостатков, что относится и к институту административного судопроизводства. Автор предположил, что указанную проблему представляется возможным решить заимствованием ряда нормативно-правовых механизмов у других государств.

Исследуя законодательство соседних с Россией государств, автор уделил особое внимание Республике Узбекистан и тем шагам, которые предприняло данное государство для совершенствования административного судопроизводства. Д. А. Ефремов подчеркнул, что в 2011 г. Указом президента Республики Узбекистан были учреждены административные суды, которые рассматривают исключительно административные дела. По мнению автора, это является существенным прорывом для узбекской судебной системы и задачей, над которой государственный законодатель в России борется не первый год, пытаясь учредить отдельную систему административных судов.

Автор предположил, что учреждение и закрепление административных судов для России могло бы крайне положительным образом сказаться на состоянии судебной системы отечественного государства.

Д. А. Ефремов отметил, что разрешение указанной проблемы невозможно без достижения компромисса в спорной ситуации между сторонниками и противниками учреждения административных судов в России. Докладчик акцентировал внимание на том, что учреждение таких судов непременно столкнется с проблемами не только законодательного характера, но также человеческого, финансового, образовательного. К сожалению, перегруженная судебная система РФ не может позволить одномоментное введение нового элемента в свою структуру. Эта проблема обсуждается на уровне научного сообщества, которое ищет пути ее преодоления на основании рецепции опыта зарубежных государств.

Вторая часть выступления Д. А. Ефремова была сосредоточена вокруг укрепившихся взаимоотношений Российской Федерации и стран Востока. В качестве яркого примера автором были упомянуты надежные и тесные связи России и Китайской Народной Республики.

Исторически развитие Китая всегда шло рука об руку с национальными традициями и обычаями, большое влияние на право оказало конфуцианство – учение, в котором правитель представлен как мудрый глава семейства, а граждане как послушные дети, ценящие и уважающие своего отца, следующие его наставлениям.

Однако отношение Китая к судебным распрям кардинально отличается от такового в России. Население Китая крайне не настроено на участие в судебных процессах. Политика государства построена на мак-

симальном отторжении граждан от судебной системы в пользу проведения процедур примирения. Автор указал, что китайский механизм проведения процедуры медиации мог бы быть адаптирован к условиям функционирования судебной системы России. К сожалению, институт примирения в любом виде судопроизводства в РФ не пользуется большим спросом.

Д. А. Ефремов высказал точку зрения о том, что внедрение вышеописанного опыта китайского государства необходимо начинать поэтапно, со специализированного «юридического просвещения», разъясняя гражданам РФ ценности примирительных процедур, объясняя механизм их работы, массово внедряя специализированные образовательные программы по судебному примирению, медиации на базе юридических факультетов высших учебных заведений России.

Докладчик отметил, что рецепция указанного подхода китайского государства к досудебному разрешению правовых конфликтов положительным образом скажется на состоянии судебной системы РФ. При этом автор подчеркнул, что данная процедура не должна становиться основным методом разрешения конфликтов, но она будет призвана существенно снизить нагрузку как на суд, так и на стороны разбирательства, сведет к минимуму ряд бюрократических процедур и снизит моральную нагрузку на вышеуказанных участников потенциального процесса. Особенно указанное касается административного судопроизводства, так как по своей сути данный вид судопроизводства представляет собой правовой спор с органом государственной власти, ее должностным лицом. К сожалению, в таких спорах гражданин/юридическое лицо являются более слабой стороной, которая защищена намного слабее, чем оппонент. К тому же судебный корпус также, по большей части, заинтересован в поддержании положительных отношений именно с государственными структурами, чем с гражданами/юридическими лицами.

Именно рецепция института примирения на примере Китая позволит выровнять чашу весов в процессе разрешения правовых споров, поскольку профессиональный примиритель сможет грамотно разъяснить сторонам все тонкости образовавшегося спора и предложить действенные методы по его окончанию.

Учреждение административных судов в совокупности с усилением роли института досудебного примирения, по мнению автора, позволит существенным образом модернизировать судебную систему России.

Завершая конференцию, профессор Светлана Николаевна Махина поблагодарила участников дискуссии, модераторов и организаторов и выразила надежду на продолжение дальнейшего плодотворного сотрудничества.

Для цитирования:

Сиринько В. А., Лавренов Н. А., Землякова А. Д. Обзор Четвертой ежегодной международной научно-практической конференции «Из архаики в XXI век: правовые системы и системы права» (Воронежский государственный университет, 28 июня 2024 г.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2024. № 4(9). С. 141–166.

Recommended citation:

Sirinko V. A., Lavryonov N. A., Zemlyakova A. D. The review of the Fourth Annual International scientific and practical conference “From Archaic to the 21st Century: Legal Systems and Systems of Law” (Voronezh State University, June 28, 2024) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2024. No. 4(9). Pp. 141–166.

Сведения об авторах

Сиринько Валерия Александровна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vallsi@mail.ru

Лавренов Николай Александрович – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета

E-mail: nikolay_lavryonov@mail.ru

Землякова Анна Дмитриевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета

E-mail: anna.zemlyakova2001@yandex.ru

Information about authors

Sirinko Valeriya Alexandrovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: vallsi@mail.ru

Lavryonov Nikolay Alexandrovich – Teacher of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University

E-mail: nikolay_lavryonov@mail.ru

Zemlyakova Anna Dmitrievna – Teacher of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University

E-mail: anna.zemlyakova2001@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегия по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегия по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегия Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо при-слать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сек-тора, подразделения организации) о рекомендации присланного мате-риала к опубликованию в журнале или подписанный научным руково-дителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редак-тированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной кол-легией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или око-ло 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) че-рез 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфа-витном порядке. Библиографический список подлежит переводу на ан-глийский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому по-зитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отно-шения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Haber-
mas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – M. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – M. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
И КОНФЛИКТОЛОГИИ
2024. № 4(9)

Подписано в печать 12.05.2025. Формат 70×100/16.
Уч.-изд. л. 14,7. Усл. печ. л. 13,9. Тираж 25 экз. Заказ 74

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3